

Т Р У Д Ы
ВЫСОЧАЙШЕ УТВЕРЖДЕННАГО
ВОЛЬНОГО ОБЩЕСТВА
ЛЮБИТЕЛЕЙ
РОССИЙСКОЙ СЛОВЕСНОСТИ.

~~~~~  
*Miser sum miseris succurrere disco*

~~~~~  
1818 годъ.

ЧАСТЬ IV.

СТ. ПЕТЕРБУРГЪ.
Въ Типографіи Карла Крайя.

№ 5783/4

1818, кн. 1-я

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ шѣмъ, чшобы, по напечатаніи до выпуска изъ шипографіи, предсшавлены были въ цензурный Комишешъ: одинъ экземпляръ сей книги для Цензурнаго Комишеша, другой для Депаршамента Минисшесшва народнаго Просвѣщенія, два экземпляра для ИМПЕРАТОРСКОЙ публичной Библіотеки, и одинъ для ИМПЕРАТОРСКОЙ Академіи Наукъ.

С. Пешербургъ, Ноября 8го дня 1818 года.

Цензоръ, Статс. Сов. и Кавалеръ

Г. Яценковъ.

59403

П Р О З А.

О ГОМЕРѢ И ЕГО ТВОРЕНІЯХЪ.

Было время, когда ничемъ не подтвержденныя извѣстія и неосновательные вымыслы ложныхъ схолиастовъ, почишались досповѣрнѣйшимъ знаніемъ о Гомерѣ, описаніе жизни котораго, слагали они изъ баснословныхъ и спранныхъ своихъ мнѣній. — Еще въ недавнемъ времени нѣкоторыя говорили со всею важностію о различныхъ общояпельствахъ, собственно до Гомера и имени его относящихся.

Но дабы показать, сколь труды ихъ были тщетны для сочиненія полной жизни Гомера, нужно будетъ во
Ч. IV. Кн. I.

первыхъ бросишь взглядъ на самую первую его Біографію. Долго вѣрили тому, что будто уже Геродотъ прудился надъ описаніемъ Гомеровою жизни. Конечно, во многихъ рукописяхъ нашли подобное сочиненіе, которое должно бытъ писано Геродотомъ; но разсматривая оное по содержанію, грамматически расположенному, увидишь одно хронологическое исчисленіе, явно прошиворѣчущее мнѣнію Геродота во вѣдѣной книгѣ его Исторіи (*) шакъ, что уже нельзя не сомнѣваться о подложности сего пворенія. — Болѣе восьми сошь лѣтъ послѣ Гомера, Историкъ Плутархъ писалъ о достославномъ опцѣ Греческаго стихопворства. Свѣденія о семъ сохранилъ намъ Геллій въ своихъ Аппиническихъ ночахъ (**). Однако мы не имѣемъ сего Плутархова пворенія, и встрѣчающіеся въ рукописяхъ опривки онаго, при-

(*) Стр. 53.

(**) Lib. II. Cap. 8.

знаны ложными и поддѣльными. Далѣе, находящіяся еще нѣкоторыя жизнеописанія Гомера, изъ коихъ при изданы были въ 1640 году Грекомъ Львомъ Алаціемъ. Онѣ писаны по крайней мѣрѣ 1200 лѣтъ послѣ Гомера: одна изъ нихъ сочинена новымъ Платоникомъ Прокломъ: но всѣ онѣ вообще незначущи и безъ всякаго историческаго достоинства. — Кроме сего, въ твореніяхъ Древнихъ находящіяся нѣкоторыя недоспащочныя замѣчанія, кои ясно доказываютъ, что и во время Пелопонисской войны, не знали даже ничего достовернаго о Гомерѣ и его имени. — Напроривъ того, сколько странно слышатъ повѣствующаго о семъ въ XIX столѣтіи Француза Г. Бланшарда въ своей книгѣ подъ заглавіемъ: *le Plutarque de la jeunesse*, Paris 1806: „Когда онъ былъ еще ребенкомъ, Хризейса его мать, оставшись вдовою, вышла за Феміа, обучавшаго музыкѣ въ Смирнѣ. Сей Фемій, плѣнясь счастливымъ расположеніемъ Гомера, усыновилъ его и все-

мѣрно старался доставить сему юношѣ хорошее образованіе. Онъ обучилъ его такъ, что Гомеръ могъ заступить мѣсто его въ училищѣ. По смерти Хризеисы и Фемія, онъ продолжалъ занятіе своего опчима до пѣхъ поръ, пока нѣкто, начальствующій на кораблѣ, по имени Меншій, прибывъ въ Смирну съ товарами, пригласилъ его ѣхать съ собою, дабы обозрѣть часть Южной Азіи, Грецію, Средиземное море, Египетъ и многія другія страны. Гомеръ горя желаніемъ образовать себя и мечтавъ уже о своей Иліадѣ, принялъ съ восхищеніемъ такое предложеніе и оставилъ навсегда свое училище. «Величайшее счастье Гомера, говоритъ Рошефоръ есть то, что онъ родился въ бѣдномъ сословіи и провелъ жизнь свою въ странствованіяхъ. „Гомеръ приобрѣвъ обширныя знанія возвратился изъ Испаніи и прибывъ въ Ишаку, лишился зрѣнія отъ приключившагося ему воспаления въ глазахъ. Гомеръ пересе-

лился попомъ въ Хіо и основалъ тамъ училище. Онъ приобрѣлъ небольшое имѣніе, вступилъ въ бракъ и соповарищество супруги услаждало жестокость судьбы его. Онъ супружества сего имѣлъ онъ двухъ дочерей, изъ коихъ одна умерла въ молодости и пр. и пр.

Прежде нежели начали прудиться въ изслѣдованіяхъ о Гомерѣ, удивлялись уже его произведеніямъ и почитали оныя образцемъ совершенства Поэзіи; а сіе происходило не отъ того, что каждый внутренно убѣжденъ былъ въ его совершенствѣ, но болѣе отъ обыкновенія восхвалять изобрѣшателя Эллинскаго стихотворства, которое перешло нечувствительно изъ Греціи и Рима также и въ новѣйшія страны Европы. Тогда вовсе не видѣли истинной связи, но имѣли въ виду одни токмо совершенства. Французы думали даже, что Гомеровы стихотворенія совершенно соотвѣтствуютъ той теоріи, по которой они составили свою придворную Поэзію.

Токмо въ половинѣ восемнадцатаго столѣтія изысканія о Гомерѣ получили болѣе основательности. Тогда примѣнили, что нужно принять сужденіе болѣе свободное и объемлющее. Англичанинъ Робертъ Вудъ первый сдѣлалъ сіе въ *Essay on the original genius of Homer*. После него Нѣмецкіе Филологи Меріанъ и Вольфъ изслѣдовали съ большимъ еще оспроуміемъ Исторію письменъ у Грековъ. Сіи мужи, равно какъ Гугъ и Гейне рѣшили вопросъ: были ли писаны Гомеровы стихопворенія и можно ли открыть въ нихъ нѣкоторое познаніе о искусствѣ письма? Наконецъ Фридрихъ Шлегель озарилъ лучемъ истины Историю Эллинской поэзіи, а съ тѣмъ вмѣстѣ и вѣкъ Гомера. Между тѣмъ предложенные съ важными доказательствами мнѣнія Вуда, Меріана и Вольфа, что Гомеровы стихопворенія распространены были первоначально не посредствомъ письма, но токмо однимъ пѣніемъ, вообще не приняты. Во Франціи воз-

спалъ прошивъ сего мнѣнія Сентъ-Круа, а въ Германіи прошивоборспивоваль ему Канне. Сужденіе сего послѣдняго имѣеть особенную точку зрѣнія, съ коей оно разсматривается и пребуеть также особеннаго разбора, который не можеть здѣсь бытъ помѣщенъ.

Да будеть позволено намъ сообщить здѣсь заключенія всѣхъ изысканій Вуда, Меріана, Вольфа и Шлегеля, дабы можно было видѣть изъ оныхъ, сколь далеко простирается изслѣдованіе по сему предмету и въ какомъ соспояніи оно нынѣ находится; попомъ предложить объ опечесивѣ и вѣкъ Гомера; объ искусствѣ письма у Грековъ; о рожденіи и образованіи Эллинской поэзіи; о познаніи искусства письма въ Гомеровыхъ спихотвореніяхъ и наконецъ о распроспраненіи и Исторіи спихотворныхъ произведеній Гомера въ древнихъ временахъ.

Отгество и вѣкъ Гомера.

Такъ какъ всѣ извѣстія о Гомерово́й жизни признаются недосповѣрными и баснословными, шо изъ нихъ и не оспаешся намъ ни одного, кошорое касалось бы собспвенно Гомера, слѣдовапельно шакже нельзя ничего повѣспвовашь о его родипеляхъ, бѣдности и судьбѣ. Даже сущеспвующее древнихъ временъ преданіе о его слѣпопѣ, ни мало не подшверждаешся въ Гомеровыхъ спихошвореніяхъ. Вѣропшно оно еспѣ одинъ шокмо вымысль, къ коему подалѣ можешъ бышь поводъ пѣвецъ Демодокъ, въ Одиссеѣ, или подъ сею выдуманною слѣпопою, подразумѣваешся удаленіе опѣ заблуждений. — Въ послѣдспвіи мы увидимъ даже, что самое сущеспвованіе Гомера еспѣ одно шокмо предположеніе, а Гомеровы спихошворныя произведенія — швореніе многихъ Рапсодисповъ и что никогда не надлежало бы говорипшь о

единомъ шокмо Гомеръ, о которомъ мы ничего не знаемъ; но о Гомеридахъ, когда желаемъ назвашь различныхъ Рапсодисповъ. Вся связь Гомеровыхъ спихопвореній, заспавляешь насъ приняшь многихъ сочиниспелей, между коими наиболѣе опличился какой-шо Гомеръ. Но сіе множеспиво сочиниспелей не доказы-вающъ еще шого, что они произошли въ разныхъ спранахъ и въ различные вѣки. Всѣ Гомеровы спихопворенія сущъ произведе-ніе одной спраны и одного вѣка.

Какъ выше сего показано, что должно разумѣшь подъ именемъ Гомера, шо перейдемъ мы къ изысканію шой спраны и шого вѣка, которыя произвели шодъ великаго генія Эллинскаго спихопворсшва.

Въ древнія времена не имѣли о Гомерѣ ни какогъ свѣдѣнія и не знали о его опечесшвѣ. Многіе города въ малой Азии и Греціи присвоивали себѣ славу мѣспорожденія его. Многіе почишали его Египшяниномъ, Кришяниномъ и даже

Римляниномъ, а Луціанъ, обратя изслѣдованіе сіе въ шушку, производишь его изъ Вавилона.

И такъ для опысканія Опечества Гомера, обратимся къ географическому разбору шѣхъ мѣспъ, о коихъ упоминаеть онъ въ своихъ спихопвореніяхъ.

Превосходныя описанія природы, свободный и шворящій духъ, опличающійся во всѣхъ произведеніяхъ Гомера и объемлющій взоръ различныхъ видовъ и явленій, сущъ конечно произведеніе яснаго Ионическаго неба, а не Греціи, погда еще въ дикомъ состояніи пребывавшей. — Далѣ въ спихопвореніяхъ Гомеровыхъ такъ опредѣляется положеніе нѣкопорыхъ спранъ и оспрововъ, что шокмо Іонія, должна бышь мѣспомъ созерцанія. Локрійцы, у Гомера, жили по спорону Эвбеи, и сіе совершенно справедливо, еспши смотрѣшь отъ берега малой Азіи; напрошивъ шого Европейскій Грекъ не могъ бы такимъ образомъ го-

ворить. — Евмей, вѣрный слуга Улисса, повѣствуетъ въ Одиссеѣ своему господину о происшествіяхъ своей молодости; онъ начинаетъ повѣствованіе описаніемъ острова Сироса, своего опеченства, и пославляетъ его по ту сторону Оригіи или за оною. Но какъ разговоры Улисса съ его слугою Евмеемъ, происходили въ Ишакъ, то кажется, что положеніе Сироса означено весьма неправильно: ибо должно бы было сказать, что сей островъ лежитъ ближе къ Ишакъ, а не по ту сторону Оригіи, или за оною. Между тѣмъ сіе описаніе довольно справедливо; когда сдѣлано оно въ Іоніи. Берегъ малой Азіи являетъ пріятнѣйшіе виды. Робертъ Вудъ увидѣлъ прослыми глазами съ вершины Иды Аѳосъ, Олимпъ и другія горы Македоніи, Фракіи и Фессаліи. Вблизи кругъ зрѣнія ограничивается островами, и при захожденіи солнца, западный горизонтъ, позади острововъ, представляетъ величественное зрѣлище. Можетъ быть об-

пашели Ионійскаго берега примѣтили, что лѣпомъ солнце при своемъ поворотѣ казалось какъ будто заходящимъ позади Сироса, кошорый съ сей стороны былъ опдаленнѣйшій предметъ для взора. Не менѣе служилъ доказательствомъ сему у Гомера направленіе и дѣйствіе вѣтровъ. Сѣверный и Западный дукутъ со стороны Фракіи и влекутъ волны къ берегамъ ея. Ужасный напоръ Аякса и его войскъ, сравнивается съ жестокою на морѣ восстающею бурей. Таковая буря въ Іоніи можетъ происходить шокмо отъ западнаго вѣтра, кошорый одинъ влечетъ волны къ Азіатскимъ берегамъ. Отъ Фракійскихъ горъ заспавляетъ Гомеръ Борея и Зефира вѣяшь по Эгейскому морю и Зефиръ наименованъ сильнымъ, быспрымъ и шумящимъ вѣтромъ. Сіе можетъ происходить шокмо у береговъ малой Азіи; онъ приносишь съ собою дождь или снѣгъ. Такимъ образомъ зефирный вѣтръ въ

малой Азіи не шоль тихъ и пріятень, какъ онъ у новѣйшихъ спихопворцевъ.

Іонія, опечесиво Гомера и близъ лежащее позорище великихъ дѣйсвій Иліады, упоминающя въ Гомеровыхъ спихопвореніяхъ шокмо изрѣдка, какъ бы находились съ происшесствіями шого времени въ неразрывномъ соединеніи, и причина сего еспь ша, что предметы сии, бывъ пѣвцу весьма извѣсны, казались ему не шоль досшопримѣчательными, чшобъ сказашъ объ нихъ болѣе одного раза. Напрошивъ шого объ опдаленныхъ спранахъ говоришя у Гомера всегда съ любопытствомъ и удивленіемъ. Когда Гомеръ желалъ возбудишъ въ слушащеляхъ удивленіе и ужась, шогда опводилъ онъ ихъ мысленно какъ бы опъ общаго ихъ опечесива къ западу, къ неизвѣстнымъ и баснословнымъ берегамъ Ипаліи, на самый край своего землезнанія. — Наконецъ, когда Юнона и депъ съ Олимпа чрезъ Піэрію и Емаѳію на Аѳось, опъ Аѳоса чрезъ море на Лем-

ность, опшуда на Имбрь и Лектумъ, опшуда попомъ удаляется къ Юпиширу на Гаргару, высочайшую вершину Иды, тогда можно съ горы и другихъ возвышенностей береговъ малой Ази узрѣшь большую часть помянутыхъ мѣстъ и сосжавишь такимъ образомъ довольно согласную во всѣхъ частяхъ картину сего странствованія; напрошивъ того въ Европейской Греціи не находишь ни одного подобнаго мѣста, съ котораго можно бы было вкупѣ обозрѣшь всѣ сіи различныя предметы и соединить оныя въ одну картину.

Излѣдованіе о вѣкѣ Гомера еще затруднительнѣе изысканія его отечества. Нѣкоторые полагаютъ младенчество его современнымъ Троянской войнѣ, и думаютъ, что будто онъ собралъ оныя попомковъ Греческихъ Ироевъ прославившихся предъ Троею, шѣ свѣдѣнія, которыми украсилъ свои стихотворныя произведенія. Естли бы сіе и было дѣйствительно, то бы стихотворецъ

не рѣшился избрать однихъ музъ
 испочникомъ познанія происшествій :
 ибо происшествія, случившіяся предъ
 Троею, оставались еще въ памяти
 людей какъ слабое воспоминаніе. Да и
 какъ возможно, чѣобы въ шоль корош-
 кое время, въ продолженіе какихъ ни-
 будь 50 лѣтъ, оказалась споль ощу-
 щельная разность при сравненіи могу-
 щественныхъ Ироевъ Трои со слабыми
 и обезсиленными современниками сего
 спихошворца, чѣо бы шаковой Ирой
 могъ поднятъ и бросать камень, копо-
 рый нынѣ и двенадцать челоуѣкъ бро-
 сить не въ состояніи. Другіе перенес-
 ли Спихошворца даже въ шридцашую
 Олимпіаду. Геродотъ говоритъ, чѣо
 Гомеръ жилъ до него за 400 лѣтъ и сіе
 мнѣніе достовѣрнаго и свѣдущаго Исто-
 рика, кажется подтверждается пѣснопѣ-
 ніями Гомера. Изъ оныхъ видно также,
 чѣо Гомеръ жилъ вскорѣ послѣ поселенія
 Іонійской колоніи, копорая першла по-
 шомъ въ такъ называемую Іонію. При

впорженіи. Гераклидовъ, Іонійцы были частію испреблены, а частію переселены въ Аѣины. По смерти Кодра, одна часть сихъ воинскихъ Іонійцевъ переселилась въ 1044 году въ малую Азію; изъ чего явствуетъ, что Гомеръ жилъ за 1000 или 900 лѣтъ до Рождества Христова, и такое лѣтосчисленіе оправдываютъ также важнѣйшія свидѣтельства Древнихъ, что самое подтверждаетъ и высокій духъ его твореній. Ясное небо Іоніи ознаменовалось впервые науками и художествами и повсюду царствуетъ у Гомера нѣкопояная возвышенность, но не совершенство. Искусства имъ упоминаемыя, ожидаютъ будущаго своего образованія, находясь въ младенчествѣ и нигдѣ невидны слѣдовъ, чтобы стихотворецъ зналъ что-либо объ исключительномъ перевѣсѣ одной Греческой державы предъ другою.

(Продолженіе въпредъ.)

О ПРАВАХЪ И ОБЫЧАЯХЪ
МОРЛАКОВЪ.

или

СЛАВЯНЪ ДАЛМАТСКИХЪ,

Сог. Аббата Фортиса.

1. Происхождение Морлаковъ.

Происхождение Морлаковъ, разсѣянныхъ по смѣющимся долинамъ Копарскимъ, также по берегамъ рѣкъ Керки, Цешины и Навенпы и по горамъ *внутренней Далматіи*, (*), погребено во мракъ вѣковъ минувшихъ, равно какъ и происхождение многихъ другихъ народовъ, ко-

(*) Спрана, обитаемая Морлаками, простирается гораздо далѣе къ предѣламъ Греціи, Германіи и Венгріи. Здѣсь идетъ дѣло о той только части ея, кошорую объѣхалъ сочинитель.

Ч. IV. Кн. I.

2

шорые по причинѣ сходства ихъ съ Морлаками въ языкѣ и нравахъ, составляющъ какъ бы одну націю отъ Венеціанскаго залива до Ледовитаго моря. Преселенія разныхъ колѣнъ Славянскихъ, кошорыя подъ именемъ Скиевъ, Гешевъ, Гошеевъ, Гунновъ, Славянъ, Кроашевъ, Аваровъ и Вандаловъ, наводнили Римскія области во времена упадка сей имперіи, причиною шакого страннаго замѣшательства въ родословіи народовъ, кои въ ошдаленнѣйшихъ вѣкахъ овладѣли можешъ бытъ шѣми же странами и шакимъ же образомъ. Ошпатки Ардіевъ, Авшаріашевъ и другихъ Иллирійскихъ народовъ, издревле поселившихся въ Далматіи и сносившихъ весьма неохотно иго Римское, соединились можешъ бытъ добровольно съ сими чужештранными завоевателями, коихъ языкъ и нравы споль много сходшвовали съ языкомъ и нравами завоеванныхъ народовъ (*).

(*) Нельзя сомнѣваться, что языкъ Славяскій существовалъ въ Иллиріи еще во время

Въ началѣ 13-го вѣка, Ташары выгна-
ли Бѣлу IV, Короля Венгерскаго, ко-
шорый ушелъ на острова Далмашскіе.
Вѣроятно, что многія семейства онаго
народа остались при семъ случаѣ въ не-
обитаемыхъ долинахъ между горъ, и
произвели на свѣтъ по поколѣнію Кал-
мыковъ, кошорое и по нынѣ еще памо
видно, особенно же въ Графствѣ *Зара*.

Не заслуживаетъ вниманія мнѣніе
Маджини, кошорый производить изъ

Римской республики. Имена городовъ, рѣкъ,
горъ и народовъ сихъ справъ, сохранившіяся
въ швореніяхъ Греческихъ и Римскихъ писа-
телей, очевидно суть Славянскія: Промона,
Альона, Сеніа, Ядера, Рапанеумъ, Сплупи,
Ускана, Вилазора, Загора, Трисполусъ, Ціаб-
рузъ, Охра, Корпаціусъ, Плеврапусъ, Аеронъ,
Теука, Дарданы, Трибалли, Гребай, Пирусше и
многія другія находящіяся у древнихъ Испори-
ковъ и Географовъ, весьма ясно сіе доказыва-
ють. Можно къ сему присовокупить множе-
ство именъ оныхъ Славянскаго корня происшед-
шихъ, кои въ Иллирии встрѣчаются на надпи-
скахъ, сдѣланныхъ во времена первыхъ Рим-
скихъ Императоровъ.

Эпира Ускоковъ и Морлаковъ. Языкъ сихъ народовъ имѣеть, конечно болѣе сходства съ языкомъ Реційцевъ и Болгаровъ, нежели съ Албанскимъ. Даже естли предположимъ, что Морлаки Венеціанской Далмаціи вышли частію изъ Албан и, то и въ семъ случаѣ оспашся разрѣшимъ, откуда они переселились нѣкогда въ сію послѣднюю страну? Впрочемъ сей Писатель полагаетъ Гайдуковъ отдѣльною націею; а сіи, сколько можно судить по значенію ихъ имени, никогда не составляли особаго народа (*).

2. *Произхождение слова Морлакъ.*

Морлаки на природномъ языкѣ своемъ называются вообще *Влахи*. Это ихъ народное имя, котораго однакожь, сколько я могъ узнать, до 13-го вѣка не

(3) Гайдукъ значитъ обыкновенно Начальникъ парши, или, какъ въ Трансильваніи, отецъ семейства. Въ Далмаціи сіе слово означаетъ преслунника, бѣглеца, убійцу или разбойника.

находится никакихъ слѣдовъ въ Далматскихъ архивахъ. Оно означаетъ челоуѣка сильнаго и уважаемаго. Слово *Море-Влахъ*, или по испорченному произношенію *Морлакъ*, которое даюшь имъ жилища городовъ, можешь пояснить ихъ происхождение, а именно, что они пришли отъ береговъ Чернаго моря для поселенія въ странѣ, гдѣ нынѣ обитаюшь. Вѣроятно, что имя *Море-Влахъ* въ началѣ знаменовало людей сильныхъ или завоевателей, пришедшихъ отъ моря, которое, какъ извѣстно, одинаково называется на всѣхъ нарѣчіяхъ Славянскаго языка.

Производство слова *Морлакъ*, сдѣланное славнымъ Далматскимъ ученымъ *Іоанномъ Луціо*, и принятое безъ разбора компиляторомъ его *Фракономъ*, мало заслуживаетъ вниманія. Сей Историкъ предполагаетъ, что слово *Море-Влахъ* означаетъ *герныхъ Атиносъ*, не смотря на то, что море на Иллирійскомъ языкѣ не значило *герный*, и что

Морлаки бѣлѣ Италіянцевъ. Находя въ словѣ *Влахъ*, означающемъ силу и власть, общій корень съ именами *Влахъ* или *Валахъ*, онъ заключаетъ, что Морлаки и Волохи должны быть одною націею. Но какъ Волохи говорятъ испорченнымъ Латинскимъ языкомъ, и есѣли у нихъ спрашиваютъ о причинѣ того, они отвѣчаютъ, что предки ихъ были Римляне: по по сему и Морлаки должны тоже происходить отъ Римлянъ, хотя языкъ ихъ ни мало не сходенъ съ Латинскимъ. Сіи Валахи или Влахи, происшедшіе отъ одного Римскаго поселенія, были въ послѣдствіи покорены Славянами, которые дали имъ въ насмѣшку имя *Влаховъ*, означая чрезъ то ихъ рабство, какъ обыкновенно давали они сіе имя людямъ самой низкой степени.

Несправедливостъ сихъ химерическихъ умозаключеній ясно откроется изъ нѣкоторыхъ замѣчаній. Морлаки или Влахи приняли названіе, благородныхъ и власныхъ по той причинѣ, что всѣ

племена народа назвались *Славянами*, т. е. знаменитыми или славными. Слово *Влахъ* не имѣетъ никакого сходства съ *Латинскими* реченіями, и естли справедливо, что оно было корнемъ названія *Валаховъ*, то причина сему весьма очевидна: ибо извѣстно, что въ *Дакіи* хоща и находилось нѣсколько *Римскихъ* селеній, но впрочемъ вся почти страна сія обитаема была народомъ, говорившимъ *Славянскимъ* языкомъ, которыми также говорили и народы, въ послѣдствіи оную завоевавшіе. Едва вѣроятно, чтобы сіи *Славянскіе* завоеватели, намѣреваясь дать побѣжденному народу новое имя, избрали такое, которое на собственномъ ихъ языкѣ значило чело-вѣка благороднаго и сильнаго.

Нѣтъ сомнѣнія, что въ нарѣчіи, которыми говорящіе жили въ внутренней *Иллирии*, много находилось словъ, происшедшихъ отъ *Латинскаго* корня. Таковы суть: *Салбунъ*, песокъ; *Лаво*, желтый; *Слаль*, водопадъ; *Вино*, вино; *Кала*, шап-

ка; *тепло*, теплый; *Злиль*, слѣпой; *Сларта*, корзина; *Скриня*, сундукъ; *лугъ*, лѣсъ, копорыя очевидно происходятъ: отъ Латинскихъ словъ: *sabulum*, *flavus*, *lapsus*, *vinum*, *caput*, *tepidus*, *lirrus*, *sporta*, *scrinium*, *lucus*. Но изъ сихъ и другихъ словъ, которыхъ можно бы набрать цѣлой словарь, безразсудно было бы заключать, что нынѣшніе Морлаки исходятъ по прямой линіи отъ древнихъ Римлянъ, поселившихся въ Далмаціи.

Обыкновенная ошибка всѣхъ почти писателей, разыскивающихъ происхождение народовъ, состоитъ въ томъ, что они выводятъ общія послѣдствія изъ немногихъ, маловажныхъ и частныхъ причинъ, зависящихъ по большей части отъ нѣкоторыхъ случайныхъ и скоропреходящихъ обстоятельствъ. Я увѣренъ въ возможности рассказать происхождение народовъ, посредствомъ изслѣдованія языковъ, которыми они говорятъ: но не менѣе того увѣжденъ въ необходимости тщательной критики, для опличенія

первообразныхъ словъ какого нибудь языка отъ тѣхъ, которыя введены въ оный изъ языковъ иностранныхъ; въ противномъ случаѣ невозможно избѣжать непрощительныхъ ошибокъ. Въ Илирійскомъ языкѣ, находящемся въ употребленіи отъ береговъ Адриатическаго моря до Океана, есть значительное число коренныхъ словъ, сходныхъ съ словами языка Греческаго; есть даже таковое сходство въ нѣкоторыхъ именахъ числительныхъ, которыя однакожь должны бытъ признаны за природныя слова жителей тѣхъ странъ. Многія изъ Славянскихъ реченій совершенно заняты отъ Грековъ; таковы суть: *Слугга*, *Тралеза*, *Катрида*, происходящія безъ чувствительнаго измѣненія отъ *Слоггось*, *Тралеза*, *Каѳедра*, Множество Греческихъ оборотовъ рѣчи и сходство обихъ букварей не заставитъ однакожь меня утверждать, что безчисленное поколѣніе Славянъ произошло отъ Грековъ, заключенныхъ въ плѣнныхъ своихъ пре-

дѣлахъ; или что первый изъ сихъ народовъ завоевалъ и населилъ Грецію въ отдаленнѣйшихъ временахъ. Трудно и бесполезно было бы объяснить такого рода вещи, копорыя оспануся навсегда покрышы мракомъ древности.

Одинъ ученый Англичанинъ (*) написалъ сочиненіе о сходствѣ Иллирійскаго языка съ Англійскимъ. Нѣтъ сомнѣнія, что въ обоихъ сихъ языкахъ есть нѣсколько словъ между собою сходныхъ; но какъ сіи же слова находятся въ Германскомъ языкѣ, введенномъ въ Великобританіи Саксонами; то должно бы ислѣдовать, не принадлежатъ ли сіи слова болѣе какому нибудь нарѣчію древнихъ сѣверныхъ Кельшовъ? Во всякомъ случаѣ, я не рѣшусь сказать моего мнѣнія о сихъ предметахъ, пока не увижу несомнѣннаго сходства въ цѣломъ сославѣ и свойствахъ обоихъ языковъ. Множество иносѣранныхъ ре-

(*) Брегвудъ, (Bregewood), de Scrut Relig.

ченій, вкравшихся въ Ишалианскій языкъ, доказывающъ, что каково бы ни было происхожденіе народа, но языкъ его можетъ принимашь и шакія слова, копоры спановяшся у него общими съ языками разныхъ другихъ народовъ. Не говоря уже о Арабизмахъ, Грецизмахъ и Германизмахъ Ишалианскаго языка собранныхъ *Мураторемъ*, посмошримъ, нѣтъ ли въ немъ шакже и Славянизмовъ? На примѣръ: *Abajare* лаяшъ, происходишъ отъ *облаети*; *svaligiare* ушацишъ, украсшъ, отъ *влатить*; *barare*, обманывашъ, отъ *варати*, *tartagliare*, болшанъ, шаракашъ, отъ *Тартати*; *amazzone*, отъ *мацъ* мечъ или шпага, или отъ происходящаго отъ него слова *мацати*; *ricco*, богашый, отъ *сриганъ*, счашливый; *tassa*, чаша; *sora*, отъ *кулла*; *danza*, отъ *танцо*; *bravo*, отъ *право* (нарѣчіе одобренія); *briga* ссора, раздоръ, ешть слово собшвенно Иллирійское, сошвѣшствующее значенію своему на Ишалианскомъ. Наконецъ множештво словъ въ Венеці-

анскомъ нарѣчїи, заняпыхъ опъ Иллирійскаго, нимало не доказываетъ что Венеціане произошли опъ Славянскаго поколѣнія.

3. *Разлигіе происхожденія Морлаковъ и жителей ломорїа и острововъ.*

Жители приморскихъ городовъ, которые супъ истинные попомки Римскихъ переселенцевъ, ненавидящъ Морлаковъ, а сіи послѣдніе оказывающъ имъ, равно какъ и островишянамъ, великое презрѣніе. Сіе взаимное опвращеніе можетъ служишь доказательствомъ древней ихъ вражды, раздѣлившей оба сіи поколѣнія. Морлакъ кланяетсѣ городскому чиновнику или спряпчему, въ кошоромъ имѣетъ нужду, но не любитъ ихъ, а прочихъ городскихъ жителей, до коихъ ему нѣтъ дѣла, считаешъ въ классъ Бодоловъ: имя сіе означаешъ презрѣніе и даже брань. Я помню по сему случаю анекдотъ объ одномъ солдатѣ Морлацкомъ, умершемъ въ Падуанскомъ Домѣ призрѣнія бѣдныхъ. Духовникъ, назначенный

ушѣшать его въ послѣднія минуты жизни, не вѣдавъ силы сего выраженія, началъ увѣщанія свои такимъ образомъ: ободришь, любезный Бодоло! — „Честный „опець! возразилъ потчасъ умирающій, „не называйше меня Бодоло, или пусть „я буду прокляшь!“

Великое различіе въ нарѣчїи, одеждѣ, нравахъ и обычаяхъ, доказываееть весьма ясно, что жители приморскихъ мѣстъ Далмаціи совсѣмъ другаго происхожденія, нежели обитающіе въ горахъ; или хотя они и одного происхожденія, но поселились въ сей странѣ въ разное время и при такихъ обстоятельствахъ, кои способствовали къ измѣненію общенародныхъ нравовъ ихъ. Между оспра-
 слями Морлаковъ находишся поже самое различіе, происпекающее отъ разныхъ странъ, изъ копорыхъ они переелились, отъ смѣшенія ихъ съ другими народами и беспрешанныхъ набѣговъ и раздоровъ между ихъ племенами. Жители Копарскіе вообще бѣлокуры, имѣють голубые

глаза, широкое лице и приплюснутый носъ; шакія же черпы лица вспрѣчаюшся между Морлаками долинъ Шиньской и Книнской. Обишашели Доварейскіе и Вергорацкіе темноволосы, лица ихъ смуглы и продолговаты, и всѣ они высоки ростомъ. Во нравахъ ихъ замѣтно шакое же разнообразіе: Морлаки Копарскіе по большой части смиренны, честны и послушны; Вергороцкіе напрошивъ шого грубы, надменны, дерзки и предприимчивы. Образъ жизни сихъ послѣднихъ посреде̄ бесплодныхъ и неприсупныхъ горъ, увеличивая ихъ нужды, вмѣстѣ съ симъ обнадеживаешъ ихъ въ безопасности удовлетворяшъ оныя, какими бы ше ни было средшвами и внушаешъ имъ неузмренную спрасъ къ хищничеству. Моженъ бышъ кровь древнихъ Ардіевъ и Авшаріашовъ, прогнанныхъ Римлянами въ сіи горы, шечешъ еще въ ихъ жилахъ (*).

(*) „Ардіей, Даориссы и Плерей живутъ „близъ рѣки Нароны. Самые ближайшіе къ

По большей части грабятъ они Турковъ, однакоже въ случаѣ нужды не щадятъ и Христіанъ. Изъ многихъ искусныхъ и отважныхъ уловокъ, копорыя мнѣ рассказывали объ одномъ изъ горныхъ сихъ жителей, слѣдующая показала мнѣ весьма остроумною. Нѣкошорой бѣдной поселанинъ, бывъ на ярмонкѣ въ ближнемъ городѣ, посшавилъ на землю купленный имъ кошель и сѣвъ подлѣ онаго, заговорилъ о какомъ-шо дѣлѣ съ однимъ своимъ знакомцемъ. Плущъ Вергорадецъ подошелъ, и поднявъ кошель посшавилъ къ себѣ на голову, не перемѣняя своего положенія. Хозяинъ конча свой разговоръ и не нашедши кошла, спросилъ у державшаго оный на головѣ плуша: не видалъ ли онъ, кто унесъ его посудину? „Нѣтъ

„оной называются Ардіеи Варалы. Римляне „удалили ихъ ошъ моря и прогнали внутрь „спраны, для воспрепятствованія имъ грабятъ „и похищать все, что попадется, по ихъ „обычаю. Сшрана ихъ неудобна къ воздѣлыванію, бесплодна и досшойна дикихъ своихъ обителей.“ *Страб. Кн. VII.*

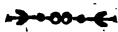
„опвѣчалъ сей: я не примѣчалъ того; но
 „когдабъ ты по моему поставилъ свой
 „кошель на голову, тогда бы никто не
 „укралъ его.“ Несмотря на такія плу-
 товства, которыя какъ сказываютъ,
 весьма не рѣдки у сего народа, иноспра-
 нецъ можетъ путешествовать въ ихъ
 странѣ безъ всякой опасности, и бу-
 деть сверхъ того повсюду имѣть про-
 водниковъ и пользоваться хорошимъ
 приѣмомъ.

4. Гайдуки.

Самая большая опасность происхо-
 дить отъ Гайдуковъ, которые живутъ
 въ лѣсахъ и пещерахъ сихъ дикихъ и
 ужасныхъ горъ. Не должно однакожъ
 слишкомъ предаваться страху. Дабы
 благонадежно путешествовать въ пу-
 стынныхъ тѣхъ странахъ, лучшее сред-
 ство взять себѣ проводниками нѣсколь-
 ко изъ честныхъ сихъ людей, которые
 ни за что въ свѣтѣ не очернятъ себя
 измѣною. Вы содрогнетесь при мысли,
 что они разбоники; но вникните въ при-

чины ихъ бѣдственнаго соспоянiя, и вы увидите, что они заслуживаютъ болѣе соспраданiе, нежели недовѣрчивость. Еслибъ сiи несчастные, копорыхъ число безмѣрно увеличивается, были злобнѣе и коварнѣе, то должно бы сожалѣшь объ участи приморскихъ народовъ Далмаши.

Сiи Гайдуки ведутъ жизнь свою подобно волкамъ: бродяшь между пропастями по мѣстамъ непроходимымъ, лазяшь съ ушеса на ушесь, дабы издали увидѣшь свою добычу; скрывающа въ ущелияхъ дебрисныхъ горъ и въ ужасныхъ пещерахъ; всегда въ опасности, всегда подвержены суровости непогодъ, часто не имѣя необходимой пищи, они принуждены не щадить жизни своей для того, чтобы не умереть съ голоду. Должно бы, кажется, ожидать однихъ насилій и свирѣпостей отъ сихъ одичавшихъ людей, безпреспанно возбуждаемыхъ чувствованiемъ своей бѣдности: но нельзя не удивляшь, видя, что они

никогда и ничего не предпринимають пропивъ пѣхъ, коихъ почипають виновниками ихъ несчастій, оставляють въ покоѣ жилыя мѣша и служатъ вѣрными проводниками пупешесвенникамъ.

Предметомъ хищничества ихъ обыкновенно бываетъ большой и малой рогатой скоть, копорой они уводягъ въ свои пещеры, и убивая, питаются мясомъ его, а кожи берегаютъ на дѣланіе обуви. Увеспи и убить вола у бѣднаго земледѣльца для пого, чшобъ упопробишь малую часшь мяса и кожи его, кажется весьма варварскимъ поступкомъ, копорого я не думаю извинять: но должно замѣшшь, что обувь ешь самая необходимая вещь для сихъ несчастныхъ, осужденныхъ веспи жизнь свою въ мѣспахъ дикихъ, гдѣ нѣшь шравы и даже земли, и гдѣ разсыяны оспрые кремни. Голодь иногда выгоняешь сихъ Гайдуковъ изъ ихъ убѣжищъ, и принуждаешь ихъ приближашь къ жильямъ паспужовъ, гдѣ они силою ошнимають съфсш-

ные припасы, если имъ въ оныхъ оказывающъ. Въ такомъ случаѣ пошъ самъ виновашъ, кто сопротивляешся. Смѣлоспъ сихъ людей соотвѣшспвуешъ шерпимымъ ими нуждамъ и суровой жизни. Чешыре Гайдука не боияся на пасшъ на караванъ опъ 15 до 20 Турковъ содер- жащій, и всегда имъ удаешся разбишъ его и ограбишъ.

Когда Пандуры (*) поймающъ Гайдука, шо не связывающъ его, какъ обыкновенно дѣлающъ сіе съ ворами въ другихъ краяхъ Европы; но обрѣзываютъ шнурокъ у длиннаго исподняго плащя его, которое спусшаясь до самыхъ пяшъ, мѣшаешъ ему уйши. Судя по челоувѣчешву, приличнѣе упошребляшъ подобныя сему средсшва для обезпеченія себя на шепъ своего плѣнника, а не вязащъ его, какъ презрѣнное животное. Гайдуку вмѣ-

(*) Пандуръ, на Славакскомъ языкѣ значитъ доимщикъ воровъ. Сей опрядъ, подобный Земской полиціи, въ послѣднюю войну былъ увеличенъ и упошребляемъ, какъ ополченіе.

няешь себѣ въ великое достоинство, если онъ успѣлъ пролить кровь невѣрную. Ложное поняіе о ревности къ Вѣрѣ, соединяясь съ природною и по на- выку вкоренившеюся жестокостію, за- ставляетъ сихъ несчастныхъ людей на- падать на сосѣдственныя Турецкія селе- нія, не заботясь о послѣдствіяхъ шако- выхъ набѣговъ. Часто ихъ церковнослу- жители, возбуждаемые предразсудками и свойственною сему народу необузданно- стію, бывающъ первою причиною сихъ свирѣпствъ, возжигая и пиная въ со- отечественникахъ своихъ врожденную ихъ ненависть къ Туркамъ.

5. О общественныхъ и домашнихъ до- бродѣтеляхъ Морлаковъ.

Морлакъ, живущій вдали отъ моря и укрѣпленныхъ городовъ, есть, въ отно- шеніи къ нравственности, человѣкъ со- вершенно ошличный отъ другихъ націй. Ошкровенность, довѣрчивость и чест- ность его въ частной жизни и дѣлахъ

общественныхъ иногда совершенно превращаются въ просподушнѣе и легковѣріе. Италіанцы, торгующіе въ Далмаціи и даже обитатели приморскихъ городовъ, весьма часто пользуются ихъ честностію ко вреду сихъ добрыхъ людей. По сей причинѣ довѣрчивость Морлаковъ чувствительнѣе уменьшается, и мѣсто оной заступаютъ подозрительность и опасеніе быть обмануемымъ. Доказанное многочисленными опытами лукавство Италіанцевъ вошло даже тамъ въ пословицу. Названіе: *ласія виро* (собачья вѣра) и *ланцманцка виро* (Италіанская вѣра), на языкѣ Морлаковъ суть выраженія подобнозначущія и весьма оскорбительныя. Сіе невыгодное для Италіанцевъ предубѣжденіе, казалось бы, должно привести въ сомнѣніе путешественника, мало извѣстнаго; но не взирая на такіа чувствования, Морлакъ, отъ природы великодушный и гостепріимный, отворяетъ двери своей хижины для всякаго чужестранца, старается всѣми мѣ-

рами услуживъ ему, никогда ничего не требуя, часто даже съ упорствомъ отказывающагося отъ предлагаемаго ему награжденія. Нерѣдко въ сей странѣ случилось мнѣ, что люди, копорые видѣли меня въ первый разъ, и не могли надѣяться когда либо снова увидѣшь, раздѣляли со мною свою скудную пищу.

Во всю жизнь мою не забуду искренняго приема, сдѣланнаго мнѣ Воеводою *Перваномъ* въ Кокоричѣ. Все мое право въ глазахъ его соспоало въ корошкѣ знакомствѣ съ однимъ семействомъ, съ копорымъ онъ былъ друженъ. Сія маловажная связь побудила его выслать мнѣ на встрѣчу проводниковъ и лошадей, изъявляшь мнѣ самыя несомнѣнныя доказательства національнаго гостепрїимства, дать мнѣ въ проводники своихъ людей и роднаго сына своего до самыхъ урочищъ Наренскихъ, ошстоящихъ отъ его дома на день ѣзды; наконецъ снабдишь меня въ дорогу съѣшными при-

пасами шакъ изобильно, чпо мнѣ ничего не стоила вся сія поѣздка.

Когда я выѣзжалъ изъ дому сего примѣрной доброты челоуѣка, шо онъ и все его семейство провожали меня глазами до шѣхъ поръ, пока я уѣхалъ изъ виду. Сіе душевное прощаніе распрогало меня шакъ, какъ я еще не бывалъ и не надѣюсь скоро бытъ распроганъ, пупешествуя по Ипаліи. Я привезъ съ собою поршрешъ сего великодушнаго друга, дабы наслаждашья удовольствіемъ видѣшь его, вопреки морямъ и горамъ, насъ раздѣляющимъ, и дабы при шомъ дашь нѣкошорое поняшіе о національной роскоши Морлаковъ въ одеждѣ ихъ начальниковъ. Онъ позволилъ мнѣ шакже срисовашъ одну изъ его внукъ, одѣшую совсѣмъ оплично отъ женщинъ Кошарскихъ и другихъ мѣстъ внутренней Далмашіи.

Снѣюишь шолько ласкова обѣишь съ Морлаками, чшобъ получишь отъ нихъ всякаго рода услуги и приобрѣшь

ихъ дружбу. У сего народа бѣднякъ спольже госнепримень, какъ и богачъ. Если сей послѣдній угостишь васъ цѣлымъ жаренымъ ягненкомъ или бараномъ, то бѣдный поставишь передъ вами жареную индѣйку, молоко или медовую лепешку. Сіе великодушіе не ограничивается одними чужестранцами, но просширается и на всѣхъ единоплеменцевъ, терпящихъ нужду.

Когда проѣзжіи Морлакъ заѣдутъ къ приятелю своему или родственнику, то старшая въ семействѣ дѣвица или новобрачная женщина, если такая находится въ домѣ, встрѣчаетъ гостя съ поцѣлуемъ. Чужестранный путешественникъ не пользуется симъ преимуществомъ; напрошивъ молодыхъ дѣвицъ прячущихся отъ него, или не выходящихъ изъ своей комнаты. Можетъ быть частое нарушеніе правъ госнепримства поселило въ нихъ сію недоувѣрчивость, или ревность сосѣдей ихъ Турковъ перешла отъ нихъ и къ Морлакамъ.

Доколѣ въ домѣ богатаго челоуѣка; (число коихъ нынѣ весьма уменьшилось) находящяся съѣстные припасы, до тѣхъ, поръ бѣдные того селенія не терпящя крайней нужды въ пищу. Отсюда происходишь, что ни одинъ Морлакъ не унижается прошеніемъ милосныни у проѣзжаго. Во все мое путешесвіе по странамъ, обитаемымъ симъ народомъ, не встрѣпилъ я ни одного нищаго; напрошивъ того самому мнѣ случалось, нуждаться въ дорожныхъ вещахъ, и просить оныхъ у бѣдныхъ пастуховъ, которые не смотря на скудное свое состояніе, съ охотою отдавали мнѣ все, что имѣли. Чаше же всего бывало, когда проѣзжалъ я поля во время солнечнаго зноу, то убогіе жнецы подходили ко мнѣ сами, и предлагали мнѣ прохладящее питье съ искреннимъ, протавельнымъ добродушіемъ.

Морлаки ни мало не заботящяся о домашнемъ хозяйствѣ. Въ семъ отношеніи они сходны съ Гоппенпошами. Если

преднавишья какой либо радостный случай, шо они съѣдають въ одну недѣлю сподько, сколько бы достало на пропитаніе ихъ въ продолженіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Свадьба, праздникъ какого либо Святаго, приѣздъ родственика или друга, наконецъ всякой предлогъ къ увеселеніямъ, заспавляетъ ихъ выпить и съѣсть безъ разсужденія всеобимьющійся запасъ. Въ замѣнь сего они не щадятъ самихъ себя изъ спирной бережливости, которая особенно имъ свойственна, — бережливости вещей, долженствующихъ предохранять ихъ отъ суровости непогодъ. Морлакъ, надѣвъ новую шапку и будучи заспигнушь въ дорогѣ дождемъ, прячетъ шапку, и скорѣе согласицца, чшобы дождь лился ему на голову, нежели испортишь головной свой нарядъ. Переходя чрезъ грязное мѣсто, такимъ же образомъ снимаешь онъ и прячетъ свою обувь.

Морлакъ чрезвычайнo рачителенъ въ исполненіи своихъ обязательствъ, если:

шолько совершенная невозможность ему въ шомъ не препяшшвуенъ. Когда же въ назначенное время не можешъ онъ уплатить своего долга, шо даешъ заимодавцу своему какой нибудь подарокъ, прося его объ отсрочкѣ плашежа. Ошъ сего случается, что по числу шаковыхъ подарковъ онъ платишъ вдвое болѣе должной суммы.

6. *О дружбѣ и враждахъ Морлаковъ.*

Дружба подверженная у насъ шоль частымъ перемѣнамъ ошъ самыхъ мало-важныхъ причинъ, у Морлаковъ весьма прочна и долговременна. Она почиается ошъ сего народа однимъ изъ правилъ Вѣры, по чему они заключающъ священныя узы ея предъ олпаремъ. Въ церковномъ ихъ усшавѣ находишся обрядъ, по которому должно благословляшъ предъ лицемъ собравшагося народа союзъ двухъ друзей или подругъ. Мнѣ случилось видѣшъ одну шакую церемонію въ церкви въ Перузитѣ, гдѣ двѣ молодыя

дѣвушки сдѣлались *посестрами*. Удовольствіе сіявшее во взорахъ ихъ по заключеніи сихъ священныхъ узъ, показывало весьма ясно, сколь способны къ нѣжнымъ чувствованіямъ сіи простыя души, не испорченныя вихремъ шѣхъ обществъ, кой мы называемъ образованными. Друзья, соединенные симъ торжественнымъ обрядомъ, называющся *лобратимы*, а подруги *посестримы*. Нынѣ дружба двухъ особъ одного пола не заключается съ такими обрядами, какъ по бывало въ древнія времена, когда еще невинность царствовала на земли (*).

(*) Дозываѣга Війла Посеснрима
 Съ велебше высоке планине:
 Злога цію, кралю Радославе;
 Епо на те дванаешъ делія.

Писем. отъ Радосл.

„И возвала къ нему волшебница, егѣ Посеснрима, съ вершины горы высокой: Худо шебъ, царь Радославъ! двѣнадцашъ всадниковъ на шебя устремляющся.“

Подобные союзы, существующіе между народами въ Италіи подъ именемъ *клятвенныхъ братьевъ* (*Fratelli giurati*) кажутся, введены въ подражаніе дружескимъ союзамъ Морлаковъ и другихъ соплеменныхъ имъ народовъ. Различіе между сими *братьями* и *лобратимами* состоитъ не въ одномъ недоспашкѣ обрядовъ, но болѣе въ цѣли, которая весьма похвальна у Славянскихъ племенъ, а напрошивъ того въ Италіи вредна для общесства.

Въ сихъ союзахъ Морлаки обязывающіяся помогать взаимно другъ другу во всѣхъ нуждахъ, во всѣхъ опасностяхъ, и мстить за оскорбленія, нанесенныя кому нибудь изъ друзей. Они сподоль свято соблюдаютъ сіи обязанности, что годовы жершвовашъ, и жершвующъ на самомъ дѣлѣ жизнь за своего *лобратима*. Сіи жершвы дружесства весьма у нихъ нерѣдки, хотя о сихъ дикихъ друзьяхъ менѣе говорятъ, неже-

ли о древнихъ Пиладахъ и Дамонахъ. Если какое либо несогласіе водворится между двумя *лобратимиами*, тогда все сосѣдство почишаетъ сіе за неслышанный соблазнъ. Однакожь сіи случаи не совсѣмъ рѣдки въ наше время, къ крайнему огорченію спарыхъ Морлаковъ, кои приписываютъ таковое развращеніе нравовъ своихъ соотечественниковъ, весьма частымъ ихъ сообщеніямъ съ Ипаліанцами. Вино и хмѣльные напитки, кои сей народъ ко вреду своему начинаетъ слишкомъ много употреблять, производящъ между ними, какъ и вездѣ, ссоры и плачевныя оныхъ послѣдствія.

Если дружба не развратившихся еще Морлаковъ поль свято и постоянно соблюдается, то съ другой стороны вражды ихъ не менѣе долговременны и почти не примиримы. Онѣ переходящъ отъ отца къ сыну, и машери никогда не забываютъ внушать дѣтямъ своимъ

съ самаго младенчества, долгъ отмщенія за убившаго отца; на сей конецъ онъ часно показывающъ имъ окровавленную одежду или оружіе умершаго. Жажда мщенія споль глубоко вкоренилась въ семь народъ, что всь возможные увѣщанія не могли бы одной испребишь. Марлакъ по природѣ весьма склоненъ дѣлать добро и оказывать благодарность свою за малѣйшее благодѣяніе; но не умѣеть прощать сдѣланныхъ ему обидъ. Мщеніе и правосудіе смѣшаны въ его умѣ и сосоставляютъ одно и тоже понятіе. Можно даже принять за дошину, что на семь понятіи основаны первобышныя начала правосудія. У сего народа есть пословица, которая весьма уважается: *кѣ се не освети, онъ се не посвети* (кто за себя не опомснитъ, шотъ не посвящится). Досшойно замѣчанія, что на Иллирійскомъ языкѣ слово *освета* значить и мщеніе и посвященіе, какъ и происходящій отъ него глаголъ *осветити*. Старинныя родовыя

вражды бываютъ причиною кровопролитія даже по испеченіи весьма многихъ дѣлъ. Мнѣ сказывали, что въ Абаніи сіи личныя опущенія бываютъ сопровождаемы еще ужаснѣйшими послѣдствіями и наполнены злобою умы шатъ гораздо непреклоннѣе. Въ сей сирани самый крошкій человѣкъ способенъ утѣлить свое мщеніе жесточайшимъ образомъ; ибо онъ увѣренъ, что исполняетъ долгъ свой, когда совершаетъ злодѣйство; а по сему предпочитаетъ онъ ложное понятіе о чести наблюденію законовъ, и соображая вину своего провинника, вымышляетъ ему самыя люпыя казни.

Убійца Морлака, симѣющаго много родственниковъ, обыкновенно принужденъ бываетъ уйти и долгое время скрывался въ разныхъ мѣстахъ. Если хитроспій или по счастью, успѣетъ онъ избѣжать оупъ преслѣдованія своихъ ненавистелей, и собратъ между тѣмъ нѣкошорую сумму денегъ, тогда смонра

по времени, старается испросить у нихъ прощенье. Для переговоровъ о своемъ примиреніи, пребуеетъ онъ споруचितельства въ своей безопасности, которое вѣрно соблюдается. Тогда посредники, въ назначенный день сзываютъ оба враждующія семейства и по предварительнымъ соглашеніямъ вводятъ преступника въ собраніе, куда онъ приближаясь, шашится по землѣ на четверенькахъ, съ повѣшеннымъ на шеѣ оружіемъ, коимъ онъ совершилъ убійство. Между тѣмъ, какъ онъ находится въ семъ невыгодномъ и унижительномъ положеніи, одинъ или многіе изъ родственниковъ говорятъ похвалы покойному, отъ чего иногда злоба ихъ сколько воспламеняется, что жизнь преступника снова подвержена опасности. Въ иныхъ мѣстахъ родственники убитаго угрожаютъ его убійцѣ, нанося ему оружіе на горло, и только по сильномъ сопротивленіи соглашающагося наконецъ полу-

чишь возмездіе за пролишую кровь. Въ Албаніи сіи пени спюютьъ весьма дорого; у Морлаковъ же часпо онѣ весьма неубыточны. Всѣ шаковыя примиренія оканчивающся хорошимъ объдомъ на счепъ виновнаго.

7. Знанія и искусства Морлаковъ.

Чрезвычайная живость ума и врожденная смѣпливость Морлаковъ причиною, что они успѣваютьъ во всемъ, чѣмъ захопятъ заняться. Если ихъ хорошо образуютъ въ военномъ дѣлѣ, то они становящся превосходными солдатами. Въ послѣднюю войну съ Поршою, храбрый Генераль *Дельфино*, опнявшій у Турковъ значительную часть сей области, употреблялъ ихъ на службу во всѣхъ видахъ, а особливо грендерами. Они удивительно успѣваютьъ въ торговыхъ дѣлахъ, и будучи уже въ преклонныхъ лѣтахъ весьма легко выучивающся чтенію, письму и счисле-

нію. Сказываюушь, что въ началѣ сего вѣка, пасухи Морлакскіе весьма охотно чипали одну полстую книгу, заключающую въ себѣ богословіе, нравственностъ и исторію: Книга сія собрана какимъ-то *О. Дивковичемъ*, и была многократно перепечашываема въ Венеціи *Кирило - Босняцкими* ихъ буквами, кои нѣсколько отличны отъ Рускихъ церковныхъ (*). Часшо случа-

(*) Я имѣю книгу, не могу сказать навѣрное, на которомъ изъ Славянскихъ нарѣчій, но только не на Сербскомъ, которое часшо удавалось мнѣ слышати. Кѣмъ и гдѣ она сочинена, не знаю; но по сохранившемуся до половины заглавному листу видно, что она напечатана въ Венеціи около 1725 года. Содержаніе оной естъ описаніе Іерусалима и окружающихъ его Святыхъ мѣстъ. Книга сія напечатана въ 4ю долю листа, не наборомъ, а вырѣзанными на деревянныхъ доскахъ буквами и украшена многими рисунками, изображающими виды — храма Іерусалимскаго, гроба Господня, всѣхъ монастырей горы Синайской, шак-

лось, когда Священникъ, не сполько ученый какъ набожный, приводя въ своей проповѣди какое-нибудь мѣсто изъ Священнаго Писанія, не вѣрно оное разсказывалъ, шо одинъ изъ слушателей кричалъ ему: *нѣ тако!* Дабы вывести такое нарушение порядка, ошобраны были всѣ экземпляры помянушой книги, копорая по сей причинѣ сдѣлалась весьма

же городовъ Яффы, Иммауса, Кесаріи Филиповой и ш. п. Гравировка сихъ рисунковъ похожа на наши карпины лубочной печашы; но буквы именно шѣ, о копорыхъ говоримъ здѣсь Аббашъ Форшисъ, ш. е. Кириловскія, что заключаю я по сравненію съ видѣнными мною шой же печашы древними Спаровѣрческими книгами, равно какъ и церковными полу-успашавами и шребниками временъ Князя Константина Оспрожскаго, (каковыя Библиографическія рѣдкоспи весьма не рѣдко попадаются въ разныхъ Малороссійскихъ монашыхъ ряхъ, и даже въ старинныхъ приходскихъ церквахъ). Что касается до языка, на коемъ писана сія книга, шо оный весьма понятенъ для всякаго, кто знаетъ по Славянски.

Прим. Руск. Переводъ.

рѣдкою въ Далмаціи. Живость ума Морлаковъ показывается также въ весьма острыхъ отвѣсахъ. Одинъ Шиньской Морлакъ, находясь при разнѣнн военныхъ плѣнныхъ по окончаніи послѣдней войны смотрѣлъ, какъ за одного Венеціанскаго Офицера отдавали по нѣскольку Турецкихъ солдатъ. Нѣкто изъ Турецкихъ Депушашовъ сказалъ въ насмѣшку, что ему кажется, будто Венеціане остануся въ накладъ. „Ты не знаешь, отвѣчалъ ему Морлакъ, что мой Государь съ охотою отдаетъ по нѣскольку ословъ за одного добраго коня.“

Хотя Морлаки имѣютъ весьма хорошее расположеніе всему научиться, но свѣденія ихъ относительно земледѣлія и скошоводства весьма ограничены. Упорство придерживавшяся старыхъ обычаевъ, въ особенности свойственное сему народу, и неспараніе правилъ о убѣжденіи ихъ въ выгодахъ новѣйшихъ способовъ, суть естественныя пому причины. Они оставля-

юпъ рогатый скопъ, снабжающій ихъ шерстью, на произволь суровыхъ непогодъ, въ холодъ и нерѣдко безъ корма. Плуги и другія земледѣльческія ихъ орудія, какъ будто бы сдѣланы были въ началѣ изобрѣшенія художествъ, и спольже мало похожи на наши, какъ моды времени Трипуремовыхъ сходны съ модами нынѣшняго вѣка. Они дѣлаютъ кое-какъ масло и сыръ, копорые годились бы къ употребленію, еслибы не были весьма неоправно пригошвлены,

Ремесло порпныхъ ограничивается старымъ и неизмѣняющимся покроемъ плащя, которое дѣлается всегда изъ одинакой ткани. Если сукно не много ширѣ или уже обыкновеннаго, по порпной Морлакской перяешь весь свой шолкъ и не знаешь, какъ съ нимъ сладить.

Они имѣютъ нѣкоторое понятіе о красильномъ искусствѣ, и краски ихъ не совсѣмъ не заслуживающъ вниманія,

Черный цвѣтъ придають они ясеневою корою, (сіе дерево называется у нихъ *ясеа*) варя оную съ желѣзными выгарками, которыя берутъ въ кузницахъ. Дикая вайда (*Pastel Sauvage*), высушенная въ пѣни и варимая нѣсколько часовъ, доставляетъ имъ весьма хорошую темносинюю краску. Они извлекають желтый и кофейный цвѣты изъ желтеника (*Fustet, Scódano*), называемаго ими *раци*, и также желтый цвѣтъ изъ дикой березки (*Fusair, Evonimo*), известной у нихъ подъ именемъ *луццалины*. Всѣ свои шкани красятъ они въ холодныхъ краскахъ.

Почти всѣ Морлачки умѣють вышивать и вязать. Узоры шитья ихъ весьма любопытны, будучи совершенно одинаковы на обоихъ концахъ шкани. Онѣ дѣлають нѣкоторый родъ вязанья колечками, котораго Италіанцы никакъ не могутъ перенять, и изъ коего онѣ вырабатываютъ нѣчто похожее на полусапожки, носимые ими въ *палуцахъ* и

олортахъ, или башмакахъ. Въ иныхъ мѣ-
стахъ находящаяся также и сѣтаны для
нѣканья хряща или шолошаго желста; но
женщины мало сѣмъ занимаются, по той
причинѣ, что домашнія дѣла заботы не
позволяютъ имъ сидѣть за работою.

Въ нѣкоторыхъ городахъ, какъ на-
примѣръ въ *Верликѣ*, есть горшечные
заводы. Посуда, грубо обдѣланная и
обожженная въ худыхъ, вырытыхъ въ
землѣ печахъ, со временемъ становит-
ся такъ шверда, что превосходитъ крѣ-
постию издѣлія *Италіанскихъ* горшечни-
ковъ.

О. Соловь.

ВОСПИТАНІЕ ИСФАНДІАРА

(Отрывокъ изъ Виланда.)

Ваше Величество! (говорилъ Данишмендъ) Исфандіаръ былъ, какъ сказано, младшій сынъ Азора. Не смотря на то, что мать его лишилась уже права на Королевское сердце, онъ былъ воспитанъ при Дворѣ такъ, какъ обыкновенно воспитывали Шешіанскихъ Принцевъ.

Эпо-шо мы и хотимъ знать, сказалъ Шахъ-Гибаль.

У него были искуснѣйшіе учителя во всѣхъ наукахъ и художествахъ, которыхъ, какъ говорится, приличны Принцу. Онъ выучился Математикѣ столько, что могъ весьма искусно оп-

личить шреугольникъ отъ четвероуголь-
ника. Знаніе именъ всѣхъ рѣкъ , озеръ ,
горъ, обласпей и городовъ Шешіанскаго
Царства, доказывали обширныя свѣде-
нія его въ Географіи; желая же пока-
занъ на опытъ глубокія познанія свои
въ Философіи, онъ на 13 году защищалъ
преважное положеніе, *это вещь, если
она существуетъ, доколѣ и поколику
она есть то, что есть, не можетъ
быть въ одно и тоже время, темъ
либо другимъ.* Его учитель въ нау-
кѣ Правленія ни о чемъ шакъ не забо-
тился, какъ сообщить ему простран-
нѣйшее познаніе о безпредѣльности и
правахъ верховной власпи, и о без-
численныхъ средствахъ присвоивать
себѣ собшвенность подданныхъ. На-
противъ учитель въ нравствен-
ности весьма, ошерегался оскорбишь
нѣжность слуха его произнесеніемъ
неприяшнаго слова обязанность. Ему
казалось, что онъ довольно уже
исполнилъ долгъ свой, предшавя Прин-

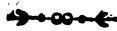
цу въ красиво сплешенныхъ періодахъ , или въ прогашельныхъ примѣрахъ , справедливостъ и благошворительностъ какъ высочайшія добродѣтели Государей. Но шонъ , какимъ говорилъ онъ о сихъ добродѣтеляхъ , безразсудная и излишняя похвала , приписываемая имъ Государямъ за нѣкоторыя довольно двусмысленныя поступки , и помѣщеніе ихъ въ число боговъ , должны были непременно произвѣсти совсемъ прошивное дѣйствіе въ ученикъ его. Молодой Исфандіаръ получилъ о справедливости и благошворительности такое понятіе , которое для счастья будущихъ подданныхъ его совсемъ было бесполезно. Онъ думалъ , что исполненіе сихъ добродѣтелей зависѣло только отъ его соизволенія , и не помышлялъ , что онъ бываетъ добродѣтелями тогда только , когда соединены вмѣстѣ , и что неутомимое стараніе выполнятъ шу и другую , во всемъ пространствѣ званія Правителя , есть существенный долгъ его. — Онъ не по-

дагаль, что шомъ, кшо въ печеніи цѣ-
 лыхъ пѣшидесяши лѣтъ выполнялъ сіи
 обязанности въ высочайшемъ совершен-
 ствѣ, при концѣ своей жизни не заслу-
 живаетъ другой похвалы, кромѣ свидѣ-
 тельства, что онъ сдѣлалъ должное.
 Словомъ, придворный наставникъ не
 помышлялъ о томъ, что бы пред-
 ставлялъ молодому Принцу выполненіе
 добродѣтелей, заключающихъ въ себѣ
 счастье подданныхъ и возможное совер-
 шенство Государства его, въ видѣ обя-
 занностей, которыя равно побудитель-
 ны и священны, хотя бы производили
 опъ Высочайшаго Существа, какъ Царя
 Царей, или опъ общественнаго догово-
 ра, въ силу коего, имѣющій по ви-
 димому болѣе правъ, долженъ имѣть и
 болѣе обязанностей.

Мнѣ кажешся, Г. Докторъ, сказалъ
 Сулшанъ, что нравоучитель молодого
 Исфандіара имѣлъ нѣсколько права пред-
 ставляяъ ему обязанности Государя
 въ припадномъ видѣ. Слово долгъ, весьма

жестко для слуха: оно имѣеть и для подданныхъ противный звукъ, какъ же намъ приучить къ нему слухъ свой? Добродѣшель намъ болѣе нравился, когда мы добровольно къ ней стремимся.

Проспите, Всемилосивѣйшій Государь! ошвѣчалъ опкровенный Данишмендъ. Истинный наставникъ упопребляеть не столь опасное средство къ изображенію должностей нашихъ въ приажномъ видѣ. Вмѣсто того, чшобы поощряеть насъ къ добродѣтели похвалами, содѣлывающими обязанности наши предметомъ щеславія, лучше было бы убѣдить насъ, чшо произведеніе ихъ въ дѣйство соединено съ важнѣйшими выгодами и чиспѣйшимъ удовольствіемъ. Можно говорить и о славѣ, какъ о соупушницѣ добрыхъ дѣлъ. Но жалокъ Государь, предпочитающій довѣренности и любви своего народа оды, памяшники, спашуи, медали и надписи, копорыми одна лешть можешъ увѣковѣчить дѣла его. И много ли они доставляють ему ис-

тиннаго удовлетворенія? Не частолъ были они распочаемы пиранамъ?

Данишмендъ нѣсколько правъ, сказаль Сулшанъ, расположенный въ сей вечеръ охотно слушашь своего говорливаго Философа; наставникъ Принца Исфандіара былъ, кажешся, слишкомъ хорошій царедворецъ, но весьма худой нравоучитель.

При всемъ томъ, продолжалъ Данишмендъ, учитель Испоріи былъ еще хуже, хотя безспорно починался ученѣйшимъ мужемъ въ своемъ родѣ. Испорія была любимѣйшая наука Принца, и дѣйствительно онъ приобрѣлъ въ ней много свѣденій, за что учитель его получилъ мѣсто Королевскаго Испоріографа съ великою пенсією. Могъ ли вообразить добрый Сулшанъ Азоръ, что человекъ, коего онъ шакъ оплично наградилъ, заслуживалъ первое мѣсто на галерѣ?

Учитель Испоріи молодаго Принца долженъ бышь человекъ, соединяющій

величайшую честность съ глубокопроницающимъ и всеобъемлющимъ взоромъ, и тончайшее нравственное ощущение съ неограниченною силою разсудка. Такихъ свойствъ пребудешь совершенная справедливость, съ которою обязанъ онъ приступать къ изображенію характеровъ и къ разсужденію о поступкахъ, какъ съ нравственной, такъ и съ политической стороны. Онъ долженъ, если позволишь мнѣ объяснить примѣромъ, познать въ Александрѣ одного изъ сихъ необыкновенныхъ смертныхъ, которыхъ природа производить единственно для великихъ подвиговъ, которые, подобно богамъ Гомеровымъ, сославляютъ средній родъ между людьми и высшими существами, и потому какъ въ порокахъ, такъ и въ добродѣтеляхъ своихъ превосходятъ людей обыкновенныхъ. Ему надлежитъ каждому преимуществу Александра, каждой добродѣтели его отдать справедливость, не щадя для нихъ его пороковъ и не уменьшая изящности

первыхъ для сихъ послѣднихъ. Онъ долженъ въ начертаніи жизни сего благодѣтельнаго завоевателя открытъ истинный духъ, оплечающій его отъ Ашилы — опустошителя свѣта, — и мужу, рожденному бытъ повелителемъ міра (*), не сшавишь въ пресшупленіе высокую его спрась къ великимъ подвигамъ; спрась, кошорая въ душѣ не споль великой была бы чесполубіемъ; между шьмъ какъ у него сосшавляла она врожденный эншузіазмъ героя. Горе сему Испорику, если онъ не чувствуетъ, что побѣда при Арбелахъ могла бы бытъ одержана и двадцашью другими Греческими полководцами; но что великость души, превышающая человѣчество, шребовала одною рукою принятъ цѣлебный сосудъ изъ рукъ врача своего Филиппа.

(*) Какъ умный обыкновенно бываетъ повелителемъ глупаго, такъ совершеннѣйшій человекъ имѣетъ природное право повелѣвать другими: Это законъ природы, сказалъ Аристотель, наставникъ величайшаго изъ Государей.

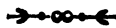
па и съ кропкой улыбкой осушишь его, а другою подашь ему по письмо, въ кошоромъ извѣщали, что Филиппъ прельщенный обѣщаніями, подкупленъ былъ къ оправленію Александра! Горе ему, если онъ не чувствуешь, что сей герой, желавшій лучше перлъ палаящую жажду, нежели похитишь воду у нѣсколькихъ своихъ воиновъ, приносившихъ оную въ шлемахъ помящимся дѣнямъ своимъ, былъ несравненно болѣе нежели тогда, когда онъ окруженный Полководцами и Царями; съ прешола Персидскихъ Султановъ въ первой разъ воззрѣлъ на порабощенную Азію! — Горе, если онъ не чувствуешь, что побѣжденный Дарій въ то мгновение, когда онъ пронупый благороднымъ поступкомъ побѣдителя съ супругой и дѣтьми его, ни кого не призналъ доспойнѣ Александра взойши на прешоль Кировъ, — превосходилъ самага Александра; и что великодушный Александръ, обольсвившійся роскошною пы-

шностію Царей Персидскихъ, и при входѣ во внушренность спавки Дарія, воскликнувшій: „вошь, что я называю „бышь Государемъ!“ — съ высоты полу-бога, низпалъ въ чреду обыкновеннаго смершнаго.

Ученый мужъ, долженспвовавшій посредствомъ Испоріи образовать будущаго Государя, но лишенный сей шонкости и нравственнаго чувства, судилъ о великихъ людяхъ и поступкахъ ихъ не по какому другому правилу, какъ по виду, въ кошоромъ они являлись и (во всѣхъ случаяхъ, гдѣ не имѣлъ онъ особливо причины хвалить що, что онъ по своимъ правиламъ долженспвовалъ бы охуждать,) по предразсудкамъ мечшательнаго, опчаспи напянушаго, опчаспи слишкомъ слабаго нравоученія, къ кошорому онъ въ школахъ Бонзъ былъ приученъ механически. У него завоевашель слылъ героемъ; распочительный Государь великодушнымъ; слабый — добрымъ. Особливо спарался онъ доспа-

вить Принцу самое выгодное мнѣніе о Царяхъ, его предкахъ, хотя и большею частію на счетъ испины. Онъ украшалъ свои описанія, увеличивалъ ихъ добрыя или посредственныя качества, пороки ихъ прикрывалъ густою тѣнію, а по чего скрывать нельзя было, извинялъ софизмами. Крапко скажешь, онъ поступалъ съ Испоріей такъ, какъ будто понятія о добрѣ и злѣ, когда они принаравливаются къ Царямъ, зависящъ отъ собственнѣйшей ихъ воли, или какъ будто Царская порфира, какою-то магическою силою, каждый порокъ ею прикрываемый, можешь превратить въ изящное качество. Должно признаться (онъ имѣлъ обыкновеніе говорить о явныхъ ширанахъ или о погрязшихъ въ развратѣ сластолюбцахъ), что сей великій Султанъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ своей жизни просиравалъ спрөгосшь, впрочемъ по тогдашнимъ обшьятельствамъ весьма нужную, нѣсколько далѣе желаемого; или, нельзя оспоривашъ, что склонность

его къ удовольствіямъ не всегда оставалась въ предѣлахъ мудрой умѣренности; но ящи слабости, прибавляль онъ, замѣняемы были споль великими качествами, чпо было бы несправедливо и непочтительно на сей шчкѣ останавливашья.

Молодой Принць, по хитрости своей, не пропустиль изъ сихъ историческихъ уроковъ извлечь для себя особья правила, копорья совершенно испребили малое добро, поселенное въ душъ его ученіемъ наставника въ нравшвенности, на примѣръ: „чпо пороки Царей — „шакой предметъ, о кошоромъ должно „говорить съ почченіемъ; чпо Государю „не нужно подавлять предосудишельныхъ склонностей: ибо въ его власти „сосшопть, сдѣланное имъ зло, высшавить въ видѣ добра; чпо должно выско цѣнить намѣреніе Султана, если „ему заблагоразсудитс я имѣть нѣкошорья добрыя качества: ибо опъ него зависѣло бышь шакъ дурнымъ, какъ бы

„ему хопѣлось, и ш. д.“ И молодой Исфандіарь не замѣдлиль изъ сихъ и подобныхъ положеній происпекающихъ по видимому изъ сего превращающаго преподаванія Испоріи, составиль для собственнѣхъ нуждъ таинное нравоученіе, которое шѣмъ было опаснѣе, чемъ менѣе оны природы нечувствительное сердце его имѣло склонносней, могущихъ прихоти и спрасхи его содержащъ въ равновѣсіи.

В. Бриммеръ.

О М Е Ч Т А Н І И.

Мечтаніе, даръ воображенія, принадлежишь собсвенно сущесвамъ, одареннымъ чувствительностію. Хладныя души не знаютъ и никогда знать не могутъ прелестей мечтанія.

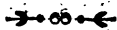
Мечтаніе разнился опъ размышленія. Для него нужна шолько задумчивость, а размышленіе пребуешъ вниманія полного, совершеннаго и глубокаго. Но онѣ сходствують между собою шѣмъ, что одинаково ищущъ уединенія, одинаково боятсѣ шума и любятъ спокойствіе.

Искусства — друзья мечтанія. Онѣ находятъ въ немъ родъ опдохновенія: но и самый эпошъ опдыхъ превращается у нихъ въ занятіе. Науки, благородныя соревновашельницы искусствъ, но не шоль любезныя, болѣе строгія, рѣдко уступаютъ привлекательности мечтанія; онѣ

предпочинають ему размышленіе, которое больше сходствуетъ съ ихъ вкусомъ, и бываешь неразлучнымъ товарищемъ ихъ занятій.

Характеръ, всегда имѣя вліяніе на наши склонности, сильно дѣйствуетъ и на ту, которая ведетъ насъ къ мечтанію. Вольтеръ чрезвычайно чувствительный, но живой, пылкій, упорный, жаждущій славы писателя во всѣхъ родахъ; въроянно мечталъ меньше, нежели Жанъ Жакъ оцъ природы нѣжный, спрасный, унылый и недоувѣрчивый.

Цѣлыя книги написаны о счастьи. Всякой его опредѣляетъ по своему и всякой полагаетъ его въ предметъ своихъ желаній. Любовникъ въ обладаніи любезною; честолюбецъ въ достиженіи желаемой степени; скупецъ въ копитомъ сокровищѣ; ученый, поэтъ и художникъ въ надеждѣ пережить себя въ потомствѣ. Если это принять за основаніе, то счастье будетъ ни что иное, какъ непрерывная цѣль, безпокойства.

Моншанъ говоритъ : задумчивость
приятна; это справедливо; но почему?
потому что задумчивый мечтаетъ.

Принося наукамъ пользу, мечпаніе
сладосно для любовниковъ.

Parle moi de Médor ou laisse moi rêver.

(Тверди мнѣ о Медорѣ или не мѣшай меч-
панью.)

Говоритъ Ангелика въ Квиццошовой опе-
рѣ.—И въ самомъ дѣлѣ, что можешь быть
восхищеніемъ того положенія, когда
женщина любимая и любящая спрашно,
впадаетъ поспешенно въ мечпаніе и на-
конецъ доходишь до высочайшей его
степени. Любезный ея далеко; но меч-
паніе его возвращаетъ, мечпаніе обра-
зуетъ черты его; онъ въ глазахъ ея, она
съ нимъ говоритъ, разлука уже забыта.

Говорятъ: жизнь мечта; согласенъ;
такая мечта, которой часто желаютъ
окончанія; но если бы жизнь текла
посреди мечпаній, тогда бы смерть каза-
лась для всѣхъ величайшимъ несчастіемъ.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

ЛАРНУЛЬ или ОТЧАЯНІЕ

(Изъ Оссіана.)

По древнему преданію Ларнуль былъ обвиненъ съ Азалою, которая скоро по томъ влюбилась въ Аллара; но сей не одобрялъ ея страсти, за что и сдѣлался предметомъ ея ненависти. Давы отмститъ ему, она возбудила въ душѣ Ларнуля ревность и принудила его умертвить друга. Ларнуль послѣ сего умерщвленія, скоро самъ себя погубилъ.

Капящая черныя надъ холмомъ облака,
И въщрь порывистый шумишь въ дубравахъ
темныхъ;
Тамъ съ дикихъ грозныхъ скаль ревущая рѣка

Клубяся падаешь въ мракъ пропащей под-
земныхъ.

А шамь, въ разсылинахъ обросшей бацни
мхомъ,

Уединенная сова уныло спонешъ.

Печальны ужасы въ шымъ носящяся кругомъ,
И въ горесныхъ мечпахъ мой духъ уны-
лый понешъ.

Лешяца молнія поверхъ родныхъ холмовъ
Виднья грозная въ шуманъ освѣщаешъ.
Я зрю Героевъ рядъ изъ сизыхъ облаковъ;
Сверкающъ ихъ мечи, вѣпръ шлемы развѣ-
ваешъ.

О! какъ душа моя въ сей безотраднѣй часъ
Сходна съ природою въ уныне погруженной!
Услыште шѣни, вы, Ларнуля скорбнѣй гласъ!
И воплямъ жалобнѣмъ внемлите раздраженны!
Любезнѣй юноша Силема, о Алларъ!

Онъ первымъ былъ моимъ въ сей жизни ушѣ-
пеньемъ:

Печали, радости — сей общѣй смертнѣмъ даръ
Дѣлили вмѣстѣ мы съ единѣмъ восхищенѣмъ.

Въ Газерѣ лукъ шугой учились натягать,
 И копьемъ владѣть. — Срази враговъ Эрина,
 Не разъ мечи свои стремились обагрить
 Въ дымящейся крови жестокаго Лохлина.

Труды, опасности онъ раздѣлялъ со мной;
 Съ нимъ въ Ияро подняли вѣсприла корабельны,
 Какъ вызвалъ онъ Корло я на смертоносный
 бой,

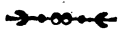
Среди Соэальскія долины безпредѣльной,
 Но бывъ пронзенъ стрѣлой, на землю я упалъ;
 Алларъ щипомъ своимъ покрылъ меня мгно-
 венно;

Во взорахъ у него огонь мщенья запылалъ
 И сопрошивникъ палъ рукой его сражен-
 ный.

Но зацѣпивъ меня самъ пляжко раненъ былъ;
 Кровь изъ груди его струилася рѣкою;
 Несчастный спасъ меня — а я? — я запла-
 шилъ

Ему за дружество злодѣйствомъ — смертью
 злою.

Почто велѣла мнѣ Аллара умертвить,

Прекрасная, но ахъ, жестокая Азала?
 Почто велѣла мнѣ убійцей друга бышь?
 Я отвергалъ швой вопль, сколь ты ни умо-
 ляла,

И долго хипрому вѣщанью не внималъ.
 Но увлеченъ, увы! я былъ слѣпой любовью:
 Твой пагубный языкъ мнѣ чужсва оковалъ;
 Ядъ мщениа слился въ моихъ соспавахъ съ
 кровью,

Попекъ — и юношу къ оружію подвигъ, —
 На смершный вызвалъ бой. — Такъ я, небла-
 годарный!

Забылъ и долгъ и честь въ сей страшный
 мщенья мигъ.

Оспановись, онъ рекъ, Ларнуль, Ларнуль ко-
 варный!

Дерзну ли проливашь кровь друга моего?
 Дерзну ль сразисься я съ шобой на рашномъ
 полѣ?

Коль жизни хочешь ты Аллара швоего,
 То ушли свой мечъ: Алларъ въ швоей здѣсь
 волю. —

И въ мигъ сей обнаживъ невинну грудь, вѣщаль:
 Вошь сердце, чшо къ шебѣ лишь дружеспвомѣ
 пылаешь!

Пронзи его; съ тѣхъ поръ какъ смерти воз-
 желалъ

Аллара, жизнь его ужъ болѣ не плѣняешь.

Горячая слеза испорглася изъ глазъ,
 Забилась грудь моя; но огонь въ душѣ родился;
 Когда вспомянуль Азалы мстящій гласъ,
 И мечъ мой кровію Аллара обагрися.

На землю падая, онъ подаль руку мнѣ,
 Взоръ успрямя, изрекъ: Ларнуль, я умираю!
 Воздвигни надо мной гробницу въ сей странѣ;
 А я—за смерть свою шебѣ, мой другъ, прощаю!
 Но опъ Азалы шы бѣги, забудь, не мспи:
 Во взорахъ ядъ у ней; она для бѣдъ родилась.
 И снова мнѣ сказавъ въ послѣдній разъ: проспи!
 Великая душа къ безсмертью преселилась.

Съ тѣнями праощцевъ бесѣдуешь Алларъ;
 Они вокругъ тебя собравшись вопрошающъ:
 „Кшо надъ тобой свершилъ губишельный
 ударъ?“

Но я предстану самъ; да къ мукамъ осуж-
даютъ,

И окровавленный имъ покажу мой мечъ.

Жука, которая шебя, Алларъ, сразила,

Должна въ опмщеніе злодѣя жизнь пресѣчь!

Пусть насъ соединитъ теперь одна могила!

Выцалъ и оспру спалъ онъ въ грудь себѣ

вонзиль,

И плавая въ крови, изрекъ: проси Ларнулю!

Съ сосѣдственной скалы крикъ врана

слышанъ былъ;

Въ дубахъ свиспавшій въпръ гналъ съ моря

спрашну бурю;

Сверкала молнія; гремѣлъ ужасно громъ;

Природа самая казалось соспрадала;

Но вдругъ безмолвіе простерлося кругомъ

И въ мракѣ сырцая равнина пререшала.....

А. Н 2.

РАЗМЫШЛЕНІЕ НЕДУЖНАГО.

Для вѣчности намъ Богъ жизнь временную
далъ;

За временную скорбь, рай вѣчный обѣщаль;
Тамъ родина души, всѣхъ стайнъ совершен-
ство.

Спятъ шрүүцъ подѣ землей, ихъ въ небѣ ждесть
блаженство;

И, кровію Христа, обѣщъ запечатлѣнь.

Вселенна въ лѣпошѣ, одинъ лишь призракъ
плѣнь;

Колико въ ней красота чудесныхъ ни встрѣ-
чаю,

Но мѣръ названъ Небесъ подобьемъ не дерзаю;
Далеко нашу мысль и чувство превзойдетъ
Тотъ рай, копорый Богъ для праведныхъ
блюдетъ,

Далеко не вмѣспишь и мудрыхъ поспиженъе
Великаго Творца ко швари снисхожденъе.

Сей велелѣпный мѣръ, чудесъ огромный храмъ,
Ошпѣнокъ лишь того, что Богъ назначилъ
намъ.

Пускай мы здѣсь Цари, пустьъ въ силѣ пор-
жеспвуемъ

И предковъ ушопшавъ, попомковъ образуемъ,
На долгій рядъ вѣковъ и зиждемъ и шворимъ,
Какъ волны безъ береговъ среди пучинъ кипимъ;
Но мѣру ешь предѣлъ, и — смершному кон-
чина!

Какъ громко бы его не славилась судьбина!
Ничто не опврашпшь Всевышняго законъ:
Ни доблести, ни мзда, ни покаянный спонъ.
Но ежели судишь о жизни' человекъа
По подвигамъ его, — ему не будешъ вѣка.

Вошще въ дѣлахъ искашь мы вѣчноспи хо-
шимъ,

Дивяся старинѣ, внучапъ дивишь спѣшимъ.

Пока шѣснишся духъ въ вещеспвенномъ со-
спавѣ

Ему причастья нѣтъ въ гошоващейся славѣ,
 Которой, на краю послѣднихъ нашихъ дней,
 Достигнувъ суждено отъ юности своей.

Упрашивши ее въ плачевной сей юдолѣ,
 Мы пляжкой подъ грѣхомъ подвержены неволѣ;
 Недуги и печаль и всякая бѣда
 Соблазновъ свѣтскихъ, сунь горчайшій плодъ.

и мзда.

Соснарѣвшись на гробъ со шрепешомъ взи-
 раемъ

И, крапкой мигъ проживъ, въ немъ скоро
 засыпаемъ.

Чего же ради шакъ мяшемся въ живошѣ

И въ жершву небеса приносимъ суешѣ?

Дымъ славы обоняшь — безъ услади прудимся;

Съ кумирами спрасшей встаемъ и спашь
 ложимся?

Не смысла, что всему конецъ на свѣшѣ —
 шля,

Что въ землю снидешъ все, — понеже все
 земля!

О ты, Душа духовъ, превыспреннихъ
Зиждипель!

Поправшій смерзью смерзь, Адамовъ иску-
пипель!

Приникни съ высопы въ чершогоъ моей души;
Гнѣздящихся спраспей волненье упиши!
Какъ Симону Пешру, въ моряхъ Тиверіад-
скихъ,

Десницу мнѣ проспри, изми изъ пламень
адскихъ!

Смирря, научи геройски все шерпѣшь,
По благодаши жишь, и — съ миромъ уме-
решь!!!

Писано въ Нижнемъ Новгородѣ
въ Августѣ 1818.

Князь И. Долгорукій.

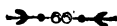

ВЪ ЧЕМЪ СЧАСТЬЕ?

Что нужно къ счастью, въ чемъ оно?
Въ богатствѣ всѣ твердятъ давно.
Въ богатствѣ, говоришь богатый
И строишь каменны палаты,
Зовешь — но счастье въ нихъ неидеть:
Тамъ море роскоши, а счастья капли нѣтъ! —
Ищете счастья за морями,
Кричишь обманушый мечшой,
И забывъ покой злшой
Лепишь, сквозь бури, въ споръ съ волнами.
Весь свѣтъ объѣхаль, обошелъ,
Но счастья не нашель!
„Я счастливъ! говоришь, любуюся красою,
Аминь, молодой паспухъ, подруги молодой,
Межь шѣмъ когда зѣря румяной половою

Горитъ надъ зеркальной водой;
И въ рощахъ дремлющихъ пѣвцовъ замолкли
хоры.

На что намъ, милая! злая горы?
Чегожь шому желать оспалось опъ Боговъ,
Кому въ удѣлъ дана и дружба и любовь? —
Любовью посланно соломенное ложе,
Мой другъ, мой милой другъ! спокрашно мнѣ
дороже,

Чѣмъ златомъ блестящи парчи,
На коихъ пышны богачи
Въ бессоньи и поскв проводяшь грустныи
ночи. . . .

О, вѣрь мнѣ, онъ сказалъ, возведши къ небу очи:
Я счастливъ, я блаженъ вездѣ, гдѣ ны со
мною!

И многоль надобно въ сей жизни намъ для
счастья?

Спокойной уголокъ — проспой
Шалашъ, — гдѣ-бъ съ милою укрышья опъ
ненастья; —
Въ цвѣтущей юности — взаимную любовь;

Въ преклонной спарости — себѣ и дѣшамъ
хлѣба:

Вопь все, чего должно просить у Неба,
Ошь благости Боговъ.

Ө. Глинка.

Э К С П Р О М Т Ъ.

(По слугаю экзамена въ Институтъ Глухонѣмыхъ.)

Се милосердья храмъ! Здѣсь нову жизнь при-
емлюшь:

Нѣмые — говорашь, лишены слуха — внем-
люшь!

Графъ Д. Хвостовъ.

О С Е Н Ь.

Черны, волнисты — быстро грядями
Тучи по небу лепящъ.
Влажнымъ шуманомъ холмы одѣшы;
Солнце не мещетъ лучей.

Тамъ подъ горою, къ черному бору
Съ шумомъ спремится Донецъ;
Дону съдому воды вручая,
Плещетъ въ высокихъ брегахъ.

Хладный вой въпра свищеть по роцамъ;
Валился на землю лисъ;
Голые сучья долу склоняся,
Смошрапъ уныло на нихъ.

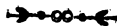
Дремлешь ночная, вѣщая пшца
 На обнаженной скалѣ,
 Крикомъ просяжнымъ лань быспропечну
 Гонить изъ мрака лѣсовъ.

Плодъ ниспадаетъ, плѣзешь и гибнешь
 Подлѣ родимыхъ корней;
 Мнишься, гошова сномъ непробуднымъ
 Матерь Природа уснушь.

Тамъ на высокой дуба вершинѣ
 Воронъ угрюмый сидишь,
 Съ крыльевъ обмокшихъ дождь опрысая,
 Карканьемъ зиму зовешь.

Скоро опкроешь мрачны пещеры
 Грозный сверѣпый Еоль;
 Буйные вѣтры скоро сорвуются
 Съ тяжкихъ чугунныхъ цѣпей.

Скоро посыплешь иней пушистый
 Хладна космаша рука —
 И на широкихъ водахъ бездонныхъ
 Льдисшой воздвигнешь престоль.

Скоро — но други! — все оживишся
 Съ ясной грядущей весной! —
 Мы же сдѣя, — майскаго утра
 Можемъ за гробомъ лишь ждапть.

Порфирій Лобойковъ.

Ш А Р Р А Д А.

На чемъ живешь — слогъ первый мой;
 Впоре — милая увидѣвшись съ шобой
 Душевно говоришь, замѣпишь по изъ взгляда;
 А цѣлое — Шаррада.

С.

ПРИГЛАШЕНІЕ КЪ ВЕСЕЛЬЮ.

(Подражаніе Гагедорну.)

Съ свободнымъ сердцемъ предадимся,
Друзья! веселью юныхъ лѣтъ.
Куда мы въ старости годимся?
Уже въ ней пылкихъ чувствій нѣтъ.
Весь міръ открытъ вамъ къ наслажденью:
Умѣйте пользоваться имъ.
Амуръ! спѣши къ увеселенью!
Почти присущствіемъ своимъ!

Чело украсьте вы цвѣтами,
Пока цвѣты еще къ лицу;
А радости назвасть мечтамъ,
Не встану даже мудрецу.

Чшо царспивомъ мертвыхъ насъ прельщаютъ?
Върнѣль жизни сей оно!

Тамъ хладныхъ пѣней обнимають,
Тамъ воду пьютъ, а не вино!

Смогрише! Хлоя посѣшила
Съ упѣхами любви нашъ кругъ.
О Хлоя! еслибъ ты польстила,
Меня хоть взоромъ, милой другъ!
Вѣрь моему ты насшавленью:
Безъ чувствъ не должно сердцу быть;
Суровость приведешъ къ почтенью,
Но, ахъ! какъ сладостно любишь!

Ужелибъ Хлою не пѣнила
Взаимна, пламенная спрасъ?
Или любви волшебна сила
Надъ сердцемъ не взяла бы власть?
Тебѣ всѣ пѣсни и желанья
Приносимъ опъ сердець своихъ.
О еслибъ наши лобызанья
Достойны были усъ пвоихъ!

Вино, что въ чашѣ сей сребрился,
Лишь ждетъ того, чпобъ ты пила.
Ты, Хлоя, можешь съ нимъ сравниться:
Будь пламенна и весела!
Тогда ты будешь совершенна,
И счастье наше процвѣтешъ;
Моя же Муза восхищенна
Вино съ любовью воспоешь.

Н. Розенмейеръ.

КЪ УБѢГАЮЩЕЙ КРАСАВИЦѢ.

О, не бѣги такъ скоро отъ меня!
Смотри бѣжишь все вихремъ подъ луною:
Бѣгутъ часы, и день бѣжишь отъ дня,
Бѣгутъ лѣта — и юность съ красоюю.
Мигъ жизни быстръ — спѣши его ловить!
Цвѣтуція въ ланисахъ розы вянутъ;
Люстръ, два еще — кто знаешь? можешь
быть —
И отъ себя всѣ также бѣгать стануть.

О. Соловъ.

СУДЬЯ И СОСѢДЬ.

(Сказка.)

Въ дождливый день, обѣденной порою,
Подъ вешнимъ зоншикомъ и съ пѣжкой но-
шей дѣль,

Судья стариннаго покрою

Домой въ задумчивости шель.

Дорогою сосѣдъ съ нимъ повспрѣчался;

Судья съ прияшедемъ поцѣловался,

Пошомъ вздохнувъ, сказалъ:— все, все идешь
не пакъ!

Да и какому бышь добру; любезный, съ
нами?

Попушадъ всѣхъ лукавый врагъ!

Ну! видно за грѣхи мы нашими ошцами

На свѣшъ сей рождены.

Здѣсь — правда, совѣсь, честь совѣмъ истреблены;

Всѣ о добрѣ твердящъ, а къ дѣлу лишь конешся,

То всякой опъ добра спиной и опвернешся —

Забыли бѣдные, и смершь и страшной судъ;

Не въ царствіе небесъ, — а въ адъ себя влекушь!

И брагья - шо моя, скажу не въ осужденъе;

Ужъ поперяли все къ ушавамъ уваженъе;

Нѣшь чеспи на волосъ въ душахъ!

Такъ наживающся, шакъ совѣспью шоргу-юшь,

Чшо выговоришь шпрахъ!

Какъ каршами, дружокъ, законами шасу-юшь!

Въ развратѣ свѣшь погрязъ!

Наспаль, сосѣдушка, наспаль послѣдній часъ! —

Сосѣдъ глазамъ своимъ не вѣрилъ,

Зря рѣдкій чеспности судейской образецъ. —

Судья, казалось ему, не лицемѣрилъ :

Проспакъ не зналъ людскихъ сердець ;

Проспакъ на свой аршинъ все мѣрилъ .

Но между шѣмъ судьба сосѣда привела

Съ какимъ - то богачемъ въ судѣ имѣшь двѣ-

ла. —

Къ Судѣвъ пришелю лишь паяза пере-

щла ;

Тотчасъ бѣжипъ сосѣдъ къ служипелю Фе-

миды ,

Бранишь съ нимъ свѣпъ и всѣхъ лю-

дей ,

Замолвилъ слова два о правопъ своей ;

Изчислилъ всѣ соперника обиды ;

Но на бѣду , изъ Судьиныхъ рѣчей

Замѣшилъ , что Судья не шѣ имѣлъ ужъ

виды :

Угрюмо, сухо отшѣчалъ ,

То справки къ дѣлу собиралъ ;

То завтра побывашъ сосѣда приглашалъ .

Насилу вышло разрѣшенъе ,

Кощораго бѣднякъ шакъ долго ожидалъ. —

Опредѣлили — Чшожь? — боганому имѣнье,
А бѣдному, какъ водится, перѣнье. —

Тогда сосѣдъ сказалъ: чшо шѣ другихъ бра-
няшъ ;

Которые прикрѣщъ свои грѣхи хошяшъ! —

И. Анисковъ.

С М Ъ С Ъ.

ИЗСЛѢДОВАНІЯ

СЛУЖАЩІЯ КЪ ПОЯСНЕНІЮ ДРЕВНЕЙ РОССІЙСКОЙ ИСТОРИИ *).

Лѣтописи наши съ XI до половины XVII вѣка, составляющія, какъ бы непрерывную цѣпь, долго оспавались безъ должнаго уваженія и почти въ безъизвѣстности. Пётръ Великій, въ проѣздъ свой чрезъ Кенигсбергъ въ 1716 году, первый обратилъ вниманіе на

*) Извлеченіе изъ книги: *Untersuchungen zur Erläuterung der älteren Geschichte Russlands von A. C. Lehrberg. Herausgegeben von der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften durch Ph. Krug. St. Petersburg 1816. S. 264 in-4°.* Извѣстія о сей книгѣ и разборы оной, помѣщены въ слѣдующихъ журналахъ: *Wiener Litteratur-Zeitung 1816. Aug. №. 67. S. 1061 — 1099. D. (Добровскаго); Ч. IV. Кн. 1.*

Радзивилловскій списокъ Неспоровой лѣтописи, кошорая почитается единственнѣмъ источникомъ древней отечественной Истории. Въ царствованіе Екатерины II, напечатанъ наконецъ (1767 г.) Никоновскій списокъ при Академіи Наукъ, коея членамъ обязаны мы главнѣйшими изслѣдованіями по части древней Россійской Истории. Знаменитый Байеръ († 1738) первый старался пояснить Рускія древности и не рѣдко прибѣгалъ къ Азіатскимъ и Византійскимъ писателямъ. Миллеръ, обозрѣвая архивы по случаю своего долговременнаго путешествія по Сибири, собралъ многіе драгоценные матеріалы и помѣстилъ оныя въ твореніи своемъ: *Sammlung Russischer Geschichte*. Болѣе же всѣхъ Россійская Исторія обязана Шлецеру. Оспроумною кришикою возстановилъ онъ не только нашего Нестора*), но и вообще достоинство самой Истории. На-

Hallische Litter. Zeitung 1816. Nov. №. 275. S. 593—598 und №. 276. S. 601—603 (Рюса); *Leipz. Litt. Zeit.* 1817. May. №. 133. S. 1059—1062; *Annales Encyclopéd.* 1817. Sept. T. V. p. 127—147 (Кларопа); *Götting. Gel. Anz.* July. №. 114; S. 1129—1135. W. (Ведекинда).

*) Спараніемъ Г. Языкова, Шлецерова сличенный Неспоръ переведенъ на Россійской

чершанныя имъ правила, несомнѣнныя, хотя иногда и самъ онъ прошивъ ихъ погрѣшала. Оставивъ оныя изъ виду, вся Исторія могла бы превратиться въ собраніе нелѣпыхъ вымысловъ, и истина; главное основаніе сей науки, должна бы исчезнуть. Между тѣмъ однако, какое по непреоборимое тщеславіе, увлекавшее его къ преніямъ; иногда совершенно ничтожнымъ и бесполезнымъ, Шлецеру можеть нѣкоторымъ образомъ бытъ вмѣнено въ погрѣшность, заимѣвающую его славу: Кромѣ сего; еслибъ онъ писалъ слогомъ болѣе естественнымъ, по шворенія его; по богатству мыслей; — хотя не всегда основательныхъ; но не рѣдко разительныхъ и образцовыхъ, — и по рѣзкому; часто даже въ восторгъ приводящему изображенію предметовъ, никогда не преславали бы привлекать къ себѣ читателей. Жалуются также на Шлецера за то, что онъ не обращалъ вниманія на Азіатскихъ писателей; безъ пособія коихъ, нельзя пояснить нѣкоторыхъ мѣстъ въ нашихъ лѣтописяхъ. — Одинъ шокмо Лербергъ умѣлъ избѣ-

жасть сихъ недоспапковъ. Соединяя вкусъ съ основательностію, ясность съ глубокомыслиемъ, онъ одаренъ былъ величайшею способностію одушевлять самые обыкновенные и по видимому мало занимательные предметы: правильный ходъ мыслей и слова принадлежишь къ главнымъ его достоинствамъ. — Сколь обильныхъ плодовъ могла ожидать Исторія отъ сего мужа, какъ бы для нее совершенно рожденнаго, еслибъ внезапная смерть не похишила его. Лербергъ не только заслуживаетъ уваженіе какъ ученый, но и пріятель его, лишились въ немъ друга искренняго; челоука, во всѣхъ отношеніяхъ опличнаго и примѣрнаго.

Ааронъ Христіанъ Лербергъ родился въ Дерптѣ 7го Августа 1770 года. Еще до рожденія своего лишился онъ отца, и сія потеря свергла семейство его въ крайне бѣдное состояніе. Но возрастая подъ призрѣніемъ добродѣтельной матери, онъ облегчалъ ея труды и несчастную долю прилѣжаніемъ и примѣрнымъ поведеніемъ, снискавшими ему въ скоромъ времени нѣкоторое покровительство.

По окончаніи, на 18 году своего возраста, приутошовительныхъ наукъ въ городскомъ учи-

лицѣ, опсправился онѣ въ Ену. Здѣсь юный Лербергъ нашелъ обширное поле для своихъ заняпій и средспво къ развитію врожденныхъ способностей, копорыя не укрылись отъ взоровъ его насшавниковъ. Но бѣдность и недосшашокъ, часто омрачали веселое чело его, и оспанавливали въ успѣсныхъ начинаніяхъ. При всей умѣренности своей, нашилъ онѣ долги, и по недосшашку въ содержаніи, видѣлъ приближеніе минушы, въ копорую долженъ будешъ оспавишь на всегда Университешъ. Въ сіе время благопріятный случай досшавилъ ему знакомспво съ его единоземцемъ Г. фонъ Бокомъ, увѣднымъ предводителемъ дворянспва, копорый, принявъ Лерберга насшавникомъ своихъ дѣшей, заплашилъ въ Енѣ всѣ его долги, досшавилъ ему способы окончишь курсъ наукъ въ Гешпингенѣ, и обѣщался опсправишь на своемъ иждивеніи во Францію и Англию. По причинѣ революціи Лербергъ не былъ во Франціи; но потерю сію вознаградилъ онѣ долговременнымъ пребываніемъ въ Англии, приобрѣвъ шамъ полное познаніе Англійскаго языка. Возвращаясь въ Россію, онѣ занимался воспитаніемъ дѣшей своего благодѣтеля; въ 1807 году Имперашорская Академія Наукъ избрала его своимъ Адъюнцшомъ, а

вскорѣ попомъ и Экстраординарнымъ Академикомъ. Предъ симъ еще въ 1803 году принималъ онъ живѣйшее участіе въ образованіи С. Пешербургскаго филантропическаго общества, кошорому предспавилъ разныя сужденія объ Англійскихъ попечительныхъ заведеніяхъ. Но ученныя занятія его прерываемы были уже съ 1800 года часпными болѣзнями, кошорыя, увеличиваясь съ шого времени болѣе и болѣе, были наконецъ причиною его кончины, послѣдовавшей 24 Іюля 1813 года. Воздавая уваженіе и справедливосць дарованіямъ и знаніямъ сего мужа, не менѣе должны мы почпишь и Г. Академика Круга, кошорый посвятилъ болѣе двухъ лѣтъ на довершеніе и изданіе трудовъ его. Будучи соединены неразрывными узами дружества, оба сіи Историка раздѣляли между собою занятія, сообщали другъ другу свои ошкріпія и сомнѣнія, подвергали строгой критикѣ произведенія пера своего и были взаимными свидѣтелями всей ученой жизни, посвященной единственно наукамъ. Лербергъ занимался преимущественно древнею Россійскою Географіею и Генеалогіею, а Г. Кругъ Хронологіею и Нумизмашикою. Распредѣливъ такимъ образомъ занятія, они, — чувствуя всю важность сочиненія полной Истории Россійскаго Госу-

дарства, безъ предварительнаго изслѣдованія и поясненія нѣкоторыхъ мѣстъ, коихъ настоящее значеніе, переданное намъ лѣтописцами, зашмѣнено различными обстоятельствами, — посвятили себя изслѣдованіямъ частныхъ предметовъ. Н. М. Карамзинъ, пользуясь ихъ изысканіями отдастъ имъ должное уваженіе: — признаетельности возвышаетъ и самаго благодарщаго. Лербергъ, кромѣ сихъ напечатанныхъ уже сочиненій, оставилъ множество любопытныхъ записокъ, касающихся до древней Руской Географіи, Этнографіи и Генеалогіи; также карты собственныхъ прудовъ, изображающія мѣста, бывшія предметомъ его изслѣдованій. Одна изъ сихъ картъ, которая представляетъ земли, лежащія отъ впаденія Камы въ Волгу, до Новой Земли и отъ Спокгольма до рѣки Ваха, впадающей въ Обь, къ особенному удовольствію ученыхъ занимающихся отечественною Исторіею, издана Государственнымъ Канцлеромъ Графомъ Николаемъ Пешровичемъ Румянцовымъ. Изданныя же творенія его разделены на шесть главъ: первая содержитъ описаніе земли, именуемой въ Россійско-Империаторскомъ титулѣ Югорскою; вторая заключаетъ въ себя изслѣдованія о той спра-

въ, гдѣ обиталъ народъ Ямъ, и служишь дополненіемъ къ Исторіи новой Финляндіи; въ третьей изложенъ древній договоръ, заключенный въ первыхъ годахъ принадлежаго столѣтія между Новгородцами и жителями Готландіи; четвертая содержишь жизнь Великихъ Князей Владиміра Андреевича и Владиміра Мстиславича; пятая, описаніе нижняго Днѣпра и его пороговъ, и наконецъ шестая, изысканія о мѣстоположеніи Казарской крѣпости Саркела и Бѣлавежи. Для примѣра сообщимъ мы здѣсь почтеннѣйшимъ читателямъ нашимъ извлеченіе изъ спашьи о Югріи.

Названіе земли *Югры*, *Угры* или *Югоріи*, часто встрѣчается въ нашихъ лѣтописяхъ и древнѣйшихъ письменныхъ памятникахъ, да и нынѣ еще упоминается въ Россійско-Императорскомъ титулѣ. Многіе говорили о сей землѣ, но никто не показалъ настоящаго ея мѣстоположенія. Тапищевъ и Болшинъ описали ее къ рѣкѣ Югу, которая, соединяясь съ Сухоною, образуешь Сѣверную Двину. Миллеръ и Фишеръ полагали, что она лежала на берегахъ Ледовитаго моря у Пустозерска, между Печорою и Ураломъ; Шлецеръ послѣдовалъ сему мнѣнію, почитая Вычегду Южною границею сей земли, а Георги думалъ, что

Югорская земля простиралась отъ Бѣлаго моря за Уралъ до рѣки Оби.

Всѣ сіи мнѣнія помянутыхъ писателей не подтверждены историческими доводами. Древняя Югра, какъ доказываетъ Лербергъ, простиралась отъ Сѣвернаго Урала на Востокъ, за нижнюю Обь до рѣки Надыма и Агана; къ ней принадлежали страны, лежащія при Нижнемъ Ирпышѣ, Тавдѣ, Турѣ и Чусовой. Она граничила къ Югу землею, обитаемою Ташарами, а къ Сѣверу нынѣшними Самоѣдами. Изъ сего видно, что она составляла значительную часть Сѣверо-Западной Азіи, включая въ себя обширныя земли, принадлежащія нынѣ къ Тобольской и Пермской губерніямъ.

Югры извѣстны намъ теперь подъ названіемъ Вогуловъ или Вогуличей и Обскихъ Оспяковъ. Сіи два племени называютъ сами себя *Манси*; названіе же Вогуловъ перешло къ намъ отъ Зырянъ, когорые именуютъ ихъ *Ваголь*.

Вѣроятно также и то, что племени сіи получили свое названіе отъ рѣки Ногули, протекающей близъ Сыгвы и отъ Вогулки, впадающей въ Обь у Березова. Въ древнія времена, вся страна сія была извѣстна подъ именемъ Югрии; но при новыхъ

ся наименованіяхъ, первое совершенно исчезло и сохранилось только въ названіи соседственныхъ горъ и береговъ. Еще по нынѣ Сѣверная часть Урала, называется Югорскими горами; Южный берегъ Карскаго моря, Югорскимъ, а каналъ между оспровомъ Вайгацомъ и швердою землею, Югорскимъ царомъ.

Не входя въ подробное исчисленіе мѣстъ и городовъ, кои вдревле заключала сія славная земля, упоминаемая многими вносшранными писателями, понажемъ, съ котораго времени встрѣчается она въ Русскихъ лѣтописяхъ. Въ первый разъ говорится о Югрии въ 1032 году, когда Новгородцы ходили подъ начальствомъ Воеводы Улеба на желѣзныя врата, гдѣ и были они отражены, вѣроятно Югорцами, что утверждаетъ и Тапищевъ.

Помомъ упоминается объ оной въ лѣтописи Несторовой подъ 1096 годомъ. Юрій Торговичъ, родомъ Новгородецъ, рассказывалъ Нестору, что за нѣсколько лѣтъ предъ симъ, повелъ онъ своего слугу въ Печеру, каторые дань даютъ Новгородцамъ. Оттуда пришелъ онъ въ Югру, а Югра есть народъ, говорящій особеннымъ языкомъ и обитающій въ Сѣверной странѣ, въ сосѣдствѣ съ Самоѣдами.

Жищели сказали слугѣ: мы узнали дивное чудо, о копоромъ до сихъ поръ никшо не слыживалъ и копорое появилось только за три года. По дорогѣ къ Лукоморью есть горы, высокою до небесъ, въ копорыхъ слыщенъ влечь и говоръ; они просѣкають гору, какъ будшо хопяшь сдѣлать опверспіе, но еще мало просѣкли. Они говорящъ, но языка ихъ никшо не разумѣешь; показывають на желѣзо и руками дають знашь, что оно имѣшь желяють. Кто дастъ имъ ножъ или косу, тому дають мѣхи. Дорога къ симъ горамъ совершенно не проходима потому, что наполнена снѣгомъ и лѣсами; къ тому же слишкомъ подалась къ Сѣверу.

Сіе описаніе конечно относится къ Югорской землѣ, въ Сѣверной спранѣ коей, по обвѣимъ сторонамъ Обской губы, по сіе время, обивають кочевья народныхъ племена; ихъ именують Самоѣдами; по мнѣнію же Дерберга, это должны бытъ Зыряне и Пермьки, торговый и дѣлательный народъ, и дорога, которую пролагали они чрезъ Уральскія горы, для открьтія себѣ новой торговли, есть, шакъ именуемая Зырянская дорога, идущая въ Югру вдоль рѣки Сосвы и Вогулки. Изъ сего можно видѣть, что дорога сія начата

во время Неспора, и что торговое сношеніе народовъ, рано возникло въ сей ошдаленной странѣ.

Въ половинѣ принадлеаааго спольшія Югра въспрѣчается уже въ лѣпописяхъ Новгородскою волостію; но когда именно она пришла подь власпъ Новгородцевъ, о семъ произшествіи лѣпописи умалчивающъ, хошя извѣсно, что Новгородцы весьма рано брали здѣсь дань и распроспранили къ Восшоку свои завоеванія. Еще въ 1187 году жишели Югры, Печоры и Заволочья побили спо именишыхъ Новгородцевъ, пришедшихъ шуда для сбора дани. Сія непокорноспъ Великому Княжеспву Россійскому, а болѣе еще желаніе опмспитп за убіеніе собирашелей дани, побудило честполюбивыхъ Новгородцевъ предприняпъ въ 1193 году походъ для покоренія Югры. Собранная дружина опсправилась подь предводителсшвомъ Воеводы Андрея. Она прибыла въ Югру, взяла укрѣпленный городъ и обрашлась къ другому, гдѣ находилса шогда Югорскій Князь. Но сей умѣлъ прошивуспашъ нападению. Уже осада города продолжалась пяпъ недѣль, какъ Югорскій Князь выслапъ сказапъ Новгородцамъ: мы копимъ сребро, соболи и инны узарочья, а пошому не погубляйше

своихъ рабовъ, а съ ними и дани *). Между тѣмъ тайно послалъ онъ искашь помощи у своихъ соопечесивенниковъ, и когда оную получили, то пригласилъ Воеводу съ двѣнадцашью чиновниками въ городъ, гдѣ ихъ всѣхъ повелѣлъ умертвить. Потомъ, придцашъ знашнѣйшихъ Новгородцевъ, а вскорѣ за симъ еще пцпдешцшъ, такимъ же образомъ обманушые, имѣли равную учаспъ; наконецъ въ началѣ Декабря осажденные сдѣлали удачную вылазку и побили на голову изнуренныхъ голодомъ непрцпшелей своихъ. Токмо восьмцдешцш изъ знашнѣйшихъ Новгородцевъ спаслися бѣгспвомъ и прибыли въ дома свои уже въ концѣ слѣдующаго лѣша. — Вопшъ чпшѣ повѣспвующш лѣшописи о неуспѣшныхъ походахъ Новгородцевъ въ Югру; но съ принадлецашаго сполѣшнц, какъ мы выше упомянули, принадлежала она къ Новугороду, чшо подѣ

*) Въ горахъ, по Енисею, находяшся изгарины и плавильни древнихъ шамошнихъ рудокоповъ, показывающц, чшо Сибирскце народы издавна плавилц серебро и золото, дѣлая всѣ нужныя для шого орудця не изъ желѣза, а изъ мѣди. Сц спарыя рудокопшшкц называющся въ Сибири *Чудскими копяли*. См. Примѣчанце 88 къ III шому Испорц Госуд. Россцйскаго.

тверждается нѣкоплыми уцѣлѣвшими догово-рами Новгородцевъ съ ихъ Князьями; а въ тринадцатомъ и четырнадцатомъ столѣтіяхъ *) Югорская земля упоминаема была уже въ числѣ обласпей, платившихъ дань Великимъ Князьямъ.

Въ пашнадцатомъ столѣтіи лѣтописи повѣствуютъ о трехъ походахъ, въ сію опда-ленную землю, предпринимаемыхъ Великимъ Княземъ Иваномъ Васильевичемъ. Первый былъ въ 1465 году. Великій Князь далъ по-зельніе Василю Скрабъ отправиться пуда съ Княземъ Васиіемъ Ермолычемъ. Оста-вивъ Устюгъ 9 Маія они пошли и покорили Югорскую землю, взяли многихъ въ плѣнъ и привели съ собою въ Москву Югорскихъ Кня-зей Колпака и Течика. Великій Князь плѣн-никамъ симъ дозволилъ возвратиться; нало-живъ на нихъ, и на всю Югорскую землю дань и наградивъ также самаго Скрабу.

Названіе Югорской земли являеца въ пи-шулѣ Великаго Князя Ивана Васильевича по-слѣ втораго похода, предпринимаго имъ въ 1483 году. Одна изъ Лѣтописей, вѣроятно писанная въ Устюгѣ, говоритъ, что сей

*) Въ 1264, 1270, 1306, 1326 и 1471 годахъ.

Князь послалъ войско противъ Ассина Князя Вогульского и въ Югру, лежащую по большой рѣкѣ Оби. Военачальниками были Князь Феодоръ Курбскій Черный и Иванъ Ивановичъ Салпыкъ Травянь. Они сразились съ Вогулянами при Усшѣхъ рѣки Пелымы, гдѣ Князь Вогульскій Юмшанъ обратился въ бѣгство. Послѣ сего Велико-Княжескіе Полководцы пошли внизъ по Тавдѣ мимо Тюмея въ землю Сибирскую, гдѣ взяли богатую добычу и пленныхъ. Отъ Сибири *) пошли они берегомъ Иртыша до большой рѣки Оби въ землю Югорскую и покорили Югорскихъ Князей. Последний же походъ былъ въ 1499 году. По повелѣнію Ивана Васильевича собрались изъ Сѣверныхъ обласей государства войска, и соединясь по разнымъ дорогамъ пошли въ опшдаленную страну Югорскую. Одинъ изъ Велико-княжескихъ Воеводъ Князь Петръ Феодоровичъ Ушапой, отправился съ боярскими дѣтьми изъ Вологды внизъ по Двинѣ въ Пинегу, а потомъ вверхъ по сей рѣкѣ до Волока, по которому перешелъ къ Кулою, гдѣ, соединясь

*) Развалины сего укрѣпленнаго городка, лежавшаго въ 20 верстахъ выше Тобольска, на правомъ берегу Иртыша, видны еще по сіе время.

съ подоспѣвшими къ нему войсками, палиль внизъ 150 верствъ *).

Здѣсь Оленнимъ бродомъ, войско достигло рѣки Мезена, кою вошло оно въ рѣку Пѣсу, а сею въ рѣчку Пѣскую. Отсюда Волокомъ переправилось оно къ двумъ озерамъ, изъ коихъ рѣками Рубихою, Чиркою и Цыльмою (или другимъ пушемъ Чиркою и Цыльмою), прибыло въ Печору, кошорою и достигло города Успаша **). Баронъ Герберштейнъ описалъ сіе достопамятное водное сообщеніе, и извѣстія его о семъ совершенно согласны, какъ съ древними лѣтописцами, такъ и съ новѣйшими и лучшими картами. Въ сіе время

*) Въ древней Россійской Идрографіи (изд. 1773 года) на стр. 200 сказано: Пропоку рѣки Кулой сію двадцать верствъ. Здѣсь говорится о старыхъ верстахъ, которыя содержали къ нынѣшнимъ, какъ 5 къ 7.

**) Городъ Успашъ, по мнѣнію Лерберга, лежалъ при Печорѣ на помѣ мѣспѣ, гдѣ Чугора впадаетъ въ сію рѣку, между 63 и 64 градусомъ сѣверной широты. На западномъ берегу Печоры находится знаменитая гора, куда пріѣзжали Зыряне для ломки камня, который отправляли они въ отдаленныя страны. Путешествіе Лепехина Т. 3.

прибыли съ войскомъ въ Усшашъ (вѣроятно также водою), два Воеводы Князь Семень Федоровичъ Курбской и Василій Ивановичъ Гавриловъ. Число войскъ проспиралось тогда свыше чепырежъ тысячъ Дворянъ и Боярскихъ дѣшей, изъ коихъ каждый имѣлъ еще при себѣ Боярскихъ людей. Среднею изъ шрежъ дорогъ (*), копорыя въ тѣ времена шли отъ Печоры къ Оби чрезъ Югорскія горы, отправившись они 21 Ноября на лыжахъ къ каменному поясу, проспирающе-муся отъ Каспійскаго до Ледовишаго морей. Цѣлую недѣлю проходили они горы и наконецъ, спустившись на равнину, достигли перваго непріяпельскаго городка Ляпины, укрѣпленнаго острогомъ. До сего городка (нынѣ Вогульскаго мѣспечка, лежащаго въ Березовскомъ Уѣздѣ на рѣкѣ Сыгвѣ) войско

(*) Упомятая о сихъ шрежъ дорогахъ, Лербергъ указываетъ на рѣки Усу, Чугорь и Илишу. Чулковъ въ семъ случаѣ говоритъ, что первая дорога шла по рѣкѣ Олешу къ рѣкѣ Сосвѣ; вторая по рѣкѣ Шокуру къ рѣкѣ Сыгвѣ, а шрешия по рѣкѣ Уссекъ къ рѣкѣ Собвѣ, копорая есть самая дальнѣйшая къ Сѣверу. — Т. I. стр. 97.

Ч. IV. Кн. I.

по исчисленію своему сдѣлало 4650 большихъ верстѣ. Здѣсь встрѣчено оно было Югорскими Князьями, приѣхавшими изъ Обдора на Оленяхъ. По занятіи Ляпины, Воеводы опсправились далѣе также на Оленяхъ, а войско, въ длинныхъ саняхъ, запряженныхъ собаками (*); они взяли сорокъ укрѣпленныхъ городовъ и болѣе тысячи знашнихъ особъ, въ числѣ коихъ и пятьдесятъ Князей. Послѣ сего Югра признала верховную властѣ Ивана Васильевича и побѣдоносные Воеводы благополучно возвратились въ 1500 году съ плѣнными Князьями въ Москву.

Упомянувъ кратко о походахъ, предпри-

(*) Камчадалы, Коряки, Тунгусы и другіе народы Воспочнои Азіи, ѣздящѣ и по нынѣ такимъ образомъ. Сей родъ ѣзды былъ въ употребленіи на берегахъ Иртыша еще въ 1580 году и сохраняется по нынѣ въ Сѣверо-Западной части Сибири. Нѣкогда собаки употреблялись для ѣзды также на Западной сторонѣ Уральскихъ горъ (въ Перми), и обыкновеніе сіе въ древніа времена было въ употребленіи даже у народовъ, обитающихъ на берегахъ Балтійскаго моря. Эспляндцы и Финляндцы по нынѣ называютъ ея *милю Реннікоогта*, *Ренісуогта*, и. е. собачье шягло (*Hundelast*).

няшихъ въ Югру для покоренія оной подъ
власть Россійской Державы, покажемъ чѣмъ
сія страна обращала на себя вниманіе, какъ
въ сосѣдствѣ живущихъ, шакъ и опдален-
ныхъ народовъ. Изъ приведенныхъ Лербергомъ
мѣстъ о древней Югріи видно, что она
занимала пространство, почти на шестъ-
надцать тысячъ квадратныхъ миль и лежала
въ холодномъ поясѣ. Почва ея была болотна
и вовсе безлѣсна; но за то изобиловала она
различнаго рода животною, какъ по оле-
нями, лосями, медвѣдями, куницами и наи-
лучшими Казимскими бѣлками, Березовскими
и Сургушскими соболями; а въ землѣ Вос-
точныхъ сосѣдей Самоѣдовъ, водились луч-
шіе Тазскіе бобры. Всѣ сіи животныя снаб-
жали жителей драгоцѣннѣйшими мѣхами, ко-
порые издревле были предметомъ значи-
тельной торговли. Россіане не только хо-
дили въ Югру сухимъ путемъ, но ѣздили
также въ оную чрезъ Сѣверный Океанъ отъ
Архангельска, Мезена и Пустозерскаго ос-
трога. Миллеръ говоритъ, что во время
Царя Ивана Васильевича ѣздили по Двинѣ
изъ Колмогора моремъ въ Печору, а можешь
быть до Вайгацкаго пролива; но плаваніе
казалось имъ болѣе труднымъ; они ходили

шуда чаще сухимъ пушемъ, который почи-
тали не столь опаснымъ. Было однако время,
когда они не знали еще сего морскаго пуши, и
когда предприимчивый духъ Новгородцевъ, воз-
бужденный новыми открытіями, стремился
болѣе и болѣе въ распространенію торго-
выхъ сношеніи и власти республики; тогда
то предпринимали они и пушешествія около
береговъ. Если же вспомнимъ, что Новгород-
цы въ десятомъ столѣтіи уже ѣздили по
Черному морю (*); что въ началѣ четырнад-
цатаго вѣка встрѣчаютъ ихъ у Сѣверо-Запад-
ныхъ береговъ Норвегіи (**) и что по нынѣ
еще ходятъ малыя суда отъ Архангельска,
Мезена, Пусшозерска и Колы въ Новую Зем-
лю и даже къ Шпицбергену: то не удиви-
тельно, что они ѣздили въ то время въ Кар-
ское море и къ Обьской губѣ.

Сею то дорогою они могли всегда оп-
равляться за драгоценными мѣхами, если
встрѣчались имъ обстоятельства, затруд-
нявшія судоходство по Вычегдѣ и Печорѣ;
но что въ позжія времена рѣдко предприни-

(*) Constantin. de adm. imp. in Banduri Imp.
Orient. Vol. I. p. 59. B.

(**) Torfæi Hist. Norv. P. IV. p. 442, 456.

маемы были шаковыя плаванія, сіе происходило ошь великихъ перемѣнъ торговли, бывшихъ въ сихъ странахъ, со времени покоренія ея Новгородомъ. Впрочемъ, еще въ началѣ семнадцатаго столѣтія новопостроенный на берегахъ Таза городъ Мангазея снабженъ былъ хлѣбомъ, привезаннымъ моремъ изъ Архангельска (*) и Царь Михаилъ Теодоровичъ объявилъ Дашскому Двору, что Пустозерскъ построень не для торговли, но токмо для выгоды ѣдущихъ въ Сибирь (**). Путь моремъ къ Обьской губѣ не былъ сподѣ великъ, какъ кажешся при первомъ взглядѣ на карту; его научились сокращашь. Изъ писемъ Англичанина Юнаса Логана и сопутника его Вилліама Гордона фонъ Гулля, посланныхъ около 1611 года съ береговъ Печоры въ свое Опечество видно, что Рускіе не объѣзжали тогда большаго мыса, отдѣляющаго Обьскую губу ошь Карскаго моря, копорой Самоѣдами именуется Яльмаль (***) ; но ѣздили къ Воспочному берегу до Успья рѣки

(*) Pallas Neue Nord. Beyträge. V. 5. — Samml. Russ. Gesch. VI. 513.

(**) Büschings Magazin. VII. 326.

(***) Samml. Russ. Gesch. T. III. p. 147.

Мушной (по новѣйшимъ картамъ подъ 70 гр. ширины), и плыли вверхъ по сей рѣкѣ; пошомъ, переправляли суда и шовары свои волокомъ около трехъ верстѣ въ рѣку Зеленую и доходили такимъ образомъ сею рѣкою въ Обское и Тазское Устья. — Для переѣзда земли Яльмалъ, пошребно было времени около двадцати дней (*). Чулковъ говоритъ (**), что жишели Сѣверной спраны, для полученія мягкой рухлады, какъ прежде, шакъ и по построеніи города Архангельскаго, ѣздили на рѣку Обь и до Мангазей. Кочи свои привъхавъ изъ Двинскаго Устья въ рѣку Кару, оставляли обыкновенно на сей рѣкѣ; а по ней хаживали вверхъ сухимъ путемъ до другой рѣки, впадающей въ Обскую губу, при которой построивъ новыя суда, отправлялись на оныхъ далѣ. Такимъ же образомъ и возвращенный пушъ производили.

Но не одни только ошечественныя ошписи упоминають о сей богашой,

(*) Recueil de voyages au Nord. T. IV. (Amsterdam, 1732. 12.) p. 513. — Nic. Witsen's Noorden-Oost Tartarye (1705). p. 936, 940.

(**) Въ историческомъ ошписаніи Россійской Коммерціи. Т. I. Кн. I. спр. 98.

славившейся въ древнія времена землѣ: ее знали даже иностранные писатели, повѣснвовавшіе о Россіи. Приведемъ нѣкошорыхъ изъ оныхъ. *Павелъ Ювій* (*), современникъ Герберштейна, сообщаетъ любопытныя извѣстія о процвѣшавшей въ его время торговлѣ, производимой Вогуличами, Пермьками и другими народами Сѣверной Сибири. Гдѣ рѣка Югъ соединяется съ Двиною, говоришь онъ, шамъ находится знаменитое шорговое мѣсто, именуемое Успюгъ, ошсшощее ошъ Москвы на 600 (Ишалиянскихъ) милей. Туда-шо привозятся мѣха, соболи и другіе шовары. Еще за 50 до него лѣшь упомянулъ объ Уграхъ и шорговлѣ ихъ, какъ съ ближайшими сосѣдами, такъ и съ Завлочью (cum Zauolocensibus) другой Ишалиянскій Исторіографъ *Юлій Помпоній Сабинъ* (**). — Но извѣстія *Герберштейна* (***) касаются

(*) См. Pauli Jovii Liber de legatione Basilii magni Principis Moscoviae ad Clementem VII. Pont. Max. Roma. 1522.

(**) Julii Pomponii Sabini in Virgilium Commentarii Basil. 1544. 8. стр. 50 и 185; Шлец. Несш. II. 43.

(***) Rerum Moscoviticarum Commentarii Sigis-

но сего предмета, любопытнѣе и важнѣе. Хошя подашь Югры и соспоела въ мѣхахъ, но къ шамошнимъ жишелямъ, привозимы были разные шовары какъ съ береговъ океана, опъ Усшья Двины, шакъ и съ береговъ Кишай-Озера (*). Чрезъ посредство Груспинцевъ и Серпоновцевъ получали они жемчугъ, дорогие каменя и Индѣйскія шкани, кошорые ими опправляемы были даже въ Москву. Герберштейнъ говоритъ, что въ сію землю приходили шорговать черные люди, не знающіе языка сей спраны: эшо вѣроятно были жишели Южной Ази, Индѣйцы. Еще и по нынѣ купцы изъ опдаленныхъ спранъ приѣзжаютъ съ Бухарцами для шорга въ Рускія земли; ибо извѣстно, что законы Бухарцевъ не воспрещали прихода къ нимъ никому, какого бы онъ вѣроисповѣданія ни былъ, полько жилъ бы въ мирѣ; а пошому-то и поселились въ спранѣ ихъ Персы, Ара-

mundi Liberi Baronis in Herberstain, Neuperge et Guettenhag: Russiae et quæ nunc ejus metropolis est, Moscoviæ, breuissima descriptio. etc.

(*) Сіе озеро, опкуда произшекаетъ рѣка Обь, називаелся нынѣ Телецкимъ; по Монгольски Altan-Nog.

бы, Жиды и Индѣйцы. Но слѣды сей важной и богатой торговли отъ насъ сокрыты; Исторія же рѣдко и уже весьма поздно упоминаетъ о шѣхъ мѣспахъ, чрезъ когорыя проходили караваны Бухарскіе (*). Груспинцы и Серпоновцы производили торговлю мѣною и по необыкновеннымъ образомъ, какъ повѣствуетъ Герберштейнъ. Жипели, Лукоморіи складывали шовары свои на опредѣленные для сего мѣста, а первые брали оныя и клали на мѣсто взявшихъ, свои собственныя, не говоря ничего другъ другу: это вѣроятно происходило отъ того, что одинъ народъ не зналъ языка другаго. Подобно сему производили нѣмую торговлю, сперва древніе Картагеняне, потомъ Мавры съ Неграми въ Африкѣ, Серы въ средней Азійи а Лапландцы еще въ шестнадцатомъ столѣтіи.

(*) Въ началѣ пятнадцатаго вѣка, Рускіе привозили въ Самаркандъ, кожи, мѣха и холстъ. Мы не знали бы о семъ любопытномъ извѣстіи, еслибъ Испанскій Посланникъ (Ruy Gonzalez de Clavijo) бывшій при Дворѣ Тамерлана не внесъ онаго въ описаніе своего путешествія. См. Sprengel's Geschichte der geograph. Entdeckungen. (Halle 1792) S. 365.

Лербергъ говоря о Груспинцахъ и Серпоновцахъ изъясняетъ сожалѣніе, что ученые путешественники по нимъ не обращали никакого вниманія на извѣстія объ нихъ Герберштейна. Послѣдніе получили названіе отъ укрѣпленнаго мѣстечка Серпонова, которое лежало будто по ту сторону рѣки Оби въ Лукоморскихъ горахъ; первые же отъ мѣстечка Груспины, находившагося между устьемъ Иртыша и озеромъ, откуда произтекаетъ Обь. Это вѣроятно были Гауспинцы, о коихъ упоминаетъ *Страленбергъ* въ своемъ описаніи Сибири и коихъ оспапокъ, (отъ двухъ до трехъ сотъ человѣвъ), нашелъ онъ близъ Томска живущимъ въ хижинахъ: они были языческіе Ташары. При построеніи же Томска въ 1604 году, названы они въ Сибирской Исторіи Ячинцами (*Jeuschtinzi*). За Томскомъ въ Нарымѣ находилась знаменишая пѣгая орда, покоренная Козаками около 1792 года: это городъ Алакцинъ (*), о коемъ упоминаетъ *Абулгази* († 1663) въ своей родословной Исторіи о Ташарахъ (**). Сіе самое подчер-

(*) Городъ сей получилъ названіе свое отъ пѣгихъ лошадей.

(**) Родословная Исторія о Ташарахъ, сочи-

дипть можешъ показаніе о мѣстахъ, гдѣ обитали вышепомянушыя народныя племена Грустинцы и Серпоновцы; ибо они принадлежали къ пѣгой ордѣ, коей господствованіе проспиралось за Нарымскую область, вверхъ къ Оби до Колыванскихъ горъ.

Арабскій Географъ *Бакуи*, жившій за сто лѣтъ до Герберштейна сообщилъ также о Югрѣ нѣкоторыя извѣстія. Герберштейнъ предспавилъ ее въ сношеніи съ Юго-Воспочными ея сосѣдами Грустинцами и Серпоновцами; сей же писатель повѣспвуетъ, что съ Юго-Запада отъ Волги и Камы, прихо-

ненная Абулгачи-Баядуръ-Ханомъ переведена на Руской языкъ съ Французскаго. Она напечатана въ двухъ томахъ. Слогъ сего перевода не можешъ въ наше время нравиться читателямъ. Замѣчанія Французскаго переводчика, переведенныя здѣсь безъ всякихъ перемѣнъ, пребуютъ исправленія. Желательно, чтобы въ послѣдспвии времени твореніе сіе переведено было съ самаго подлинника на опечеспивенный нашъ языкъ, и мы надѣмся, что при нынѣшнемъ попеченіи Правительсства о распроспраненіи знанія Воспочныхъ языковъ, желаніе наше не ошпанеця неисполненнымъ.

дящіе Болгары производили въ Югрѣ нѣмую шорговлю и между прочими шоварами привозили шуда сабли для продажи. Сколь древно было шаковое сношеніе народовъ, о шомъ Бакуи ничего не упоминаешь; но о сей шорговлѣ писалъ, за што лѣтъ ранѣе его, другой Арабскій писатель *Абулфеда* (*). — Наконецъ надлежишь шаже упомянушь и о Венеціанцѣ *Марко Поло* (**), котораго любопытное пушешествіе долго почишаемо было въ Европѣ единственнѣмъ источникѣмъ и руководствѣмъ къ познанію произшествій и древностей Азіатскихъ. Болѣе двадцати пяти лѣтъ (съ 1270—1295) находился онъ въ Азіи, пушешествовалъ по Кишаю и по другимъ Южнымъ землямъ. Повѣствуя о Ташарахъ и Сѣверной Азіи, онъ говоритъ, что отдаленнѣйшая страна оной будучи болопшша преисполнена горами, и изобилуетъ соболями и другими звѣрями. Изъ всѣхъ земель приѣзжаютъ шуда купцы за мѣхами,

(*) *Abulfeda opus geographicum*, переведено на Лашинской языкъ Я. Рейске. — См. *Büschings Magazin*. Т. IV. und V.

(**) *Voyages de Marc. Paul.* — См. *Bergeron, voyages faits en Asie*. Т. I.

кои цѣняшъ у нихъ весьма дорого. Торгующіе отправляюща сѣ проводниками на собакахъ до самыхъ горъ, гдѣ производилась торгъ мѣхами. Изъ сего явствуетъ, что уже въ тринадцатомъ вѣкѣ торговля Югры довольно извѣстна была Южнымъ Азіатскимъ народамъ, у коихъ Марко Поло собралъ объ оной извѣстія.

Все вышесказанное ясно доказываетъ несправедливостъ мнѣнія, будто бы Сибирь лишь въ XVI столѣтіи открыта Ермакомъ Тимоѣевымъ. Россіяне, а именно Новгородцы, за 300 лѣтъ до Ермака покорили разныя земли къ Востоку отъ Уральскихъ горъ лежащія, и уже за пять до него столѣтій, вѣдѣли въ Сѣверо-Восточную Азію. (*)

(Продолженіе можетъ быть.)

(*) Слѣдствія сія предъставлена въ Волян. Обществу Люб. Росс. Слов. ГГ. Дѣйствительными членами онаго П. К. и И. Г., сочинителями извлеченія изъ книги: Заслуги ЕКАТЕРИНЫ Великой въ сравнительномъ Языкознаніи. См. Журнала сего, Ч. I, стр. 271—304.

УЧЕНЫЯ ИЗВѢСТІЯ, ИЗВЛЕЧЕННЫЯ ИЗЪ ИНОСТРАННЫХЪ ЖУРНАЛОВЪ.

Оливеръ Ольдшуль издаетъ уже нѣсколько лѣтъ въ Филадельфїи ученый журналъ, подѣ названіемъ: *The Port-Folio*, въ коемъ принимаютъ участіе многіе отличные ученые мужи. Журналъ сей выходитъ ежемѣсячно, печатается на веленовой бумагѣ и содержитъ отъ пяти до шести листовъ; при немъ всегда приложены бывають гравюры превосходной работы. Годовое изданіе оного стоитъ только шесть долларовъ, составляющихъ около двадцати пяти рублей. Для любопытства читателей, выпишемъ мы содержаніе одной изъ книжекъ сего журнала, и именно за Апрель мѣсяцъ прошедшаго года, копорая украшена искусно гравированнымъ портретомъ Президента соединенныхъ Штатовъ Джамеса Монро. Въ ней заключаются слѣдующія статьи: 1. Корреспонденція. 2. Жизнь Джамеса Монро. 3. О жизни и сочиненіяхъ

Блеза Паскаля. 4. Разборы двухъ филологическихъ сочиненій. 5. Примѣчанія на рецензію *Essay on Grammaг*, сочиненную Вильсономъ. 6. Аграрій Деншервиль или жершва неудовольствія, повѣсть. 7. Индѣйскія стихотворенія Джона Дюнне. 8. Нравы нынѣшнихъ временъ. 9. Крапкія извѣстія о новыхъ сочиненіяхъ и литературныхъ новостяхъ. 10. Стихотворенія, въ числѣ коихъ помѣщена Нодовейская пѣсня съ подлинникомъ и съ переводомъ ея въ стихахъ. 11. Послѣдовленія Конгресса.

Дабы дать нѣкоторое понятіе о семъ журналѣ и показати, какіе ученые предметы входятъ въ составъ онаго, изберемъ мы вышепомянутый разборъ двухъ филологическихъ твореній, сочиненный Г. Вице-Президентомъ философскаго общества въ Филадельфіи, Петромъ Дюпонсо и сообщимъ читателямъ нашимъ хотя введеніе онаго. Два приводимыя здѣсь сочиненія суть: *Rapports entre la langue Sanscrit et la langue Russe, présentés à l'Académie Impériale Russe. St.-Petersbourg, 1811. 4°.* (*) и *a Specimen of the Con-*

(*) Сравненіе сихъ двухъ языковъ сдѣлано Спашскимъ Совѣщникомъ Ф. П. Аделунгомъ.

formity of the European Languages, particularly the English, with the Oriental Languages, especially the Persian. With Notes and Authorities. By Stephen Weston. Calcutta, 1816. 8°. По испинѣ, говорилъ ученый рецензентъ, должно почестъ достойнымъ примѣчанія въ словесности, что разборъ двухъ швореній, изъ коихъ одно писано на берегахъ Невы а другое на берегахъ Гангеса, написанъ впервые шамъ, гдѣ соединяющся Делавага и Шуилакиль. Двѣ часпи міра сходящся, шакъ сказашъ изъ ошдаленнѣйшихъ своихъ краевъ и дружесшвенно соединяющся предъ судилицемъ прешней часпи свѣша, воздающей достоинство ихъ заслугамъ. Эшо споль ново и мысль сія въ шоже время имѣетъ нѣчто споль пріятное, что мы не можемъ возпрошвившся желанію выразишь оную сколько возможно лучше. Вошъ новое доказательство непреоборимаго покушенія словесности соединишь народы и челошъка

Сіе сочиненіе у насъ почши неизвѣстно, хоща и переведено уже на Россійской языкъ; въ иносшранныхъ же городахъ пріяшо оно было съ большимъ одобреніемъ и даже издано вновь Ланглесомъ и Милленомъ.

дріяпнымъ и вѣпчайшимъ союзомъ, по сходству вкуса и ученыхъ занятій. — Познаваніе чловѣка, продолжаетъ сочинитель, содѣлалось болѣе и болѣе занимательною наукою и если оно продолжаемо будетъ съ неусыпнымъ трудомъ, слѣдуя законамъ строгаго разсудка и удаляясь отъ мечтательности и пустыхъ системъ, то оно можетъ имѣть важныя послѣдствія. По сему по предлагаемъ сіи два сочиненія безпристрастному любителю Филологіи и сравнительнаго изслѣдованія языковъ, науки, о коей мы имѣемъ то высокое мнѣніе, что она объяснитъ намъ важнѣйшія и любопытнѣйшія предметы, когда только будетъ обработана съ надлежащимъ углубленіемъ и здравымъ смысломъ.

— Гугъ Кампбель издалъ въ Лондонѣ швореніе, въ которомъ изслѣдываетъ онъ положеніе мѣстъ, упоминаемыхъ въ поэмахъ Оссіана. Онъ полагаетъ, что въ Ульстерской провинціи, въ окрестностяхъ Бельфаста и Каррикъ Фергуса открылъ онъ развалины древняго города Теморы, столицы Конноровъ, Царскаго племени, союзниковъ племени Фингалова и показалъ причину, по которой сей столько знаменитый Король Морвенскій призналъ необходимымъ предпринять войну

прошивъ Суарана, Короля Норвежскаго, завладѣвшаго частіею Исландіи. Фингаль предпринималъ походы не далѣе двадцати миль отъ берега. Если открытія Кампбеля будутъ подтверждены, то онъ послужитъ доказательствомъ въ достоверности поэмъ Оссіановыхъ.

— Въ Парижѣ въ скоромъ времени выйдетъ новое изданіе театра Шеніе, которое заключаетъ въ себѣ кромѣ напечатанныхъ уже піесъ еще слѣдующія: Брутъ и Кассій, Тиберій, Филиппъ II, Едипъ Царь, Едипъ въ Колоннѣ, Електра, Нававъ Мудрый, отрывки изъ двухъ комедій: Два брата, и Нинонъ. Изданіе сіе украшено будетъ портретомъ сочинителя и крашкими примѣчаніями о жизни его и твореніяхъ, составленными членомъ Парижскаго Института Дону.

— Недавно вышло въ Парижѣ шестое изданіе историческихъ записокъ о Лудовикѣ XVIII, собранныхъ Г. Экардомъ. Сіе изданіе превосходитъ всѣ прочія: оно обогащено новыми изслѣдованіями и примѣчаніями.

— 14 Августа (н. ст.) умеръ въ Парижѣ на 60 году, знаменитый Археологъ Обинъ Лудовикъ Миллень, Директоръ кабинета древностей и членъ шамоньяго института.

Кромѣ археологическихъ своихъ сочиненій и описанія путешествій имѣ совершенныхъ, оставилъ онъ огромную библиотечку. Миленъ издавалъ нѣсколько лѣтъ журналъ, чѣмъ приобрѣлъ въ ученomъ свѣтѣ большую славу.

— Нѣкоторые полагали, что договорная сумма съ Ламо за сооруженіе памятника Генриху IV. чрезвычайно велика. При семъ случаѣ можно упомянуть, до чего простирались издержки при сооруженіи подобныхъ памятниковъ. Конная статуя Фридриха V. воздвигнутая въ Копенгагенѣ художникомъ Сали, стоила Индійской Компаніи 2,200,000 франковъ, къ коимъ прибавлено еще Королемъ 600,000 фр. Сали трудился надъ сею статуею восемнадцать лѣтъ. Попомъ получилъ онъ отъ щедротъ Государя пожизненный пенсіонъ по 4500 фр. въ годъ, а спрощель оной единовременно 20,000 фр. — Художникъ Пажу просилъ 600,000 фр. за сооруженіе конной статуи Петра Великаго; Сали 480,000 фр.; Кушонъ 450,000 фр.; Вассе 400,000 франковъ кромѣ пухевыхъ издержекъ и содержанія ихъ въ столицѣ. Сдѣланіе памятника сего, поручено было Фалконешу. Правительство принявъ на себя всѣ издержки, пошребныя на материалъ и прочее,

предоставило ему одну только работу онаго. Фалконетъ получалъ ежегодно 25,000 франк. Спашуя должствовала бытъ окончана въ восемь лѣтъ, но она приведена была къ окончанію не прежде пятнадцати, а по тому и заплачено одному только художнику 375,000 фр. — Спашуя Лудовика XV, сооруженная Бужардонемъ, стоила городу Парижу 1,600,000 фр. Одному художнику заплачено было за сдѣланіе спашуи и піэдестала 260,000 фр. Кромѣ того, Бужардонъ получилъ въ пенсіонъ 15,000 фр. Ламо заплачено за спашую Генриха IV. по заключенному съ нимъ условію 337,860 фр. Онъ окончилъ ее въ чепыре года.

— 6 го Августа скончался въ Одензе Яковъ Рамбахъ на 82 году отъ рожденія. Онъ извѣстенъ свѣшу по ученымъ своимъ занятіямъ и сочиненіямъ.

— Получены вновь извѣстія отъ 4 Августа по и. ст. объ отправленной къ Сѣверо-Западу экспедиціи; она находилась тогда подъ 75 градусомъ 30 минут. Сѣверной широты. Мгновенное исчезаніе льдовъ и Сѣверо-Восточный вѣтеръ возродили въ путешественникахъ новую надежду къ благопріятному пуши; по чему они направили плаваніе свое къ Западу. Безъ сомнѣнія это уже послѣднія извѣстія,

копорья получаютъ опъ нихъ въ нѣскольکو мѣсяцевъ; ибо всѣ малыя суда оспавили Гренландію. О другой экспедиціи, опсправленной къ Сѣверному полюсу, нѣтъ никакихъ свѣдѣній. Полагающъ, что она въ морѣ къ Сѣверу опъ Сибири. Съ первою экспедицію присланы на сихъ дняхъ учиненныя въ пути наблюденія объ уклоненіи магнитной спрѣлки.

Городъ Караккасъ, въ Испанской Америкѣ, заключалъ въ себѣ сорокъ пять тысячъ жителей до землетрясенія бывшаго шамъ въ 1812 году. Сіе злощастное приключеніе, шакже войны, копорья она претерпѣвала и нынѣ претерпѣваетъ, уменьшили число оныхъ до семи тысячъ. Сіа опустошительная война изнрѣбила народы и въ другихъ частяхъ области Венуэзуэлы.

— 14 Сентября по н. сп. происходила въ Парижской Академіи скульпшурь раздача золотыхъ и серебряныхъ медалей въ награжденіе шѣмъ, кои шрудами своими споспѣшествовали цѣли сего учебнаго заведения.

— Недавно изданъ въ Парижѣ переводъ, дополненный примѣчаніями: сочиненія: Римскія древности или картина нравовъ, обычаевъ и учрежденій Римлянъ. Подробная рецензія сего любопытнаго шворенія Алек. Адама, Ректора:

Большаго Единбургскаго училища, помѣщена въ Journal des débats нынѣшняго года.

— Маделень Дюре имѣя опъ роду сто лѣтъ и шесть мѣсяцевъ, умерла на сихъ дняхъ въ Сенсъ Жерменъ ан-Ле, гдѣ жила она около сорока лѣтъ. Она имѣла одного мужа, съ копорымъ прижила двадцать два сына и одну дочь. Девятнадцать изъ сыновей ея умерли въ военной службѣ. На пятьдесятъ девятомъ году родила она дочь, копорой шеперь опъ роду сорокъ лѣтъ. Сія женщина умерла скоропостижно и при вскрытіи пѣла ея, не оказалось ни малѣйшаго поврежденія органовъ, коему можно бы было приписать ея смерть.

— Недавно Г. Бауръ Лорміанъ издалъ въ Парижѣ новый переводъ Освобожденнаго Іерусалима. Многіе сожалѣли, что переводъ сей не напечатанъ былъ вмѣстѣ съ подлинникомъ. Нынѣ публикуется о новомъ изданіи сего перевода съ подлинникомъ. Оно состоятъ будеть въ чепырехъ томахъ и украсится гравюрами превосходной работы.

— Парьмарони, коперато почишающъ лучшимъ живописцемъ въ Римѣ и копорый также съ большимъ искусствомъ подновляетъ и исправляетъ старыя и испорченныя картины, занимается нынѣ поправленіемъ вриды.

Массакио въ церкви Св. Климентя. Образа представляющіе дѣянія Святой Екатерины уже приведены къ окончанію; но образа сіи по мнѣнію знапоковъ сего искусства лишились во многомъ своей оригинальности.

— Пишутъ, что Каре де Трюеръ заключилъ 11 Маія по н. сп. съ правительствомъ Рио де Янейро условіе объ основаніи въ Бразиліи, въ двадцати миляхъ отъ сей столицы и въ странѣ именуемой Канпо-Галло Швейцарской колоніи, коей главный городъ названъ будетъ Новымъ Фрейбургомъ.

— Діаріо ди Рома объявляетъ, что показываемая нынѣ въ Римѣ въ церкви Ропонды картина, писанная славнымъ Виганони привлекаетъ къ себѣ толпу любопытныхъ. Сія картина назначена въ Драгвиньянскій соборъ. Она изображаетъ Папу Пія VII, Лудовика XVI, Елисавету Герцогиню Ангулемскую и Кардинала Самаглія, преклоняющихъ колѣна свои предъ образомъ Спасителя. Подробности, въ кои входитъ Римскій Журналистъ, жажешь оправдываютъ похвалу, приписываемую имъ сей картинѣ.

— Бельцони, Архитекторъ Римскій, занимавшійся нынѣ изслѣдованіемъ пирамидъ Египетскихъ, умеръ въ Каирѣ.

— Известны всѣ неудобства и выгода при употребленіи масляныхъ красокъ въ живописи. Одинъ художникъ, по имени Гюе, живущій въ Парижѣ, изобрѣлъ нынѣ способъ растворенія красокъ на водѣ, кошорый называлъ онъ *Oleo fictices*,

— Революція разрушила памятники, воздвигнутые въ городѣ Коињякѣ въ память Фридриху I, родившемуся 12 Сентября 1494 года. Нынѣ положено поставитъ новый памятникъ сему Государю. Также воздвигнуть будетъ другой памятникъ Принцу Конде, на помѣ самомъ мѣстѣ, гдѣ онъ убитъ въ сраженіи Ярнакскомъ 13 Марша 1569 года.

— Двѣнадцатый Тайный Совѣтникъ Вибекинъ въ Мюнхенѣ, сочинилъ теоретическо-практической гидравлической Архитектуры, избранъ членомъ Королевской Датской Академіи наукъ. Онъ занимается нынѣ практической гражданской Архитектурою, изчисляя въ оной важнѣйшія памятники въ семь родѣ Грековъ, Римлянъ и древнихъ Германцевъ.

Г.

—••••—

О Б Ъ Я В Л Е Н І Е.

Ж У Р Н А Л Ъ

СОРЕВНОВАТЕЛЬ ПРОСВѢЩЕНІЯ И БЛАГОТВОРЕНІЯ, издаваемый **ВЫСОЧАЙШЕ** ушвержденнымъ Вольнымъ Обществомъ *Любителей Россійской Словесности*, продолжаясь будешь и въ слѣдующемъ 1819 году.

Въ составъ онаго входяшь :

I. *Науки и Художества.*

Словесность древняя и новая; — Исследования о свойствѣ языковъ; — Древности; — Описанія земель и народовъ; — Историческія очерки и Біографіи знаменитыхъ мужей; — Ученія путешествія; — Разныя разсужденія, рѣчи и вообще все любопытное по части наукъ и искусствъ; — Новыя изобрѣтенія, открытія и ш. п.

II. *Изъщная Проза.*

Живописныя путешествія; — Изображеніе характеровъ, повѣсти, и пр.

III. *Стихотворенія.*IV. *Смѣсь.*

1. Библиографія, или извѣстія и сужденія о книгахъ, также извлеченія изъ оныхъ.
2. Извлеченія изъ разныхъ Журналовъ.
3. Записки Общества.

Сверхъ сего прилагаемы будутъ къ Журналу по временамъ и по приличію поршрешы, каршы, черпежи и нѣшы.

Принявъ означенныя главныя спашы въ основаніе Журнала, Общество, избѣгая всѣхъ излишнихъ обѣщаній, постарается въ слѣдующемъ году сдѣлать изданіе свое сколько возможно занимательнымъ и обратишь преимущественно вниманіе на все опечеспвленное.

Доставляемыя Обществу отъ постороннихъ лицъ сочиненія и переводы, соотвѣствующія цѣли сего изданія, помѣщаются въ ономъ будущъ съ удовольствіемъ.

Каждый мѣсяць выходятъ одна книжка, содержащая отъ 8 до 10 листовъ. Три шаковыхъ книжки составляютъ часть. Общество приняло вѣрныя мѣры, дабы книжки Журнала выходили со всею исправностію въ надлежащее время.

Цѣна годовому изданію 25 руб., а съ доставленіемъ на домъ и пересылкою въ другіе города 30 руб.; на полгода же 15, а съ доставленіемъ 18 руб. Но какъ вырученныя изданіемъ симъ деньги назначаются на пособіе ученымъ и учащимся, що желающіе содѣйствовать сей благошворной цѣли, могутъ вносить за экземпляръ и болѣе означенной суммы.

Имена подписавшихся и благошворителей припечатываются при всякой часпи.

Подписка принимается:

Въ С. Петербургѣ: во всѣхъ книжныхъ лавкахъ.

Въ Москвѣ: у содержателя Университетской книжной лавки Г. Ширяева, и книгопродавцевъ Глазунова и Свѣшникова.

Въ Казани: у Г-на Члена-Корреспондента Петра Сергѣевича Кондырева.

Въ Одессѣ: у Г-на Дѣйств. Члена Карла Ивановича Кеппена.

Въ Харьковѣ: у Г-на Члена-Корреспондента Разумника Тимоѣевича Гонорскаго.

Иногородныя особы могутъ также адресоваться въ Газетныя Экспедиціи С. Пешербургскаго и другихъ Почтамтовъ.

Желающіе получить Журналь: Соревнователь просвѣщенія и благошворенія за 1818 годъ, съ нлашою шой же суммы, могутъ относиться прямо въ Общество, или въ С. Петербургскую Газетную Экспедицію.

Въ началѣ сей книжки приложенъ Лерберга портретъ.

Andante.

Chant.

На - деж - - - да! шы мо - ей бо -

сірасіны духъ во мнѣ сгараль Ельвины нѣшъ ужь для ме -

Piano.

Guitarre.

ги - ней бы - ла, ко - га и я - меч -

expres
ня! Ельвины нѣшъ ужь для ме - ня!

шаль; ко - га любез - - но - ю Ельвиной мой

П Р О З А.

О ГОМЕРЬ И ЕГО ТВОРЕНІЯХЪ.

(Продолженіе.)

Когда Греки научились писать?

Уже Ж. Ж. Руссо въ сочиненіи своемъ о происхожденіи языковъ изъяснилъ сомнѣніе о письменахъ Гомера; но Вудъ обратилъ на сіе вниманіе съ большею основательностію (*). Въ Германіи первый писалъ о семъ предметѣ Нѣмецкій писатель Меріанъ (**), а послѣ него Вольфъ (***)).

(*) Essay on the original genius of Homer, London 1769.

(**) Меріанъ написалъ о семъ сочиненіе на Французскомъ языкѣ, подъ названіемъ: Examen de la question si Homère a écrit ses poèmes, которое и помѣщено въ Mem. de l'Académie de Berlin, 1788 и 1789,

(***) Въ своемъ сочиненіи: Prolegomena in Homerum.

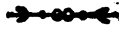
Изъ переводовъ Гомера на Французскій и Англійскій языки видно, что онъ зналъ уже письмо. Французы переводящъ *γραφεῖν* словомъ *écrire*; но у Гомера оно нигдѣ не означаетъ *писать* и глаголь сей имѣетъ большое сходство съ Греческими *γραφισσειν*, *γλυφεῖν*, и Латинскимъ *scribo*. Всѣ сїи слова означаютъ *вырѣзывать*, *изсѣкать*, *гертить что-либо на поверхности*, или *изображать фигуры*; почему шаковыя выраженія вовсе не могутъ служить подтвержденіемъ прежнихъ мнѣній.

Кадму приписываютъ, по обыкновенному и почти общему преданію, введеніе письма у Грековъ, и почитаютъ его изобрѣшателемъ онаго (*). Гугъ въ своемъ *изобрѣтеніи буквального письма* (**), доказываетъ, что Финикіанинъ Кадмъ прибылъ изъ Египта въ Грецію, и что названія буквъ суть Финикійскія, по

(*) Herodot V. 58. Plin. H. N. VII. 56.

(**) *Erfindung der Buchstabenschrift. Ulm. 1801.*

наружному же виду онъ Египетскія. Но все сіе ни мало не подтверждаетъ прежнихъ изысканій; ибо Финикіяне были въ то время морскіе разбойники. Какимъ же образомъ сей варварскій тогда народъ, скипавшійся и жившій, шакъ сказать, внѣ своего опечесства, могъ имѣть время, и охоту изучить письму Грековъ, (пребывавшихъ тогда еще въ самомъ дикомъ состояніи), или даже основать у нихъ народное училище, для распространенія искусства письма, которое безъ сомнѣнія принадлежало въ то время къ высшимъ наукамъ? — Нѣкоторые думаютъ, что Греки еще до Кадма имѣли буквы, которыхъ называли они Пелазгическими; другіе же приписываютъ изобрѣшеніе буквъ Прометею, Кекропу, Орфею и многимъ другимъ; къ нимъ причисляютъ шакже и Паламеда: но Паламедъ вѣроятно есть баснословное лице, котораго Гомеръ и Гезіодъ не знали, и которъ упоминается шолько однимъ прагикомъ. Изъ всего явствуетъ, что

ни начала, ни изобрѣшателя буквальнаго письма нельзя никакъ опыскашь. Достоверно то, что уже задолго до Геродота находились въ Греціи буквы, коихъ изобрѣшеніе въ позднѣйшія времена приписывали произвольно по шому, по другому знаменитому мужу, и что между народами, Финикіане болѣе всѣхъ имѣли предрасудокъ приписывать себѣ изобрѣшеніе письма. Впрочемъ Кадмъ не есть имя собственное, но шокмо нарицательное: Kadm означаетъ пришедшаго съ Востока. Греческія названія буквъ суть Финикійскія. Вѣроятно также и то, что буквальное письмо содѣлалось Грекамъ извѣстно не вдругъ, но мало по малу, — и сколько надлежало пройти времени, доколѣ Греки не изобрѣли шоль необходимыхъ для себя гласныхъ буквъ: ибо Финикіане передали имъ весьма малое число оныхъ. Но на чемъ тогда писали? Была ли вся Иліада высѣчена на камнѣ, или начертана на звѣриныхъ кожахъ, и сколько шакинь

образомъ можно бы было имѣть экземпляровъ? О папирѣ Египетскомъ нельзя было тогда еще и думать: онъ сдѣлался извѣстенъ и вошелъ у Грековъ въ употребленіе только при Псаммитихъ, следовательно спустя 300 лѣтъ послѣ Гомера. Матеріалы, для писанія служащіе, были въ древнія времена камень, мешалль и дерево. А по сему законы Солоновы писаны были на деревѣ, и сколько обширны должны бы бытъ творенія Гомера, если онъ писаны въ древнія времена на камнѣ или на деревѣ? — Но когда и допустимъ, что *Иліада* писана была на звѣриныхъ кожахъ, но нѣтъ доказательствъ тому, чтобы матеріалъ сей уже находился тогда въ большомъ употребленіи, — и какимъ письмомъ была она написана? — Афинянамъ уже весьма поздно предано было порядочное буквальное письмо, и только въ шестомъ столѣтіи приписываютъ Симониду изобрѣшеніе 4 хъ буквъ (*).

(*). См. Plutarch dispp. convivall T. XI. ed. Hutten.

Изъ всѣхъ Грековъ одни только Эпифирскіе Локрійцы, имѣли въ 664 году свои письменные законы, а ранѣ сего искусство письма не могло быть общимъ, по причинѣ неполноты и рѣдкости онаго, а можетъ быть и совершеннаго недоспѣшка для сего потребныхъ матеріаловъ. Когда Аполлодоръ (*) говоритъ: Минось написалъ законы, то сіи слова ясно означаютъ, что онъ далъ законы. — Законы Солоновы написаны еще въ 594 году особеннымъ письмомъ, именуемымъ Буспрофедонскимъ; слѣдовательно весьма поздно употребляемъ былъ сей шолико неудобный родъ письма (**). —

(*) Apollodor, lib III. C. I.

(**) Направленіе буквъ и спрочекъ у древнѣйшихъ Грековъ было такое же, какъ и у прочихъ Воспчныхъ народовъ. Помомъ начали писать попеременно: одну спрочку съ правой на лѣвую, а другую съ лѣвой на правую, соединяя обѣ спрочки кривою линією. Сей родъ письма, заимствованный изъ паханой нивы, копорой бразды шочно шакъ ложатся, названъ: *Βυστροφιδόν*.

Что находится о семь предметъ у самаго Гомера и у древнихъ его толкователей?

Если у древнихъ писателей, а особливо у Грамматииковъ встрѣчается выраженіе: Гомеръ пишешъ, то сіе означаетъ только: у Гомера сказано, Гомеръ говоритъ; никто не хотѣлъ симъ доказать, что Гомеръ дѣйствительно писалъ. Напротивъ того многіе Александрійскіе криптики были шакого мнѣнія, что самъ Гомеръ, равно какъ и герои Троянскіе не имѣли ни малѣйшаго свѣденія объ искусствѣ письма. У Иосифа (*) находится о семь весьма доспримѣчательное мѣсто слѣдующаго содержанія: *Φαίν ἔδὲ τῆτον ἐν γραμμασι τὴν αὐτῆ ποιησιν καταλιπεῖν, ἀλλὰ διαμνημονευομένεν ἐκ τῶν ἀσμάτων ὕσερον συντεθῆναι, ἢ διὰ τῆτο πολλὰς ἐν αὐτῇ χεῖν τὰς διαφορίας.* — ш. е. Говорятъ, что онъ не оставилъ въ писменахъ

(*) Josephus contra Ap. l. I. 2.

своего творенія, но оно въ послѣдствіи составилось изъ памятныхъ преданій, а отъ сего-то многія въ немъ встрѣчаются разнорѣчія.

Многіе схолиасты повѣствуютъ по же самое. Не входя въ разсмотрѣніе сихъ мнѣній и повѣствованій Древнихъ, явствуетъ уже изъ самаго содержанія Гомеровыхъ стихотвореній, что искусство письма, во время сочиненій оныхъ, едвали могло быть извѣстно. Нигдѣ въ нихъ объ ономъ не упомянуто, даже и при описаніи живописи. Напрошивъ того въ Иліадѣ заключающа такія мѣста, изъ которыхъ ясно можно видѣть, что Греки не имѣли тогда ни малѣйшаго понятія о семъ искусствѣ. Приведемъ изъ оной одно мѣсто (*). — Гекторъ предложилъ Грекамъ единоборство. Греки спрашились оное принявъ, доколѣ наконецъ, по убѣдительной рѣчи Несторовой, не выступили изъ среды оныхъ

(*) Иіад. VII. 175.

девять героев. Жребій долженствовалъ рѣшиться, которому изъ нихъ надлежало сразиться съ Гекторомъ. Каждый герой взялъ свой жребій и сдѣлалъ на немъ особый знакъ; сіи девять жребіевъ положены въ шлемъ и до того перемѣшиваемы были, пока одинъ изъ нихъ, опредѣлившій кому долженствовало сразиться, не выпалъ изъ шлема. Еслибъ каждый изъ сихъ девяти героев написалъ свое имя, то Герольдъ вѣроятно прочелъ-бы оное, но сего тогда не было. Герольдъ показывалъ предстоящимъ вынавшій жребій и наконецъ уже отдавалъ тому, кто обозначилъ оный. Изъ сего ясно видѣть можно, что на немъ сдѣланъ былъ простой знакъ, черта, крестъ или тому подобное, такъ какъ сіе и по нынѣ ведется у многихъ необразованныхъ народовъ. Нѣкоторые Схолиасты сказали при семъ случаѣ довольно остро, что каждый изъ сихъ девяти героев имѣлъ свою собственную азбуку, которая другому была совершенно неизвѣстна.

Въ другомъ мѣстѣ Иліады сказа-
но (*):

πέμπτε δέ μιν Λυκίηνδε, πόρεν δ' ὄυε
σήματα λυγρὰ
γραῖφας ἐν πίνακι πτυκτῷ θυμοφ-
θάρα πολλὰ,

т. е.

И такъ отправилъ въ Ликею и снабдилъ его убійственными повелѣ-
ніями, написавъ извѣтъ на сомкну-
той доскѣ.

Беллерофонъ находится въ Корин-
ѣѣ. Супруга царя Прѣша старается его
прельстить. Но какъ онъ возпрошивилъ
ея желаніямъ, шо она принесла на
него жалобу своему супругу и обвиня-
ла его въ усиліи обольстить ее. Прѣшь
не желая нарушить правъ госшепріим-
ства, ошсылаешъ Беллерофона въ Ли-
кею къ своему тесню съ шѣмъ, чшобъ
сей его умершвилъ. Онъ далъ ему съ
собою *σήματα λυγρὰ γραφας* и прочее.

(*) Iliad. VI. 168.

Въ древнихъ переводахъ названо сіе *залегатнымъ письмомъ*: ибо по мнѣнію нѣкопорыхъ *σφρατα* сушь *буквы*, а *γραφειν* значить *писатьъ*. Но сіи значенія находяшся шолько у позднѣйшихъ писателей; у Гомера же слова сіи имѣють совсѣмъ другое знаменованіе. Значеніе слова *γραφειν* уже показано выше; равнымъ образомъ Лашинское слово *σγίβο* не значить *писатьъ*, но шокмо *вырѣзывать, рисовать, изображать острыми орудіемъ фигуры на поверхности какого либо тѣла*. Весьма было бы удивительно, когда бы Прѣтъ начерпалъ Беллерофону шокмо нѣкопорыя буквы или знаки, что безъ сомнѣнія не можешъ назваться *письмомъ*, которе посредствомъ буквъ читашъ можно. Беллерофонъ вѣрояшно не понялъ сихъ знаковъ, ибо ешълибъ онъ узналъ смыслъ оныхъ, то увидѣлъ бы, что Прѣтъ пригатовилъ ему несчасіе. Все ешо показываешъ, что не должно почишашъ у Гомера *буквальнымъ письмомъ знаковъ*, въ древности *извѣстныхъ*

подъ названіемъ *tesserae hospitales*. Союзъ гостепріимства почишаемъ, былъ погда шполь священнымъ и важнымъ, что желали даже распространить оный на пошомковъ и добрыхъ знакомцевъ; въ семъ случаѣ употреблялись помянутыя *tesserae hospitales*. — Для сего обыкновенно брали маленькіе кружки, каршины и другія подобныя шому вещи, копоры разбивъ, раздѣляли между своими знакомыми съ шѣмъ, чтобы одинъ изъ нихъ могъ опдашь другому въ знакъ довѣренности и дружбы. Когда сіи два куска, соединены будучи вмѣстѣ, соспавляли одинъ цѣлый, то незнакомый принесшій оный, имѣлъ право пользоваться гостепріимствомъ. На сихъ кускахъ вырѣзывались различныя знаки, хорошіе и худые или пагубные. Таковое обыкновеніе находитья еще и по нынѣ въ спранахъ у Средиземнаго моря.

И шакъ, когда въ Гомеровыхъ спихотвореніяхъ вспрѣчающіяся выражнія *кни-*

еа, писать, титать и тому подобное; когда всё предложенія производили изу-
 стно; когда память и бесѣда почишаемы
 были единственными источниками исто-
 рического повѣствованія; когда Гомеръ
 зываетъ къ музамъ, дочерямъ Мнемозины,
 какъ къ источнику памяти; когда въ до-
 машней жизни и торговыхъ дѣлахъ встрѣ-
 чается названіе *μνημων*, чловѣка съ боль-
 шою памятью, кошорый при употреб-
 леніи искусства письма облегчалъ себя
 въ счетоводствѣ: тогда все сіе за-
 славляетъ опринушь различныя о семъ
 доказательства. Но можешь быть ска-
 жешь, что Гомеръ зналъ письмо, ко-
 шорое однако неизвѣстно было его Ге-
 роямъ? Въ древности сего не произхо-
 дило; стихосворцы приписывали всё свои
 знанія, весь свой вѣкъ предшествовавшимъ
 временамъ. Эсхилъ и Виргилій заставля-
 ютъ писать, своихъ героевъ и даже у Ори-
 да ведутъ большую переписку дѣвы Тро-
 янскія. Напрошивъ шого у Гомера ничего
 не встрѣчается, чтобы касалось до иску-

сва письма, и спихопворецъ не имѣлъ
объ ономъ ни какого свѣденія.

Но если спихопворенія сохранялись
только посредствомъ памяти, то возмож-
но ли, чтобы огромная Илиада дошла до
насъ симъ же образомъ и не должна ли
она во многомъ измѣниться въ теченіи
столетій вѣковъ?

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ.)

СЕРДЕЧНАЯ ДАТЬ ПАМЯТИ ДЕРЖАВИНА.

И я дерзаю прославлять Державина!... И я возвышаю слабый голос мой воздашь хвалу безсмертному!... Геній, воспарившій въ спраны вѣчноспи, озари меня свѣсомъ швоимъ! да вдохновенный шобою, я повѣдаю славу швою. Но, мнѣ ли вѣщашь о Державинѣ? его имя ешь уже слава; его шворенія сущь шруды безсмершныя! онѣ сами гласяшь о величии поэта и будущь краснорѣчивѣйшимъ похвальнымъ ему словомъ. Какъ яркая звѣзда, появлясь, угасаетъ въ небесахъ, шакъ Державинъ блисталъ и угасъ въ ширѣ семъ. Съ послѣдними вздохами пролетѣли послѣдніе звуки лиры его; онъ умеръ, —

и съшующая природа, казалось, пронесла повсюду печальную вѣсть: „не спало пѣвца моего!“ Такъ, и мы съ горестію повшорили слова сію: — не спало незабвеннаго! но имя его знаменитое пройдетъ въ позднее потомство и увѣковѣчитъ память стихотворца. Каждое новое столѣтіе доставитъ новый блескъ славы его; преданія помѣстятъ его въ ряду съ мужами великими; — смерть не разрушаетъ связи съ міромъ людей великихъ. — Они живутъ въ славу своей и за предѣлами гроба!

Судьба опредѣлила участь сію Державину: онъ былъ одинъ изъ шѣхъ счастливыхъ любимцевъ природы, которыми она распочаешь въ изобиліи богатые дары свои. Надѣленный рѣдкими способностями поэта, онъ нашель въ ней единственную свою наставницу. — Она развила его геній — и, какъ бы гордясъ своимъ произведеніемъ, предославила себѣ одной образовашъ пѣснопѣвца. Древнія спѣны Казани, шемныя дубравы

Камскія и вы быспрыя воды Волжскія! Вы были свидѣтелями дѣшства его. Пишная въ груди священный огонь поэзіи, юный геній приходилъ часто бесѣдовашь на крушыя берега Волги; внимая шуму свѣплыхъ волнь ея, въ шининѣ уединенія, онъ парилъ въ игривыхъ мечшахъ пламеннаго своего воображенія. Часпо съ неизьяснимымъ попрясеніемъ сердца онъ успремлялъ взоры свои на высокія башни Казани и воспоминалъ прошедшія собышія. Часпо удалялся онъ въ глубину лѣсовъ, и прервавъ шаинспвенное безмолвіе ихъ, ввѣрлялъ имъ первыя ощущенія души своей. Тамъ, гдѣ все напоминало ему славу времянь прошекшихъ, гдѣ все исполняло духъ его величіемъ окружающихъ предметовъ, шамъ позналъ онъ силу воображенія. Предаваясь пріятному влеченію мыслей, рѣзвымъ мечшамъ счастливой юности, душа его заранѣе привыкала понимашь различныя ощущенія сердца, движеніе спрасшей благородныхъ. Но, онъ не вѣдалъ еще

пѣхъ силъ, копорыя даны были ему природою; искры генія шайлись въ груди его; еще не приспѣлъ часъ, въ копорой надлежало ему распоргнуть, шакъ сказаць, свои узы и явиться во всемъ величїи. — Не въ укромной хижинѣ обиташеля Казани долженъ былъ раздацься голосъ поэта; — водамъ Невскимъ суждено было услышашъ первую пѣснь его. Державинъ, поклонясь древнему граду опцевъ своихъ, просясь съ мѣстами любезной родины, поселился въ счастливой столицѣ Сѣвера. Тамъ, въ Царствѣ славы и благоденствїя, увидѣлъ блестящїй дворъ ЕКАТЕРИНЫ, и великихъ мужей, украшавшихъ златой вѣкъ ея; узрѣлъ Великую ИМПЕРАТРИЦУ; — какъ солнце во всемъ сїяніи лучей своихъ, шакъ показалась ему Монархиня въ соннѣ мудрыхъ вельможъ и героев отечества. — Желанная минуша наспушила; духъ спихопворца воспламенился! сильно забилося сердце въ груди его; взоры заблїспали свѣшомъ вдохновенїя.

и съ восторгомъ чувствъ раздались первые звуки его лиры. Громкіе огголоски ихъ, оггрянувь по всей обширности Россіи, достигли мгновенно и широкой Волги и дубравъ Каискихъ.

Одаренный выпренимъ воображеніемъ, способнымъ болѣе воспѣвать предметы высокіе, Державинъ посвятилъ себя Лирической поэзіи. Тогда опкрылось для него проспранное поприще, и скоро увидѣли спихопворца, копорому предлежало совершить великую эпоху въ Россійской словесности. Необыкновенная смѣлоспъ мыслей, придававшая силу его выраженіямъ; плѣнительное искусство въ описаніяхъ, и пылкоспъ воображенія, источникъ истиннаго чувспвованія пишическаго восторга, сосшавляли опличительныя свойсшва генія. Возвышенный духъ его ознаменовалъ своею печашію всѣ его шворенія. Почишая природу единспвеннымъ образцемъ своимъ, Державинъ слѣдовалъ во всемъ ея внушенію; разсмашривалъ внимашельнымъ окомъ совер-

шенства міра, — и живое чувствованіе изяшнаго озаряло душу его; оно было источникомъ шѣхъ красоть, копорыми дышала его поэзія; доставляло ей шу нѣжностъ, шу высокую простоту, копорыя, обворожая сердце, располагають его къ благороднѣйшимъ наслажденіямъ.

Сему пѣвцу предоспавлено было прославить знаменитое Царствованіе Фелицы. Изумленный духомъ ЕКАТЕРИНЫ, Державинъ, неподражаемымъ перомъ своимъ, превзошедшимъ кисть Рафаеля, изобразилъ красоту души и прилности ума Богоподобной Царицы, подъ скромнымъ покровомъ вымысла. Предавая попомству громкія дѣла Монархини, онъ пѣлъ шоржество Россіи и славу ея полководцевъ. Дунай оросился кровію Мусульмановъ, рушились лвердыни Измаила, — и муза Державина возгремѣла о дивныхъ подвигахъ доблесныхъ сыновъ Россіи. Онъ воспѣлъ Героя Римника и роскошнаго Князя Тавриды; прославилъ подвиги чудеснаго Суворова

и изобразилъ въ величественной картинѣ водопада кончину Пошемкина, показавъ въ прогашельныхъ и сильныхъ чертахъ всю суешу міра сего, всю щещу земнаго величія.

Но муза его озарилась полною славою при появленіи на свѣтъ Монарха, рожденнаго для дѣлъ великихъ. — Пійшь, радостнымъ воспоргомъ упоенный, проникуль въ тайнсхва судьбы и, вдохновенный священнымъ даромъ пророчесхва, воспѣль порфиророднаго младенца, ощеннаго благословеніемъ Божиимъ.

Такъ позшь въ минушу своего восшорга показываешся выше всякаго челоувѣка: шогда ондѣляешся онъ, можно сказашъ, онъ всего земнаго; душевныя силы его напрягаюшся, сердце его въ волненіи, онъ перелешаетъ въ мысляхъ своихъ просшрансшво міровъ небесныхъ, его воображеніе увлекаешъ все за собою: Какъ лучъ солнца, онъ обшекаешъ шогда вселенную; какъ ударъ грома, онъ по-

прясаетъ сердца звуками вдохновенной лиры!.....

Таковымъ представляешся намъ стихотворецъ въ неподражаемой одѣ Богъ. — Воспѣвъ плѣнную славу міра, Державинъ пыдалъ желаніемъ воспѣшь величіе Предвѣчнаго. — Оставя книги философовъ, умствования мудрецовъ, вѣщавшихъ гласомъ невѣденія о вѣрѣ и Создатель, съ воспоргомъ истиннаго сына церкви онъ поспѣшилъ во святой храмъ предаться чувствіямъ религіи. Объявмый священнымъ препеномъ благоговѣнія, онъ успремилъ мысли свои къ Богу. Казалось, невидимый огонь, слѣдшій съ небесъ, воспламенилъ его. Онъ вышелъ изъ среды смертныхъ, позабылъ все, что его окружало, и думалъ объ одной вѣчности. Наконецъ, какъ бы пробудясь отъ сего внезапнаго усыпленія, Державинъ поспѣшилъ оставишь на время шумъ города и послѣдовалъ за шайнымъ влеченіемъ чувствъ въ поля, удаленныя отъ жилища суешности. Уеди-

ненная природа была храмъ Божіимъ. Не достигъ еще въ мѣста сіи гласъ хвалы человѣческой, но безмолвный гласъ шворенія прославлялъ повсюду Создателя. Пѣвецъ проникнулъ въ сіе святилище: ему извѣстенъ былъ гласъ природы; онъ говорилъ вмѣстѣ съ его чувствами, онъ опзывался въ его сердце; и, въ сихъ-то мѣстахъ, углубленный въ созерцаніе Божества, бесѣдуя съ міромъ о вѣчности, онъ позналъ неисповѣдимые пути ея, изобразилъ свойства Божіи и показалъ ничтожность и величіе человека. Пѣснь благоговѣйнаго ко шворцу удивленія, лешая по струнамъ лиры, соединилась съ пѣніемъ силъ небесныхъ и вознеслась къ престолу Вездѣсущаго!... Гласъ упѣшишельной вѣры вѣщалъ устами Державина; небесная премудрость водила персами его! —

Живя во времена чудныхъ событій, Державинъ находилъ все, чѣмъ могъ питать піищическій духъ свой. Необыкновенныя происшествія, являшіеся попе-

режѣнно на поприщѣ міра, придавали ему новое пареніе. Прошекшій вѣкъ, ознаменованный славными дѣлами, кончился гибельнымъ переворономъ Франціи: запылали испуленные умы и заблужденіе, водимое опчаяніемъ, успрашило цѣлый свѣсъ своими успѣхами! Европа содрогнулась при видѣ плачевныхъ жерствъ, нанесшихъ неизгладимый позоръ вѣку просвѣщенія. Чувствительное сердце поэта не могло спокойно смотрѣть на общее смятеніе: со вздохомъ скорби взялъ онъ лиру и въ унылыхъ звукахъ ея излилъ справедливые упреки человечеству. Пѣснь его, какъ нѣкогда пѣснь пророковъ Израиля, была предвѣснїемъ небеснаго мщенія. — Вскорѣ явилось новое событіе: — на поляхъ Италіи Суворовъ напомнилъ намъ времена Аннибаловъ и Цесарей; неимовѣрные подвиги древности возобновились, побѣдоносный герой преодолѣлъ и самую природу на горахъ Алпійскихъ! — Взоръ пѣвца оспанивился на славномъ любимцѣ музы его:

Державинъ воспѣлъ чудесный переходъ Суворова чрезъ Альпы. Здѣсь гений поэза раскрывается во всемъ своемъ величїи: удаленный многими спранами отъ незабвеннаго мѣста славы, въ полетѣ своего воображенія онъ представляешь въ мысляхъ своихъ всю каршину ужасовъ. Онъ слышитъ, какъ гремятъ съ горныхъ высотъ бурные водопады; видитъ, какъ горятъ въ солнечныхъ лучахъ ледяные верхи Готшарда, и спремится кажется вслѣдъ побѣдоноснаго воинства на необозримыя громады утесовъ и спремниъ, препрыкающихъ повсюду пуши его. — Только великій человекъ можетъ постигать величїе другаго: — Суворовъ пролилъ слезы, получивъ отъ Державина изображеніе своихъ подвиговъ; — и что осмѣается болѣе сказать въ хвалу Поэзии? . . . и какой славы ожидаешь еще гению?

Справедливо общій голосъ народовъ наименовалъ поэзію языкомъ Боговъ. Древніе починали ее нѣкими священнымъ

даромъ, копорымъ небеса надѣляли своихъ любимцевъ. Такое мнѣніе побуждало ихъ воздавать своимъ спихошворцамъ почти божескую почестъ. Они называли ихъ провозвѣспниками вышней воли или предопредѣленія судьбы, и видѣли въ нихъ совершенство человѣческой природы. Воздвигнушыя въ честъ ихъ храмы долго свидѣтельствовали въ камъ о шомъ опличномъ уваженіи, копорымъ признашельное попомство награждало своихъ поэшовъ, — и они доспойны были сей почести: слава геніевъ есть слава народовъ! — И шихія долины Греціи, и роскошныя берега Италіи, и холмисшыя горы племень Одиновыхъ, и суровыя льды Сѣверныя, зрѣли своихъ спихошворцевъ! и Державинъ, сей пипомецъ хладнаго Сѣвера, оставилъ въ Испоріи имя свое вмѣстѣ съ именами Омировъ, Гораціевъ, Оссіановъ; и Росскій пиндаръ, подобно Древнимъ, имѣлъ завидный даръ одушевлять все своею поэзією. Онъ умѣлъ прогать, плѣ-

нятъ сердце; увлекаешь душу, и претворяешь все окружающее его въ новый, такъ сказать міръ, которъй созидаль онъ въ своемъ воображеніи. Необыкновенный, неподражаемый языкъ его находилъ правила въ собственномъ своемъ величіи. Умолкъ судъ Зоильовъ при появленіи Генія, и зависть не нашла силъ преткнущъ пуши его. Быспрымъ почетомъ пронесся онъ къ безсмертію, и общій гласъ хвалы и удивленія принесъ должную дань его достоинствамъ.

Пѣвецъ прехъ царствъ, въ преклонныхъ лѣсахъ и удрученный бременемъ занятій Государственныхъ, питалъ еще въ сердцѣ своемъ любовь къ поэзіи. Удаляясь по временамъ въ сельское свое убѣжище, онъ предавался тамъ безопасному спокойствію свободы и удѣлялъ музамъ часы своего уединенія. Опыдыхая на берегахъ свѣтлаго Волхова, Пѣвецъ-философъ часто размышлялъ о дѣйствіяхъ людскихъ спрасшей. Опышность и чистая, протая нрав-

ственность научили его цѣнить ложной блескъ міра. Насмотрѣвшись на бури свѣта, на вихрь суешности, въ тишинѣ чувствъ своихъ, онъ подавалъ уроки человѣчеству. —

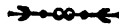
Славный поэтъ былъ въ тоже время и добрымъ человѣкомъ. Строгая добродѣтель, твердость духа и любовь къ ближнимъ были превосходными качествами благородной души его. Онъ любилъ говорить истину, шакъ точно какъ любилъ ее описывать. Она была для него другимъ Богомъ, къ которому стремились всѣ мысли его и дѣянія. Злоба, коварство и гордость не имѣли надъ нимъ никакой власти; и приговорство, которое кажется необходимымъ для людей, близкихъ къ праву и сплотившихъ на пути почестей, было незнакомо сердцу нашего поэта.

Наслаждаясь всеобщимъ уваженіемъ и любовью, Державинъ спокойно проводилъ дни шарасши въ кругу избранныхъ друзей своихъ, и предъ закашомъ

дней, судьба опредѣлила ему зрѣшь исполненіе стихошворческихъ своихъ пророчествъ, возвѣспившихъ славу Благословеннаго Монарха. Душа спарца озарилась радостію; веселіе просіяло на челѣ его; подобно Симеону Державинъ готовился произнести съ опрадою незабвенныя слова сіи: — „Нынѣ опъиду „съ миромъ!“ и дрожащимъ голосомъ, собравъ ошпашокъ силъ своихъ, воспѣлъ послѣднюю хвалу храбрымъ защитникамъ Ошечества и мудрому Государю.

Угасающій геній напомнилъ еще въ сихъ шпрокахъ неподражаемаго пѣвца Бога и Фелицы. Поэшь хошѣлъ и умереть поэшомъ! —

Пламенныя чувства религіи одушевляли наиболѣе послѣднія его шворенія. Вѣра была всегдашнею его ушѣшишельницею; она ушлаждала послѣднія минушы жизни его. Поэшь удивлялся славъ великихъ людей для шого шолько, чшобы въ славъ ихъ прославляшь славу Господа, въ дѣянїяхъ ихъ дивишься дѣламъ Божиимъ.

Между тѣмъ болѣзни старости возра-
стали; неизбѣжный путь природы при-
ближалъ дни его къ вѣчности, и жизнь
его была подобна угасающему пламен-
нику. Державинъ удалился въ свое
сельское уединеніе, и тамъ просилъ
со свѣтомъ. Чувствуя скорую разлуку
съ міромъ, поэтъ посвятилъ ему по-
слѣднія свои размышленія. Взоры его
остановились на изображеніи времени (*):
въ видѣ рѣкъ испекали они изъ вѣчно-
сти и мать вѣковъ долженствовала опять
принять ихъ въ нѣдра свои. Быстро
пробѣжалъ онъ глазами своими Историю
человѣчества, и сокровенный голосъ
души слезалъ ему, что нѣтъ ничего
постояннаго въ превращномъ мірѣ! —
Сія мысль снова одушевила его пиши-
ческимъ вдохновеніемъ; онъ почувство-
валъ въ себѣ рожденіе новаго восторга,
и ослабѣвшею рукою начерпалъ стихи
къ плѣнности. Но минулы очарованія

(*) Сынъ Ошечества, No 30 й, 1816 года.

прошекли скоро: ударилъ роковой часъ, — свѣсило нашей поэзіи угасло! — и великаго Державина не спало!.....

Тамъ, гдѣ пихой Волховъ обшекаешъ древнія стѣны уединной Хушины, шамъ покоишься прахъ его. Ничто не нарушаешъ въ шѣхъ мѣсцахъ вѣчнаго безмолвія. Одинъ лишь унылый звукъ колокола по временамъ раздаешся въ оградѣ и прерывистымъ звономъ своимъ созываетъ во храмъ опшельниковъ. Одинъ осенній вѣпръ изрѣдка пробѣгаешъ по вѣковымъ вѣшвамъ деревь, окружающихъ свяшую обитель, и возмущаетъ завываніемъ своимъ ея спокойствіе. Но, онъ не достигнешъ до слуха швоего, пѣвецъ! — Ты спишь сномъ непробуднымъ; не видишь и краснаго солнца, и блѣдной луны, когда она осребришь свѣшлые кровы монашья и проникнешъ въ высокіе своды его. И гореспные вздохи, которые испоргнушы у всѣхъ швоею смершю, и печальный гласъ музы, разнесшійся по всѣмъ концамъ Россіи, не про-

някнушь въ храмину швою! — Но, они
услышаны будутъ пошомшвомъ; оно
придешь пролишь слезы умиленія надъ
швоею гробницею и возраспишь на ней
новые кипарисы. Слава швоя не умолк-
нешь —

„Доколь Славяновъ родъ вселенна будетъ
чшишь!“

Иванъ Анисковъ.

ЛЮБОСЛАВЪ.

ПЕРВЫЙ СЛАВЯНСКІЙ ВЕЧЕРЪ.

Прекрасная заря вечерняя возсіла на крошкоть голубомъ небѣ. Румяные лучи ея озлащали крѣпкіе зубцы высокихъ башень града Турова и цвѣщныя кровли шеремовъ Князя Любослава. Игривый вѣперокъ, рѣзвась въ пространствѣ воздушномъ, колебалъ листья кедровъ высокихъ, спускался на розу благовонную, и роскошно опдыхалъ въ объятіяхъ Царицы цвѣшовъ прелестныя; вся природа, увеселяющаяся дневными шрудами своими, просширала длани къ вождельному успокоенію; одинъ Князь Любославъ, подобно камню, ударомъ грома вседробящаго опшпорженному оугъ горной вершины, сидѣлъ у корня дре-

няго дуба въ глубокомъ безмолвіи. Мрач-
ное чело его подобно угрюмому холму,
покрытому шуманомъ осени дождливья;
взоры его кидали молніи суровыя; ды-
ханіе груди раздалось окресць, какъ
спонь въпра въ ушлой гробницѣ без-
божнаго! — Въ пасмурномъ опдаленіи
споляли погруженные въ уныніе два ору-
женосца Квизевы: Велькаръ, оплячный
крѣпостію мышцъ своихъ, Зонарь сла-
вный мудростію совѣшовъ.

Любославъ восклонился на руку;
подъялъ очи свои, и воззвалъ къ небу,
звѣздами цвѣшущему: „почто мѣсяць
„любезный пакъ крошко помаваешь шь
„жемчужными власами, и вы, звѣзды
„сребристыя, пускаете препещущія
„искры надъ главою моею! Прелести
„ваши способны вливать въ душу смерш-
„наго радосни живящія; но Любославъ
„чуждъ всего, что называется радо-
„спію; въ обширной сирани своей онъ
„естъ узникъ гореспи и помленія. По-
„крой, о мѣсяць, кристальное чело свое

„лучше непроницаемой; ошконише,
 „звѣзды, яркіе взоры свои ошконише Князя
 „несчастливаго! Для духа моего способ-
 „нѣе, возжелѣннѣе блуждашь въ дубра-
 „вахъ мрачныхъ, подъ черныиъ наме-
 „номъ пасмурнаго неба, озаряемому за-
 „пою молнѣю. Велькаръ! Зонарь! Сль-
 „дуйте за мною!“ —

Возпалъ и пошекъ, подобно сподру-
 шуманному, коего края озарены еще
 слабыиъ свѣтомъ заходящаго мѣсяца;
 спутники его за нимъ послѣдовали.

Ночь прошла въ тишинѣ. Сѣ-
 верная звѣзда возблистала надъ Восто-
 комъ; полевые цинцы воспарили къ небу
 и воснѣли хвалу ушреннюю Непосстижи-
 мому Зидишелю всего прекраснаго подъ
 еолнцемъ. Спутники Князевы хранили
 глубоке безмолвіе; они не дерзали во-
 просишь Повелишеля, куда направлены
 блуждающія сподры его? — И се до-
 стигли они лѣса дремучаго, гоноваго
 приняшь ихъ въ мрачныя нѣдра свои.
 Князь хотѣлъ продолжашь, какъ Зонарь,

достигнувъ его съ преклоннымъ видомъ,
воспрещилъ путь ему; — удивленный
Князь остановился.

Зонарь вѣдалъ: „Повелишель спра-
„ны Туровскія! Куда направляешь пы
„стопы свои? или безвѣстно тебѣ,
„что благочестивый инокъ Юилъ оби-
„шаетъ среди дубравы сей?“ — „Его
„ищу я, ошвѣчалъ Князь; съ нимъ
„хощу бесѣдовать, вняшь совѣтамъ его,
„и спросишь, какъ могу обрѣсти паки
„упраченный покой мой! Ничто въ мѣрѣ
„семъ не веселишь меня! Я хощу увѣ-
„дать, не можешь ли надежда мѣра ина-
„го распоргнуть мрака, покрывающаго
„душу мою! — Шествуемъ!“ —

„Князь! воззвалъ Зонарь, опецъ
„опца моего повѣсповалъ мнѣ объ ино-
„кѣ Юилѣ; ни съ кѣмъ не бесѣдуешь
„онъ, какъ шолько съ человекѣми! —
„Совлеки багряницу съ рамень твоихъ;
„ошпояшь мечъ; щипъ и копіе повергни
„долу: — и шако бивъ человекъ, во-
„проси мужа мудраго о врачевствѣ для

„ранъ души швоей. Иначе — шествіе
„швое щещно!“ —

Любославъ, движимый нѣкіимъ неви-
димымъ побужденіемъ, впервые внялъ
совѣшамъ чуждымъ, совлекъ украшенія
блещащія и оружіе крѣпкое, и повергъ
у подошвы древа пусшыннаго; оруже-
носцы подражали ему и всѣ вступили
въ обитель мрака дубравнаго.

До восхода солнечнаго продолжалось
шествіе ихъ, и едва пурпуровые лучи
вожда свѣшилъ небесныхъ озарили вселен-
ную, они узрѣли долину злачную; въ
концѣ коея находилась пещера, дерномъ
зеленымъ покрывшая. По правую сторону
оной извивался зміеобразный ручей,
пѣнящійся по дну песчаному; по лѣвую
возвышался крестъ; у подножія его ви-
дѣнь былъ малый олшарь, при коемъ,
преклонивъ колѣна, праведный Іоиль
возсылалъ мольбы свои къ Предвѣчному.
Пушники не дерзали прервать благого-
вѣйныхъ подвиговъ мужа древняго; въ
робкомъ молчаніи ожидали конца жертво-

приношенія священнаго, и когда возспалъ онъ, Князь Любославъ, оставя оруженосцевъ при входѣ въ долину, подошелъ къ нему, преклонилъ чело до земли и вѣщаль смиренно: „Свяпый обипашель „дубравы! я пришелъ къ тебѣ повѣдашь „скорбь души моей и просишь совѣша „могу ли еще на землѣ сей обрѣсти се „бѣ счастье? Или оно уже не суще „снвуешь для меня въ мѣрь семь, ис „полненномъ неправды и развраща?“

Не мало мгновений праведный спарець взираль на пришельца; потомъ, указавъ першою на подножіе жертвенника дерноваго, вѣщаль: „Всякій не „счастливый есть любезный гость и „сынъ мой. Возсядь на семь камнѣ и „опкрой мнѣ раны сердца твоего. Да „познаешь врачъ великосшь болѣзни и „погда врачуешь! — Владыка народа Ту „ровскаго! еще есть время изцѣлиться: „не удивляйся, что я позналъ тебѣ. — „Посѣдвншій въ испытаніи дѣлъ Бо „жнхъ не можешь не познашь земнаго

„ Повелишеля, хотя онъ обнажилъ себя
 „ опъ знаковъ власпи и величія. “

„ Исполню повелѣніе шде, священ-
 „ ный жищель дубравы; — повѣдаю
 „ шебъ соспояніе души моея, вѣщаль

„ Князь. “ Сшарець возсѣль на дернь
 „ воскрай повелишеля и внималь словамъ

его: „ Десянь разъ уже земля умирала
 „ подъ жезломъ зимы жадныя и десяти

„ разъ воскресала опъ живонворнаго до-
 „ бызанія весны вождельнныя, какъ я

„ по смерти родишеля моего возсѣль на
 „ престолѣ земли Туровскія. Съ пер-

„ выхъ лѣтъ юности моея спрасшино воз-
 „ любилъ я славу бранную; взоръ опъ-

„ рока ослаблялся при блескѣ мечей бу-
 „ лашныхъ; слухъ его пѣнялся шре-

„ скомъ копій сокрушасмыхъ; зависшъ
 „ шерзала сердце мое, когда внималь я

„ хвалебнымъ пѣснямъ бранноному
 „ Свящославу или великому сыну его

„ Владиміру или другимъ Князьямъ и
 „ Вишязямъ земли Рускія. Ближніе

„ двора моего юности, мои наперспники,

„ проникли скорбь души моей и желали
„ доставишь ей успокоеніе. Князь! въ-
„ щали они съ довѣренностію, изъ свѣш-
„ лыхъ взоровъ твоихъ почерпаемъ мы
„ жизнь и веселіе; почтожь они помра-
„ чають души наши шуманомъ уныніа
„ могильнаго? Что можешь безпокоить
„ Певелишеля въ прекрасныхъ шеремахъ
„ его? Сила душевная и крѣпость шѣ-
„ лесная являющся въ каждомъ словѣ
„ швоемъ, въ каждомъ движеніи! Если
„ красота нѣкая уязвила браннолюбивое
„ сердце швое, — повели, и одръ швой
„ примешь ее въ крошкіа свои объянія
„ прежде, нежели звѣзда полуночи оскла-
„ бится на голубомъ небѣ. Друзей ли
„ не достаешь тебѣ? Увы! колико зло-
„ получны мы, если державный Любо-
„ славъ опшвергаетъ сердца наши, опшвер-
„ гаетъ гешовность нашу испочишь кровь
„ до послѣднія капли, если только
„ возможемъ чрезъ шо воззвать радость
„ въ душу его, и озлапимъ уста улыб-
„ кою удовольствія? “

,, Вѣрные друзья мои и товарищи!
 ,, опѣшпшовалъ я сонму избранныхъ:
 ,, благодареніе небесамъ, я не могу роп-
 ,, шать на недоспашокъ въ сердцахъ,
 ,, мнѣ преданныхъ; мое же сердце за-
 ,, шворено для прелесшей дѣвическихъ!
 ,, Славы жаждеть душа моя, и я — из-
 ,, шаеваю въ бездѣйствіи, подобно младен-
 ,, цу, рано опшоргнутому опъ сосцовъ
 ,, машернихъ; но не щещной славы мир-
 ,, наго паспыря, хвалящагося знаніемъ
 ,, слагашъ пѣсни пріашныя, — славы
 ,, бранныя жаждеть душа моя! — По-
 ,, шомокъ Игоря, Олега, Свяпослава и
 ,, Владиміра не опчешъ въ мирѣ, до-
 ,, колъ спраны далекія и народы раз-
 ,, ноязычныя не воспрепещуть при од-
 ,, номъ имени его и вожди ихъ не обло-
 ,, бызають праха ногъ его! Но гдѣ оп-
 ,, крою я пуши къ славъ сей блиспа-
 ,, шельной? Пагубный миръ въ предѣ-
 ,, лахъ Рускихъ возгнѣздился; желанныя
 ,, брани умолкли; випязи опшаются въ
 ,, забыши; сила и крѣпость преданы не-

„вниманію. Горе мнѣ! кто покажетъ
 „путь къ снисканію славы воишеля;
 „кто успокоитъ душу мою въ ея шре-
 „волненіи?“

Тако бесѣдовали мы въ избранномъ
 кругѣ друзей испытанныхъ за дубовымъ
 споломъ пиршественнымъ, вокругъ чаши
 меда сладкаго, и въ шакихъ бесѣдахъ
 прошекли многіе годы безъ дѣйствія.
 Горесць моя съ каждымъ днемъ возра-
 шала, и наконецъ гошова была превра-
 шилсь въ опчаяніе, какъ однажды Гло-
 марь, одинъ изъ мудрѣйшихъ въ совѣшъ
 и отважнѣйшихъ во браняхъ съ вепрами
 и медвѣдями, возвыся гласъ, вѣщаль
 ко мнѣ:

„Познаю изъ добльшвенныхъ рѣчей
 „доблесць духа швоего; познаю въ тебѣ
 „великаго пошомка владыкъ земли Сла-
 „венной! Не ропщи на миръ губишель-
 „ный, оковавшій славу швою цѣпями
 „маковыми; мы должны разшоргнушь
 „ихъ! — Война, одна война можетъ
 „прославишь имя мужа, не рожденнаго,

„ подобно низкому пахарю , услаждашься
 „ посшднмь покоемъ и нѣгою . “

„ Но , да не признаеть шебя робкое
 „ малодушие сосѣдей рушишелемъ союза ,
 „ ими любимаго , изыщемъ способы , да
 „ другіе начально воздвигнушь на насъ
 „ брань кровавую . Такъ великосшь ихъ
 „ посрамленія , возвысишь шоржесство
 „ наше ! Досшиженіе сея мешы вождельн-
 „ нья беру я на свой опшвѣтъ . На что
 „ и совѣшники Повелишело , когда не мо-
 „ гущь они изыскашь средспвѣ къ до-
 „ спавленію ему опрады сладосшныя ?
 „ Вели сѣдлашь быспрыхъ коней своихъ :
 „ мы опсправимся на ловишву вепрей сви-
 „ рѣпныхъ къ предѣлашь лѣсовъ Муром-
 „ скихъ , въ дебряхъ непроходимыхъ . “

Вѣщаль , — всѣ мы склонились на же-
 ланныя слова его : зазвучали рога , зар-
 жали кони на широкомъ дворѣ моемъ ;
 оруженосцы берушь луки и копья , и
 дружина наша изъ придесяти всадниковъ
 осшавляешъ Туровъ и обрашилась къ ду-
 бравамъ сосѣдспвеннымъ

Два дни и двѣ нощи пробыли мы подъ
опкрытымъ небомъ ; звѣри дубравныя
встрѣчали насъ ревомъ своимъ , мы на-
прягали луки крѣпкіе , но Гломарь совѣ-
щами своими остановлялъ руки наши.
Пождите , вѣщаль онъ ; не распочайте
спрѣль быспрочечныхъ ; я найду для
нихъ мещу лучшую!

Съ упреннею зарею третьяго дня
стояли мы на самыхъ рубежахъ Му-
ромскихъ. Тогда всадники наши изгнали
изъ лѣснаго вершепа вепря свирѣпаго :
мы успремились къ нему и по желанію
Гломара преслѣдовали его далеко за ровъ
пограничный ; вепрь сокрылся въ дубравѣ ;
я успремился во слѣдъ ему , но вѣрный
Гломарь , паки остановивъ меня , вѣщаль :
„ Не для того третій день скишаемся
„ мы въ дебряхъ , сносимъ зной дня и
„ хладъ нощя , чшобы шоликою дружинѣ
„ обогатились добычей вепря единаго .
„ Князь ! близко время славы швоея ;
„ окажи себя достойнымъ пошомкомъ
„ Свяшослава ! “

По его велѣнію мгновенно воспылалъ древній ясенъ и дубъ въшвисшій. Въ одинъ часъ пламя показалось въ двадцати мѣсахъ лѣса, ибо Гломаръ повелѣлъ возжечь огонь каждому изъ сподвижниковъ разсѣянныхъ по дебрямъ темныхъ лѣсовъ. Въпръ полунощный повѣялъ: шрескъ огнь пылающихъ деревъ наполнилъ окрестность; искры налетѣли на нивы созрѣлыя, и все купно воспылало. Багровое зарево раскинуло крылія свои по небу Муромскому.

Вскорѣ огнь весей соеѣднихъ припекли пасыри и земледѣльцы опчаянные. Съ блѣдными лицами взирали они на огонь, и проспирали къ нему руки, не имѣя другихъ орудій къ погашенію. Они какъ бы умоляли его сжалишься надъ ихъ хижинами, вблизи споявшими. Гломаръ приближась къ нимъ на конѣ своемъ, вѣдцалъ гласомъ угрожающимъ:

„Несчастливые кляшвопреступники!
„Не господствуешь ли днесь союзъ мира
„между Туровомъ и Муромомъ? Не

„братская ли дружба заключена искони
 „между владыками обоихъ Княжествъ?
 „Почто же дерзнули вы вопреки усло-
 „вій пуспшить чрезъ рубежи свои вепря
 „лѣсовъ Туровскихъ, и шако лишить
 „насъ славныя добычи, а Князя нашего
 „желаннаго имъ увеселенія? Вы еще не
 „наказаны; если звѣрь, укывшійся
 „въ дубравѣ сей не будетъ вами живой
 „или мершвой доспавленъ на границы
 „наши, — мщеніе жестокое, но правед-
 „ное постигнетъ шогда васъ, женъ и дѣ-
 „шей вашихъ!“

Мы оставили пораженныхъ ужасомъ
 Муромцовъ и съ веселиемъ пуспились
 въ обратный пущъ. Я не могъ довольно
 возблагодарить мудрому другу моему
 Гломару за опкрышіе шолико близкаго
 и надежнаго пущи ко храму воинской
 славы. Съ нешерпѣніемъ юноши, когда
 онъ подъ крошкимъ небомъ ночи Майскія,
 преклонясь къ шополу серебрисшому,
 при каждомъ колебаніи вѣлвей его прі-
 янно содрогаецца, мня видѣшь идущую

къ нему его возлюбленную, давно ожидаемую; — съ шакивъ шочно нешерпѣніемъ ожидалъ я пословъ оцъ Миродара, Князя Муромскаго. По велѣнію моему рубежи Туровскіе уславлены были полчищами юношей ратныхъ; весь градъ наполнился звукомъ мечей, щиповъ и копій; вездѣ раздавались пѣсни побѣдныя, и я впервые опочилъ съ сладостнымъ біеніемъ сердца, мня вскорѣ видѣшь себя въ вѣнцѣ побѣды.

Послы Муромскіе не замедлили явиться на дворъ моему; шо были спарець, коего бѣлая брада означала уже преклонность вѣка, и два юноши въ льняныхъ одеждахъ полувооруженные. Каждый изъ нихъ имѣлъ по единому легкому копію, оспріемъ къ землѣ обращенному.

Спарецъ вѣщаль ко мнѣ: — „Повелишь ли спраны Туровскія! Вина прихода нашего тебѣ извѣсна: что угодно тебѣ; вонзишь ли копія сіи въ землю, сокрушишь ли ратовища, и шако обнаружишь добрый миръ между народами;

„или оспрія ихъ воздвигнушь къ верху,
 „и дозволишь брани насыпшишь алчную
 „челюсть свою шрупами падшихъ вой-
 „шелей? Ты раззорилъ часть владѣній
 „нашихъ; пожегъ пашни и хижины;
 „священная справедливость пребуешь, да
 „воздашь должное обиженному. Миродаръ
 „предаетъ въ волю швою: выдай
 „намъ при лишры злапа чистаго или
 „гошовся вспрѣшишь бурю военную. На-
 „роды ондаленные увидяшь шогда, куда
 „промысль Вышняго склонишь перспь
 „побѣды!“

Рѣчь сія, опъ лица владыки Муромскаго ко мнѣ произнесенная, наполнила сердце мое восшоргомъ радости. Гломаръ далъ мнѣ знакъ, и я принялъ видъ гнѣвный, раздраженный.

„Безразсудный спарець! воззвалъ я
 „съ шесоваго крыльца своего, кшо мо-
 „жешь предписывать мнѣ законы, не
 „испытавъ прежде крѣпосши мышцымоей!
 „Война кровопролишная да рѣшишь прю
 „мою съ Миродаромъ!“ Послы подняли

въ верхъ оспрями копія свои, и медленно направили обратный пушь. Тогда Гломаръ, осклабя уста свои, въцалъ: „юный Повелишель! неизвѣсны тебѣ „хитрость и коварство Миродаровы. „Познавъ, что ты ищешь соспязаться „съ нимъ оружіемъ, онъ мало по малу „будешь понижашь безстыдныя свои шре- „бованія, и шако опдалащъ мгновение, „когда долженъ ты вѣнчаться вѣнцемъ „славы бранныя. Благоразуміе пребудеть, „да однимъ движеніемъ перспа пвого „пресѣчешъ ему пуши къ миру, единому „прибѣжищу для владыкъ слабыхъ.“

Онъ возпекъ спѣшно на коня своего и устремился со двора Княжескаго Рашная дружина ему послѣдовала.

Вскорѣ узрѣлъ я наки вѣрнаго Гломара. Послы Миродаровы ошягчены были оковами. Тщепно вопіяли они о правахъ своихъ, нарицаа ихъ Божескими, Ревностный другъ мой не внималъ буйнымъ ихъ умствованіямъ и мрачная немница сокрыла ихъ ошъ праведнаго нака-

занія за дерзосць, оказанную ими въ моемъ присущствіи.

Свершивъ дѣло сіе, я и воинство мое остатокъ дня провели въ пригошеніи къ пупи на брань свирѣпую. Раннее солнце озлашило шлемы наши вблизи рубежей граничныхъ; къ полудню хоругви наши развѣвались опъ воздуха Муромскаго: шoliko спѣшно было шесствіе юношей, ищущихъ славы себѣ и своему Повелителю.

Съ радостнымъ предчувствіемъ сердце всупили мы въ землю враждебную, и не обрѣшая ни кого, могущаго намъ сопрошивишься, продолжали свое шесствіе. Внезапу — небо померкло опъ сврѣль свистящихъ; шопощъ и шумъ, прескъ и крикъ раздались оповсюду, и мы узрѣли себя окруженныхъ рашію Муромскою. Съча была жестокая; кровь обагрила землю злачную. Всадники мои падали шремглавъ съ коней своихъ; изнеможенные уполяли жажду изъ ручья шекущаго — кровію друзей и непріятелей.

Подобно вепрю уязвленному вращался я во всѣ страны; наконецъ конь мой палъ, и я ощутилъ рану въ бедрѣ моей.

„Судьба неправосудная! вскричалъ я въ полной ярости своей: не ужели должно мнѣ обратиться въ бѣгъ поспыдный?“

Собравъ послѣднія силы, оградясь щипомъ и воздвигнувъ мечъ, пробилъ я ряды Вражескіе и достигъ рубежей Туровскихъ. Едва довлекся я до явора шѣнисаго, силы меня оставили, мечъ и щипъ испорглись изъ рукъ моихъ, — я палъ на землю и очи мои смежились безчувствіемъ. Падшая роса вечерняя раздражила рану мою, воспрянулъ я опть сна смертнаго и окрестъ себя познаю Гломара и нѣкихъ изъ друзей моихъ. Огни возжены повсюду; рапники, раздѣленные на нѣсколько дружинъ, возлежали на холмахъ и припекали раны тяжкія. Въ недалеющемъ опть меня разстояніи

узрѣлъ я шрофеи, составленные изъ
одеждъ и оружія Муромскихъ; у ногъ
моихъ спояло довольное число випязей
вражескихъ въ одѣяніи блестящемъ;
руки ихъ скрѣплены были вервѣями!

„Праведное небо! воззвалъ я, обра-
„щаясь къ Гломару: что значить все,
„мною зримое? или полчища мои?“ —
„Юноша неопытный! опвѣстивовалъ Гло-
„маръ, заключа меня въ объятія; пол-
„чища швои разсѣяны, какъ разсѣваешь
„прахъ подъ крыломъ ревущаго вихря,
„и се зришь ты осшашки ихъ на хол-
„махъ. Но почшо народу швоему знашь
„участъ, шебя постигшую, когда она
„неблагопріятна? Чело войны измѣнчиво.
„Сей разъ возрѣла она къ шебѣ крова-
„вымъ окомъ негодованія за споль дол-
„гое швое бездѣйствіе; въ другой разъ
„осклабишь къ шебѣ уста свои какъ
„невѣста къ жениху. Народъ всегда и
„вездѣ одинаковъ. Не должно онкры-
„вать ему случаевъ, кромѣ льспящихъ его
„суешности; должно вѣчно держашъ его

„въ суешномъ очарованіи, если хочешь,
„чтобы рабъ не сдѣлался твоимъ су-
„діею! — Познай, что свершилъ я,
„и что свершишь намѣрень: Муром-
„цы, видя насъ однихъ поверженныхъ,
„другихъ разсѣянныхъ, спокойно на-
„правили пушь къ своей столицѣ. Ед-
„ва удалились они, я остановилъ ряды
„свои, собралъ оспашки воедино и паки
„обратился на поле битвы. По моему
„повелѣнію всѣ мертвые и раненые Му-
„ромцы обнажены отъ одеждъ своихъ;
„оружіе ихъ щасливо собрано, и сое-
„диненное съ оружіемъ падшихъ Турянъ,
„воздвигло сей курганъ высокій. Тогда
„успремляюсь я къ веси сосѣдственной,
„похищаю спарцевъ, юношей и паспырей
„безоружныхъ, облачаю ихъ въ одежды
„знатныхъ Муромцовъ, коихъ лица пред-
„спавягъ они при торжественномъ
„шествіи твоёмъ во градъ престоль-
„ный. Уже посланы гонцы возвѣстить
„въ тебѣ твою побѣду и скорое возвра-
„щеніе.“

Облобызаль я Гломара, друга вѣрнаго и вождя опышнаго. Къ ранѣ моей приложено зеліе цѣлебное. Вся ночь прошла въ бесѣдѣ объ ужасахъ дня минувшаго. Наупрѣе мы въ шоржествѣ двинулись къ Турову; на прешій день узрѣли высокія башни его.

Радоспный вопль народа, мѣшаясь со звономъ бубновъ и кимваловъ, колебалъ воздухъ. Спарцы, юноши, жены и дѣвы Туровскіе изшли намъ во срѣпеніе и усыпали путь цвѣтами по моему велѣнію; захваченные паспыри Муромскіе — да не возвѣспящъ народу шайны сей побѣды — всенародно преданы оспрію меча. Взошелъ я въ свои палаты бѣлокаменные, и широкій дворъ мой покрылся пиршеспвенными сполами для воинспва и народа. Яспвы и пипія были изобильныя; побѣдныя пѣсни юношей услаждами слухъ мой. Торжеспвенные огни воспылали на спогнахъ градскихъ; упоенный радоспію, возлегеь

я на ложе свое. Колико сладостна
мысль и о побѣдѣ мнимой! Чпо же чув-
ствуешь истинный побѣдитель?

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ.)

ЧАСОВАЯ БАШНЯ.

(Изъ Journal des débats).

Парижъ есть то мѣсто, гдѣ всего легче забываютъ своихъ сосѣдей. Тамъ всеобщее равнодушіе производитъ свободу. Тамъ нѣтъ докучливаго любопытства, нѣтъ спрогихъ наблюденій; каждый живетъ для себя, и живетъ какъ ему угодно. Тамъ чрезвычайныя дѣянія рѣдко вдыхаютъ энтузіазмъ, бездѣлки часто пріобрѣтаютъ славу. Моншанъ, написавшій прекрасную главу, что бы убѣдить самаго себя — не бояться смерти, изумился бы, видя Споическое равнодушіе Парижскаго жишеля. Вспрѣчается ли погребальное шествіе, оно не ужасаетъ его воображенія: это похороны, это смерть, это ничего. Ни одинъ городъ на

свѣтъ не вмѣщаль въ себѣ болѣе Философовъ: тамъ они равняются числу жишелей.

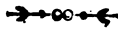
Съ прелестями, переменчивости Парижъ соединяетъ всѣ выгоды постоянства. Просподушные нравы, праощевъ тамъ сохраняются на ряду съ вѣтренною модою. Тамъ собраны всѣ крайности. Часто одна шонкая перегородка отдѣляетъ уборную щеголихи отъ древней храмины двухъ преспарѣлыхъ супруговъ бѣдныхъ, прудолюбивыхъ, вѣрныхъ и неизвѣстныхъ свѣшу, ими забвенному.

Вотъ одна таковая чеша, описание коей показалось бы вымышленнымъ, если бы весь Парижъ не могъ повѣрить его на самомъ дѣлѣ. У подножія той чешвероугольной башни, которой колоколь подалъ знакъ къ Вареоломеевской сѣчѣ, и гдѣ, какъ говоритъ преданіе, жестокій Клошарій умертвилъ племянниковъ, не взирая на слезы своей матери; — у подножія сей башни, древняго памяшника уже во время кресто-

выхъ походовъ, каждой день садился
 почтенный спарець, кошораго, подобно
 ей, кажешся, забыло время въ своемъ
 полетѣ. Пьеръ Гюешъ ешь его имя;
 предъ взоромъ сего челоуѣка прѣшекло
 слишкомъ спольше и многочисленныя
 поколѣнія исчезли. Пьеръ Гюешъ родил-
 ся въ маленькой деревнѣ, близъ Вишри.
 Онъ помнишь величавую осанку Людо-
 вика XIV; черщы Регенпа, Людовика
 XV и Людовика XVI не изгладящся ни-
 когда изъ его памяти, кошора не за-
 мѣчаешъ болѣ новыхъ предметовъ, но
 за то, подобно древней медали, сохра-
 няешъ оппечатокъ времянь прошедшихъ.
 Однажды, на шеспомъ году возраста,
 машь Гюеша держала его на рукахъ: вдругъ
 скачущъ Жандармы, Гвардейцы, Пажи;
 скоро показалась кареша, восклицанія *да*
здравствуетъ Король, раздались въ воз-
 духъ, и сей Король былъ Людовикъ XIV!
 Спустия два года, Людовика уже не бы-
 ло. Въ другой разъ Пьеръ Гюешъ, вы-
 ходя изъ церкви, увидѣлъ Госпожу Мен-

шенонъ, какъ она сама раздавала милоспыню бѣднымъ. Сіи двѣ карпины вѣзались вмѣстѣ въ его памяти и никогда болѣе не разлучались. Такимъ образомъ опдаленнѣйшія воспоминанія сполѣшняго самовидца напоминають ему безпрестанно о томъ, что Франція имѣла величайшаго и добродѣшеля почтеннѣйшаго. Сей свидѣтель прошекшаго сполѣшня, зрѣвшій начало нашего вѣка, имѣеть сто одиннадцать лѣтъ; но ходишь, слышишь и видишь, какъ будто въ шестидесять. Родившись сыномъ простаго земледѣльца, онъ оставилъ мирныя занятія своего опца и успремился за славой подъ знаменами брани. По окончаніи войны въ ГанOVERь, онъ съѣлъ съ полкомъ своимъ на суда и служилъ на флотѣ подъ начальствомъ Лабурдоней, Роша и Бугенвиля. Такимъ образомъ Пьеръ Гюешъ объѣхалъ весь шаръ земной; въ Индіи онъ видѣлъ Браминовъ спарѣйшихъ, нежели онъ шеперь, въ Таиши сласполюбцевъ роскошнѣе Парижскихъ; но не всегда

подъ кровлею дикарей встрѣчались ему нравы и сердца варварскіе. Благословенный климатъ Отаиши не могъ испребишь изъ памяти его отечества! Довѣрчивость оспровишянь, ихъ роскошная жизнь, проводимая при гробахъ, новость и свѣжесць предмешовъ, ужасы кораблекрушенія, прешерпѣннаго ихъ судами сливаюшся въ его памяти; между ими можно замѣшить разительную сцену описанную, кажешся, Бугенвилемъ, но кошорую всего лучше слышашъ опгъ Пьера Гюеша. Вопшь она: Французы прощли прелесшныя спраны и обремененные драгоцѣнными шканями прибыли уже къ берегу, какъ вдругъ были оспановлены однимъ прекраснымъ оспровишяниномъ, кошорый, лежа подъ деревомъ, приглашалъ ихъ раздѣлишь съ нимъ прохладу и успокоеніе. Они съли; Индѣецъ, склоңаясь къ нимъ съ нѣжнымъ видомъ, при звукѣ флейшы, наигриваемой его шоварищемъ, запѣлъ прошяжно шомную элегію, кошорой сладостныя шоны, казалось, пригла-

шали ихъ къ удовольствіямъ. Такъ брашки принимали они въ своемъ обществѣ Французовъ: и получили за то награду. Многіе Индѣйцы были умерщвлены шѣми самими Европейцами, съ коими они дѣлили всѣ радости, всѣ удовольствія; и когда съ трудомъ призвали въ жилища убѣжавшихъ отъ ужаса жишелей, они мстили своимъ убійцамъ, цѣлуя ихъ руки, и крича имъ непрерывно: *Тайо, мите; друзья, кто убиваете насъ!*

Не смотря на пребываніе на семь островѣ и на примѣръ своихъ товарищей, Пьеръ Гюешъ увѣряетъ, что до пятидесяти лѣтъ онъ сохранилъ совершенную непорочность. Въ сіе время онъ началъ пить вино и, по возвращеніи въ Парижъ, женился на шестнадцатилѣтней вдовѣ, которая, вмѣсто приданого, принесла ему сына, предметъ нѣжныхъ его попеченій. Сія женщина, будучи шеперь семидесяти семи лѣтъ, все еще гордится такимъ мужемъ, который

видѣль Людовика XIV. и сражался при Фоншенуа. Она его любишь, охраняешь, почишаешь и надѣешься — не пережишь его. Что касаешься до старика, онъ общается себѣ дожить до ста двадцати: не жалуясь на судьбу, которая сколько трудовъ наградила одною бѣдностію, онъ почишаетъ себя счастливымъ всякой шопъ день, копорой еще живешь, и не заботишься о завшрешнемъ. Онъ не читалъ Горація, но вся жизнь его говоришь:

Quid brevi fortes jaculamur ævo multa?

Промышленность, поддерживающая малое хозяйство сей единственной чепы, есть также одна изъ шѣхъ вещей, копорыя удаются только въ Парижѣ. Пьеръ Гюешъ, возвращаясь изъ своего путешествія, началъ продавать въ цвѣточномъ ряду зубной порошокъ прекраснымъ садовницамъ. Онъ торговалъ некогда и книгами; но совесть принудила его отказаться отъ сего занятія: добрый

спарикъ не захопѣлъ никого ни обманывать, ни развращать.

Пьеръ Гюешъ знаетъ всѣхъ кровавыхъ шарлапановъ революціи: онъ видѣлъ какъ они на своихъ трибуналахъ торговали ложью въ то время, какъ онъ въ своей лавочкѣ продавалъ горсть порошку. Сидя у подножія древней часовой башни, сей почтенный спарець съ бѣлою бородою есть образъ самаго времени. Равнодушный наблюдашеть всѣхъ партій и ихъ волненій, онъ видѣлъ какъ проходили по лицу Франціи народъ и его шираны, добрые Короли и ихъ убійцы: онъ видѣлъ какъ они исчезали, — исчезли, а онъ живешъ.

Пьеръ Гюешъ вѣритъ, что одна религія поддерживала его среди преволненій вѣковой жизни. Не взирая на закоренѣлое невѣжество, препяшпвующее ему ишши во слѣдъ за мудрецами своего вѣка, — какой прекрасной урокъ для шѣхъ, кои захопашъ имъ воспользовашся, — какой урокъ предспавляешъ сей

человѣкъ цѣломудренный въ юности,
вѣрный въ супружествѣ, довольный въ
бѣдности, достигшій глубокой старости
безъ болѣзней, оканчивающій жизнь безъ
роптанія, ожидающій смерти безъ стра-
ха, убѣжденный, что въ самомъ убоже-
ствѣ онъ не потерпѣлъ ни въ чемъ не-
достатка, ибо есть святое Провидѣнiе,
есть Богъ, никогда его неоспаивавшій.

А. Гевлицъ.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

СТАРОСТЬ.

Тебя я, Старость, величаю,
Сопутница послѣднихъ лѣтъ,
Тобою лирну пѣснь възчаю,
О дней грядущихъ чистый свѣтъ!
Подруга неразлучна мира,
На крыльяхъ шихаго зефира,
Душистыхъ розъ склоняешь въ снѣ
Своихъ поклонниковъ счастливыхъ;
При шокѣ чистыхъ водъ игривыхъ
Судишь имъ невечерній день;

И проливаешь мнѣ забавы
 На скоро спѣючи часы;'
 И гонишь призраки лукавы,
 Осеребря мои власы.
 Я озарень ея лучами,
 Имѣя приспань предъ очами,
 Смопрю, окончевая бѣгъ,
 На безну водъ невозмущенну,
 На швердь звѣздами испещренну,
 И на гуспой зеленый брегъ.

Твои, о Старость, опмешаютъ
 Доброшы чувствъ плошскихъ рабы;
 Когда узряшь, въ шебъ срѣшаютъ
 Печальну вѣспницу судьбы;
 Глася, что ты унѣхи носишь,
 Снѣгъ на главѣ, ледъ въ сердцѣ носишь;
 Но зрѣнье погубя иль слухъ,
 Въ пуши непрешкновенна старость
 Дней при концѣ срѣшаешь радостъ,
 Пишая въ сердцѣ пылкій духъ.

Горацій мнилъ за пѣснь на лирѣ
 Средь воздуха имѣшь полетъ,
 Мечталъ жишь непрестанно въ мѣрѣ,
 Въ лебяжій чистый пухъ одѣшь;
 Кшо вѣдаешь, куда стремишься,
 Кшо могъ спраспямъ не покориться,
 Не облачаясь въ легкій пухъ;
 Но свыше чувствомъ воскрешенной,
 Тотъ при концѣ сей жизни плавающей
 Здѣсь небожилель, свѣшлый духъ. II

Младенчество и возрастъ зрѣлый,
 Превозносима юность лѣшь
 Намъ въ жизни крутъ являющъ цѣлый
 Волненія спрасстей и бѣдъ.
 Ненасышимость вождельній,
 Непостоянство наслажденій
 Трехъ кончалъ возрастовъ покодъ.
 Алчба и хитрѣя Цирцей,
 Воздушныхъ зданіевъ зашѣи
 Приносяшъ часто горькій плодъ.

Гдѣ мигъ покоя, наслажденья
 Средь вихря спраспной суеты?
 Гдѣ часъ полезна размышленья?
 Гдѣ ясно чувство красоты?
 Едина старость, другъ совѣта,
 Веселье черплетъ въ нѣдрахъ свѣта;
 Питая къ красотѣ любовь,
 Цвѣтущей розой взоръ плѣняетъ,
 Со стебля дерзко не срываетъ
 И завтра обоняетъ вновь.

При блескѣ свѣтлыя лазури,
 Лющей радостъ на моря,
 Зришь старостъ ужасъ дальней бури,
 Разсудкомъ чувства озаря.
 Премудрой крошоспи послушна,
 Она бодра и равнодушна,
 Гласишь безмездные суды;
 Куришь предъ небомъ еиміамы,
 Проводишь рѣки, зиждешь храмы,
 Расшишь и роши и сады.

Оставя дольніа предѣлы,
 Подобясь юному орлу,
 Касаеця, простира взоръ смѣлый,
 Не измѣримыхъ горъ челу.
 Сугубя разума великосць,
 Напуры побѣждаетъ дикосць,
 Спуска на вышній рядъ холмовъ.
 Бросаетъ молнии Россійски,
 Колебя высопы Алпійски,
 Въ пространствѣ носится вѣковъ.

Когда шекутъ прошивныхъ силы,
 Завоеванья пѣща страсть —
 Разрушишь древнія могилы,
 Законовъ опровергнушь власць,
 Вооружая спаросць длани
 Себя вручаетъ богу брани,
 Зришь мечъ висящій надъ главой;
 Пустьъ люпы громы окрестъ внемлеть:
 Опечесво съ одра подъемлеть,
 Равняетъ съ небомъ высокою.

Какъ лебедь при водахъ Меандра,
Проспря полетъ свой на Парнассъ,
Поетъ Херасковъ АЛЕКСАНДРА,
Высокій испуская гласъ.
Пипомецъ Камы многолѣпный,
Срѣшая ночь и мигъ послѣдній,
Гремишь на Званкѣ Фебовъ сынъ;
Молю Создателя вселенны
Въ часы исхода мнѣ свѣщенны
Да воспую созданья чинъ!

Графъ Д. Хвостовъ.

КЪ МОЕМУ ГЕНИЮ ХРАНИТЕЛЮ.

Изъ Л.....

Куда мой Геній ушѣшишь,
Куда лѣпишь ты опъ меня,
Не давши сладость бышя
Возчувствовашь, о мой хранитель,
О Геній мой!

Помеди часъ еще, не болѣ
Тобой мнѣ насладишься дай:
Въ тебѣ я находилъ мой рай,
Съ побой я жилъ въ счастливой долѣ;
О Геній мой!

Когда я первое дыханье,
На свѣпъ являя, испустиль;
Въ меня ты бодрость духа влиль,
Ты первое мнѣ далъ лобзанье,
О Геній мой!

Съ щѣхъ поръ, тобой руководимый,
На свѣпъ я съ прелесью взираль
И первый гимнъ — тебѣ бряцаль,
Тебѣ, въ душѣ моей всечпимый,
О Геній мой!

Я жилъ съ тобой одно мгновенье,
Еще продлишь его хопѣль;
Но часъ ужасный вдругъ приспѣль —
И я оставленъ безъ призрѣнья,
О Геній мой!

Оставленъ средь волненій въ морѣ;
Меня хранишь лишь ушлый чолнъ,
И топъ погибнешь среди волнъ;
Тогда конецъ моей опорѣ,
О Геній мой!

Но ты мнѣ явишься въ волненьи
 И руку помощи поспрешь,
 Меня изъ безднѣ извлечешь,
 Въ сіе ужасное мгновенье,
 О Геній мой!

Лѣши же добрый мірожитель,
 Лѣши другихъ ты охраняшь,
 Крыломъ отъ бѣдспвіи осыняшь;
 Лѣши несчастныхъ упѣшитель,
 О Геній мой!

Когдажъ вечернею порою
 Освободясь отъ узъ своихъ,
 На часъ покинешь бремя ихъ;
 Тогда ко мнѣ пушись спрѣлою,
 О Геній мой!

Ко мнѣ въ обитель ты Природы,
 Тобой хранимую отъ бѣдъ,
 И проложь мнѣ къ счастью слѣдъ,
 Воспользуйся часомъ свободы,
 О Геній мой!

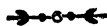
Тогда въ восторгъ умиленья
Пролью невольно слезы я
И, бросивъ иго бышя,
Засну на вѣкъ опъ услажденья,
 О Гений мой!

Ал. Дуропъ.

КАРТИНЫ ВЕЧЕРА.

(Изъ Маттисона.)

Коль вечеръ прохладный,
Спокойный, опрадный,
Низходитъ на лѣса, на пажиси съ росою,
Румянѣя заря сіяетъ за горою,
Паспухъ, скликая въ рогъ разсѣянный спада,
Въ усалоспѣ ихъ ждетъ у яснаго пруда.

Коль заяць пугливой
Въ правѣ молчаливо
Трилиспникъ и цвѣшны разборчиво вкушаетъ,
Роговъшвиства лань долину пробѣгаетъ,
И серна робкая взираетъ на пуши,
Гдѣ къ ночи мирное приспанище найши.

Коль съ поля полпами
 На шляпахъ съ вѣнками,
 Спѣшашъ подь мирной кровъ жнецы прудо-
 любивы,
 И жребій свой поюшъ, незнапный, но счасш-
 ливый,
 На встрѣчу милыя подруги къ нимъ спѣшашъ
 И чада нѣжныя обяшьемъ ихъ даряшъ.

Тогда ошущаю
 Я радость, взираю
 Съ воспоргомъ на спрану красой многооб-
 разну,
 Дивлюсь вселенныя спроецію прекрасну,
 И слезы радости сердечной говоряшъ,
 Чего не можно намъ словами выражашъ.

Сокрышъ правую злачной
 У рѣчки прозрачной,
 Я слышу пѣночки умильно, нѣжно пѣнье;
 Тамъ соловей меня приводитъ въ восхищенье,
 А здѣсь малиновка въ кустарникѣ поешъ,
 И милую свою подь крылышко зовешъ.

Ахъ! можноль рѣшишься,

Въ сей часъ удалишься?

Пока не смолкнешь все, спопы мои блуж-
дающъ ;

Любуюсь какъ въ дали предмѣты исчезающъ,

Здѣсь жукъ мелькаешъ, шамъ сова въ дуплѣ
кричишь ,

И лаемъ вѣрный песъ селеніе хранишь.

Тогдажъ какъ небесной

Луны свѣтъ прелесной

На влажной зелени едва еще мерцаешъ,

И вмѣстѣ на конецъ съ звѣздами пошухаешъ ;

Всѣ чувшва, что въ душѣ своей возмогъ
вмѣспить ,

Иду я съ милою подругой раздѣлишь.

Розенмейеръ.

П Ъ С Н Я.

(Подражаніе Французской: *Si le bon Roi Henri*).

Естьлибъ Царь Москву мнѣ далъ
Съ шѣмъ, чѣмъ съ милой я разстался,
Огъ Москвыбъ я отказался
И Царю сказалъ:

Славенъ градъ швой въ поднебесной,
Бѣлокаменна славна;
Но безъ Лизаньки прелестной
Мнѣ на что она!

Града нѣшъ у насъ инова
На Руси, въ странѣ родной,
Кромѣ Кіева святова,
Чѣмъ сравнишь съ Москвой.

Машушка — Москва сіедетъ,
Зашо въ ней горитъ какъ жаръ,
Про нее свѣтъ бѣлый знаетъ:
Царь! великъ швой даръ!

Всѣмъ тогда челомъ мнѣ было
 И Бояра и Князья;
 „Гдѣ же — сердцебъ лишь спросило:
 „Милая пвоя!“

Сердце съ сердцемъ подружася,
 Хочешь вмѣспѣ свѣковашь:
 Сердце съ сердцемъ разлучася,
 Будешь вѣкъ спонашь.

Нѣпшъ, надѣжа - Царь великой!
 Не хочу Москвы пвоей;
 Лучше жить въ пустынь дикой
 Съ милою своей! —

Дай намъ хижинку просшую,
 Въ Брянскихъ, въ Муромскихъ лѣсахъ:
 Раемъ чпушь спрану пусшую,
 Гдѣ любовь въ сердцахъ.

Ө. Глинка:

КЪ ДРУГУ МОЕМУ В...ю Г...у Л....у.

.....
.....
Чтожь замѣдиль ты? безцѣнный!
Въ *новой* домикъ мой смиренной,
Заѣзжай, мой *старый* другъ!
Здѣсь въ объятіяхъ природы,
Дружбы, мира и свободы,
Побесѣдуемъ самдругъ.
Здѣсь сваливъ заботы бремя,
Вспоманемъ пропекше время:
Съ *новымъ* *старое* сравнимъ,
Улыбнемся, погрустимъ! . . .
Сладко жить надѣминаемъ!
Приѣзжай! — и мы свиданьемъ
Дни свиданья позлашимъ! —

Здѣсь еще зируешь лето:
Въ злато, въ зелень все одѣло,
Миръ подсолнечный цвѣщеть;
Съ ясною высокою небесной
Солнце, Царь свѣшилъ чудесной,
Жизнь, любовь и радость льётъ! . . .
Но часы бѣгутъ какъ воды,
Скоро пускнеть блескъ природы,
Скоро осень зашумитъ:
Смолкнеть ппичекъ щербешанье,
И цвѣшовъ благоуханье
Съ бурнымъ вихремъ улепитъ! —
Быстры въ мирѣ измѣненья!
Видишь спрашныя явленья!
Видишь — весь смушился свѣтъ,
Все что дышетъ подъ луною
Поражаешся войною;
И въ свирѣпомъ морѣ бѣда
Тонуть падшія Державы,
Тамъ спонь жизни, смерти гласъ
Ахъ! доколь бѣды яровавы
Не дошли еще до насъ,

Притаимся, другъ безцѣнный!
Въ мой укромной уголокъ,
Чтобъ, на всѣхъ ожесточенный,
Не нашелъ насъ лютой рокъ!

Ө. Глинка.

МОЯ НАДЕЖДА

Романсѣ А. С. Кайсарова (*).

Надежда! пы моей Богиней
Была, когда и я мечпаль, —
Когда любезною Ельвиной
Мой спраспный духъ во мнѣ старалъ!
— Ельвины нѣпъ ужъ для меня!

Надеждой сладкой наслаждался,
Когда Росслава я нашель;
Но онъ увяль, — а я оспался —
И сладкй сонъ опяпъ прошель!
Росслава нѣпъ ужъ для меня!

(*) Романсѣ сей не былъ еще напечатанъ равно какъ и другія стихотворенія сего почтеннаго любителя словесности. Г. Алферьевъ положилъ оный на музыку еще при жизни Г. Кайсарова.

Надеждою душа пипалась,
 Когда Всемилу я любилъ ;
 Я мучился, она смѣялась, —
 И шомный духъ на вѣкъ унылъ !

Всемилы нѣтъ ужъ для меня !

Я спроилъ замки — разрушались ;
 Я снова спроишь начиналъ :
 Мои мечпанья миновались,
 Я щѣломъ и душей увялъ !

Теперь въ развалинахъ спою !

Корабль спремишся чрезъ пучину —
 Въпръ снаспи и въприла рвешъ :
 Онъ не брежешъ свою судьбину —
 Надежда вмѣспѣ съ нимъ плывешъ :
 На чшожъ и кормчій для него !

А мой челнокъ куда несешся ?
 Гдѣ будешъ приспанъ для него ? —
 Еще надежда оспаешся
 Несчастному пловцу его —

И для меня можила естѣ !

СВѢЧА и ЩИПЦЫ.

(Басня.)

„Что вашей участи несноснѣй можетъ
быть,

„Горящая свѣча щипцамъ сказала!

„Вы созданы на то, чѣмъ мнѣ слу-
жить

„И все то исполнять, чѣмъ ни пожелае;

„Ну словомъ, созданы для прихошей мо-
ихъ!“ —

Щипцы, копорые смиренно

Лежали близъ свѣчи заженной,

Ни слова не сказавъ, приподнялись — и
въ мигъ

Хваспунью свѣчку загасили.

О ешьлибъ хваспуновъ
 Такъ завсегда учили :
 То вѣрно бы они скромнѣе были
 И цѣну знали бы щипцовъ.

Ал. Дуровъ.

С М Ъ С Ъ.

О САВАРИ И ЕГО СОЧИНЕНІЯХЪ.

Н. Савари родился въ Вишре, что въ Брешани, и учился съ большимъ успѣхомъ въ Бениъ, а въ 1776 году отправился въ Египетъ, гдѣ пробылъ около трехъ лѣтъ. Сей молодой путешественникъ непрерывно занимался прѣмя предметами: изученіемъ Арабскаго языка, изысканіемъ древностей и наблюденіемъ нравовъ и обычаевъ народныхъ. Разсмотрѣвъ Египетъ какъ ученый и какъ Философъ, отправилъ онъ на острова Архипелагскіе, и въ полтора года объѣхалъ ихъ, какъ любопытный и умный наблюдатель. Возвратясь во Францію въ 1780 году, издалъ онъ слѣдующія сочиненія:

1. Алкоранъ Магомешовъ, переведенный съ Арабскаго языка, съ присовокупленіемъ краткаго описанія жизни Магомеша. 1783 года, въ двухъ томахъ.

2. Ученіе Магомешово, или собраніе чистѣйшихъ правилъ нравственности, взятыхъ изъ Алкорана. Сіе сочиненіе извлечено изъ вышепомянушаго перевода, которъй весьма шочень и написанъ прекраснымъ слогомъ.

3. Письма о Египтѣ, 1785 года въ шрехъ томахъ (перепечатанныя въ 1799 году, или въ 7 году Французской республики въ чепырехъ томахъ). Сіи письма приняты съ величайшимъ одобреніемъ. Сочинитель излагаетъ свои наблюденія весьма шщашельно, описываетъ живо, и придаетъ повѣствованіямъ своимъ какую-то неизъяснимую занимательность. Каршины его вообще весьма вѣрны; но его по справедливости укоряли въ томъ, что онъ Египтянъ и новый Египетъ предшавляетъ слишкомъ въ хорошемъ видѣ. Не смотря на сей недосшапокъ, письма о Египтѣ были раскуплены и чишаны съ удовольствіемъ и пользою. Пупешествіе Волнея болѣе уважается потому, что онъ не сполько усиливался бытъ Ришпоромъ, повѣствуетъ съ болшею шочноспію и вѣрнѣе дѣлаетъ наблюденія. Можно сравнить извѣспія обоихъ пупешественниковъ, дабы сошавили себѣ истинное поняшіе о странѣ, которую они описываютъ. Будучи ободренъ

успѣхомъ своего путешествія въ Египеть, Савари готовилъ письма о Греціи; но умеръ въ цвѣтущихъ лѣтахъ, 4 Февраля 1788 года, въ Парижѣ. Живой и образованный разумъ, чувствительное и доброе сердце, пылкое воображеніе, хорошая память, непринужденная и крошечная веселость и даръ пріятно разсказывать дѣлали бесѣду его занимательною и полезною. Хотя онъ и не вовсе не любилъ похвалы, онакожь по собственному влеченію убѣгалъ отъ всякихъ нескромныхъ рукоплесканій. Мало показывался въ свѣтѣ, но зато съ большимъ тщаніемъ выполнялъ обязанности сына, брата и друга.

Вопъ что почти слово въ слово сказано о Савари въ новомъ Историческомъ словарѣ, изданномъ въ Лионѣ 1804 года (*). Надѣмся, что не будетъ излишнимъ и наше замѣчаніе на счетъ сего путешественника. Будучи одаренъ живымъ, пылкимъ воображеніемъ, и

(*) Должно замѣшисъ, что это не пошь Савари, который издалъ Коммерческій Словарь. — Послѣдній жилъ за нѣсколько лѣтъ прежде нашего путешественника. *Voyes le nouveau Dictionnaire historique, par Chaudon et Delandine, (Lyon 1804) T. XI.*

находяся въ двѣшущихъ лѣпахъ, мудроно ли, что онъ видѣлъ иногда предметы въ лучшемъ свѣтѣ, нежели каковы они на самомъ дѣлѣ. При томъ, можешь быть, опчасши и полезное для него и чинашелей его предубѣжденіе къ Классическимъ спранамъ, въ которыхъ онъ находился, придавало карпинамъ его шѣ яркія краски, которыми онъ списалъ намъ древнюю колыбель наукъ и художествъ. Жаль, что онъ не успѣлъ дописать путешествія своего по Греціи, коего первый шолько томъ былъ изданъ. Мы желаемъ въ послѣдствіи времени предложитъ въ опривкахъ нѣкоторыя изъ его писемъ на судъ нашимъ чинашелямъ. Они увидятъ, какое впечатлѣніе производили на него красоты природы, изящныя произведенія искусствъ, и все, что можешь плѣнять чувства и умъ въ мірѣ нравственномъ. Савари былъ путешественникъ и Поэтъ, — не спанемъ осуждать его за то, что онъ прельщался шѣмъ, чѣмъ всегда можешь прельстишься человекъ съ образованнымъ вкусомъ и чувствительною душою.

О. Сомовъ.

УЧЕНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Объ источникахъ Сѣверной Исторіи.

Древнія лѣпописи Дашчанъ, Норвежцевъ и Шведовъ со стороны историческаго достоинства не заслуживаютъ большаго уваженія. Онѣ составлены въ позднѣйшія времена несвѣдущими людьми, и кажутся предназначены только къ тому, чтобы удовлетворить сосѣдственной ненависти между Шведами и Дашчанами. По большой части писаны онѣ спихами и служатъ только памятниками преобразованія древняго Скандинавскаго (Исландскаго) языка въ нынѣшній Дашскій и Шведскій. Изъ нихъ можно исключить одного *Саксо Грамматика*, жившаго вскорѣ послѣ Нестора. Впрочемъ онъ уважается болѣе за чисную и прекрасную его латынь, кою отличаетъ онъ предъ всѣми писателями среднихъ вѣковъ, нежели за исто-

рію (*). Изъ сего явствуетъ, что единственными источниками Скандинавской Истории служатъ только Исландскія Саги (повѣствованія). Исландскіе Скальды, Исландскіе воины и купцы спростовали по всему Сѣверу и были очевидцами многихъ важныхъ между народами происшествій, не принимая въ нихъ никакого участія. Они одни имѣли просвѣщеніе, какое только въ тогдашнее время существовало. Возвратясь въ дома, рассказывали друзьямъ своимъ что видѣли и слышали, и пошъ кто соотечественникамъ своимъ могъ объ отдаленной части свѣта сообщить болѣе достовернѣйшихъ извѣстій, почиался мудрѣйшимъ. Сіи историческія извѣстія были соединены съ познаніями въ Географіи, Статистикѣ и Политикѣ. По сему Исландскіе повѣствователи были образованнѣйшіе во всемъ Сѣверѣ люди. Но достойно сожалѣнія, что не всѣ они сами писали свои извѣстія, исключая *Снорре Стурлесона*, (**)

(*) Saxonis Grammatici Historiae Danicae Libri XVI. E.—rec. S. J. Stephani. Lipsiae 1771. in-4°.

(**) Heimskringla eller Snorro Sturlesens Norske Kongers Historie. i 3 Dle. Fol. Kbh. 1777-1783. Издана Скеннингомъ и Торласіемъ. Подлин-

занимавшего самое высшее званіе въ Исландской республикѣ.

Симъ Сѣвернымъ Испорикамъ или повѣспвоашелямъ *Гардарике* (Россія) весьма была извѣстна. Варяги часпо проходили все Царство; шорговля была тогда весьма значительна. Упѣсняемые въ Скандинавіи Принцы, большею частію удалялись въ Гардарику: поелику царствующій дѣмъ произошелъ изъ Скандинавіи и Скандинавскій языкъ върояпно при дворѣ былъ въ употребленіи. Но поелику Россія весьма ошдаена была ошъ Исландіи и дворъ не содержалъ Скальдовъ, по нишко не имѣлъ случая соспавишь подробное повѣспвозаніе о семъ Государствѣ и только случайно встрѣчающя у Исландцевъ извѣстія о Россіи. Въ нѣкопорыхъ Сагахъ упоминается о многихъ Князьяхъ Россійскихъ, имѣвшихъ свою сполицу въ спарой Ладогѣ (*Aldeygoborg*) или Холмоторахъ (*Holmgardr*). Владиміръ называется шамъ

ный шекслъ писанъ по Исландски, къ коему въ семъ изданіи приобщенъ Лапинскій и Дашскій переводы. Снорре для древней Норвежской Испоріи поже, чпо Саксо для древней Дашской и болѣ его досшовѣренъ.

Waldemar, а Ярославъ Jarisleifr. Во время перваго Ладога взята была Скандинавцами и разорена до основанія (*).

Сообщимъ теперь извѣстіе о новѣйшихъ и важнѣйшихъ Историкахъ Датскаго и Шведскаго Государства. — Петръ Фридерикъ Сумъ Королевско - Датскій Исторіографъ, одинъ изъ знаннѣйшихъ Вельможъ Даніи, посвятившій свою жизнь и имущество наукамъ, оставилъ по смерти своей многія любопытнѣйшія сочиненія, относящіяся большею частію до Исторіи всего Сѣвера. Библіотека его въ свое время почиталась между частными богатѣйшею. Онъ всегда содержалъ нѣсколько Исландцевъ и другихъ ученыхъ на своемъ иждивеніи. Всѣ источники Сѣверной

(*) Въ Сагъ о Королѣ Олавѣ Тригвасонѣ въ ХС VII главѣ о семъ происшествіи сказано: „Ерикъ Ярль пришедъ во владѣнія Царя (Koning) Валдимара началъ грабить и умерщвлять людей, пожигая все то, что ему на пути ни встрѣчалось и опустошая землю. Онъ приблизился къ Старой Ладогѣ (Aldeiguborg) и осаждалъ оную, пока не овладѣлъ ею, при чемъ много погибло народу. Онъ разорилъ и сожегъ весь городъ и пошелъ съ оружіемъ далѣе въ Россію (Gardariki).

Исторіи были ему совершенно извѣстны, и критически имъ самимъ изслѣдованы. Не только Дашчане, но и самые Шведы почитаютъ его единственнѣйшимъ и достовернѣйшимъ повѣствователемъ о Скандинавскихъ временахъ. Важнѣйшія его сочиненія суть слѣдующія.

1) Одинъ или древняя Сѣверная Мифологія. 1 томъ въ 4. Копенг. 1771 (*).

2) О происхожденіи Сѣверныхъ народовъ въ 2хъ томахъ въ 4. (**).

3) Критическая Исторія Даніи въ 4 томахъ въ 4. (**), въ коей особенно изслѣдованы имъ всѣ источники древней Исторіи до введенія Христіанства.

4) Начертаніе Исторіи происхожденія народовъ вообще, служащее введеніемъ въ Сѣверную Исторію. Кпг. 1796. въ 4.

5) Характеры Дашскихъ Королей XI вѣка.

6) О Кнудѣ Великомъ, Король Даніи, Англіи и Норвегіи.

(*) Om Odin og den hedenske Gudelære og Guds-tjeneste udi Norden. Kbhvn. 1771. 4.

(**) Om de fra Norden udvandrede Folk i 2 B. 1772-73.

(***) Kritisk Historie af Danmark. Kbh. 1774-81. 4 Bind i 4 og et Bind Tabeller i Folio.

7) Большая Датская Исторія въ одинадцати томахъ въ 4 (). Она заключаетъ собственную Историю въ полной ея связи съ прочимъ Сѣверомъ и другими землями до 1319 года когда пресѣклась древнѣйшая Датская Династія. Норвежская Исторія не составляетъ у него главнаго предмета. Для сего могутъ служить *Торфеусъ* Исландецъ, писавшій по Лашынъ (**), и *Скёнингъ* Норвежецъ, писавшій по Датски (***). *Нирупъ* важнѣйшій историческій писатель въ Даніи въ письмѣ недавно здѣсь полученномъ относительно Историі Сума говоритъ: „что касается до древнѣйшихъ связей Россіи съ Скандинавіею, то Датская словесность имѣетъ единственное въ семь родѣ сочиненіе. Нѣтъ почти ни одного вопроса кошорый бы въ ономъ изслѣ-

(*) P. F. Suhms Historie af Danmark fra de ældste Tider i XI Dele i 4. Kbhvn. 1782 - 1812. Первые два тома переведены Грешеромъ на Нѣмецкій языкъ.

(**) Thormod Torfæi Historia rerum Norvegicarum. 4 T. in fol. Hafn. 1711. Исторія его продолжается до 1387.

(***) G. Schöning Norges Riges Historie. Опись древнѣйшихъ временъ до 995. 3 Ч. въ 4.

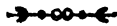
дованъ не былъ со всею подробностію и точностію.“

8) Сверхъ сего издалъ онъ извлечение изъ Дашской и Норвежской Испоріи съ таблицами для упошребленія въ училищахъ, копорая введена во всей Даніи (*).

9) Онъ также написалъ много мѣлкихъ сочиненій въ историческомъ и эстетическомъ родѣ. Между послѣдними особенно опличающіяся Сѣверныя повѣсти (романы). Всѣ онѣ изданы особо подѣ заглавіемъ: Мѣлкія сочиненія Сума въ 18 томахъ въ 8. Сего же автора помѣщены въ историческихъ сочиненіяхъ Королевскаго Общества Наукъ въ Даніи (переведенныхъ въ 1797 и 1799 годахъ на Нѣмецкій языкъ Валенпиномъ Гейнце, въ VII и VIII томахъ) два разсужденія, относящіяся до Рос. Исп., одно о Печенѣгахъ, а другое о Казарахъ.

Сумъ писалъ почти всѣ сочиненія свои по Дашски: изъ нихъ ни одно еще до сихъ

(*) Historie af Danmark, Norge og Holsten. Kbh. 1776. 8. Нѣмецкій переводъ напечатанъ въ Фленсбургѣ 1771. 8. Новѣйшее изданіе сей Испоріи на Даш. въ 1813. Проф. Верлауфа почтиаешся превосходнымъ.

поръ, крѣмъ вышеупомянутыхъ, не переведено
вполнѣ ни на какой иноспранный языкъ, хо-
пя и сдѣланы изъ нихъ маловажныя извле-
ченія.

Важнѣйшее мѣсто послѣ Сума — зани-
маетъ по признанію самихъ Дапчанъ и Нор-
вежцевъ *Лагербринкъ* Шведскій Историкъ.
Главное его сочиненіе (неокончанное), есть
Шведская Исторія въ 4 томахъ 4. (*). Въ Да-
нии и Швеціи Исторія Далина и Малеша
оставлены и почти забыты. — *Галленбергъ*,
нынѣшній Исторіографъ Шведскаго Королев-
ства собралъ поправленія и дополненія къ
Исторіи Лагербринка, а особливо относитель-
но древнѣйшихъ временъ, кои симъ Испори-
комъ, недовольно были изслѣдованы. Онъ на-
ходился шеперь въ глубокой старости и про-
велъ всю свою жизнь въ ученыхъ изслѣдова-
ніяхъ. Онъ сдѣлалъ множество извлеченій
изъ Персидскихъ испочниковъ, относящихся
къ Исторіи сей Монархіи; также написалъ
на Лашинскомъ языкѣ разсужденіе объ Ин-
дѣйскихъ Зодіакальныхъ монетахъ. Все сіе
находится еще въ рукописи. Между издан-

(*) Sven Lagerbring Svea Rikes Historie 4 Dle.;
она доведена до 1457.

ными сочиненіями его, заслуживающъ внима-
ніе: Историческо - Философское изъясненіе
Апокалипсиса въ 3 хъ томахъ въ 8, написанное
на Шведскомъ языкѣ. Кромѣ сего напеча-
таны многія разсужденія его относящіяся до
изслѣдованія древностей; при чемъ онъ по-
мѣщалъ всегда вмѣсто виньетовъ изображенія
Куфскихъ монетъ. Для изъясненія надписей
на монетахъ сего рода, издалъ онъ на Латин-
скомъ языкѣ съ приложеніемъ рисунковъ осо-
бое руководство. Желательно, чшобы сей
почтенный писатель рѣшился напоследокъ
при жизни своей издать полное собраніе
своихъ сочиненій, которыя въ историческихъ
и богословскихъ наукахъ, равно какъ и въ дре-
вностяхъ, могли бы ученому свѣту оказать
важную услугу.

Лб — о.

Валлихъ изъ Евреевъ, родившійся въ Коп-
пенгагенѣ и воспитывавшійся въ тамошнемъ
Университетѣ занимался въ особенности Бо-
таникою. По окончаніи наукъ, онъ отпра-
вился въ Остъ - Индію и сдѣлался Директо-
ромъ ботаническаго сада въ Калькуштѣ. Ча-
сто присылалъ онъ опшуда въ Копенгагенъ

Профессору Горнеману множество съменъ для обогащенія ботаническаго сада Индѣйскими распѣніями, а недавно предъ симъ исходопайствоваль онъ у Англійскаго Правительства для Университетской Коппенгагенской библіотеки важное приношеніе, состоящее изъ всѣхъ книгъ, изданныхъ въ послѣдніе годы въ Калькуштѣ и Серампулѣ. Сіи сочиненія относятся до Санскрипской словесности и, другихъ Индѣйскихъ языковъ; многія шакже написаны на Арабскомъ и Персидскомъ языкахъ. Въ подарокъ за сіе отправлены нынѣ къ нему изъ Университета всѣ сочиненія, касающіяся до Исландской словесности, какъ що изданныя въ Коппенгагенѣ Саги, словарь и грамматика, а Его Величество Дашскій Король въ уваженіе таковыхъ заслугъ, пожаловаль его Кавалеромъ ордена Данеброга. Пребываніе Валлиха въ Калькуштѣ весьма благопріятно для изслѣдователей Санскрипскаго языка и словесности; поелику можно надѣяться, что связь его съ Дашскими Профессорами, откроеть Европейскимъ ученымъ болѣе средствъ къ познанію Санскрита.

Въ предидущей книжкѣ сего журнала упомянуто было (*), что Т. С. Бюловъ, чрезъ Королевское Датское Общество Наукъ предложилъ задачу о сродствѣ Индѣйской Миеологии съ Сѣверною. Нынѣ извѣстно, что общество сіе получило подробное и весьма любопытное сочиненіе Профессора Финна Магнусена, которое въ полномъ собраніи членовъ единогласно удостоено положенной награды. Полное заглавіе онаго (есль слѣдующее: *Ученіе содержащееся въ Эддахъ и происхождение онаго или точное изложеніе баснословія и мѣній древнихъ Скандинавцевъ о началѣ естества, судьбы, міра, Боговъ, духовъ и тельцевокъ; сраененіе оныхъ какъ съ природою такъ и съ миеологическими системами Грековъ, Персовъ, Индѣйцевъ и другихъ древнихъ народовъ; съ приобщеніемъ историческаго изслѣдованія о происхожденіи и сношеніяхъ достопамятнѣйшихъ народовъ древнео міра.* — Сочиненіе сіе написано по Датски и скоро будешъ напечатано. Оно составляетъ въ рукописи почти сто листовъ. — Сочинитель вѣроятно не ограничивался поверхностнымъ

(*) №: 94 стр. 373.

обозрѣніемъ своего предмета; но старался изслѣдовать оный со всею подробностію. Сего надѣяться можно, какъ по причинѣ отличныхъ его дарованій, такъ и потому, что онъ пользовался всѣми важнѣйшими источниками; припомъ извѣстно, что Дашское Королевское Общество Наукъ есть весьма строгое судилище.

— Десятый классъ Королевскаго Инспитупа наукъ, словесности и изящныхъ искусствъ въ Нидерландахъ предложилъ слѣдующую задачу: *Какого произхожденія народы извѣстные подѣ именемъ Славянъ? Какія сношенія имѣли Славяне съ Тевтоническими племенами; какое вліяніе имѣли какъ сіи сношенія такъ и Славянскій языкъ на языки Тевтоническаго произхожденія и особенно на древнее Нидерландское нарѣчіе?* — Рѣшенія сихъ вопросовъ могутъ быть писаны на языкахъ: Голландскомъ, Латинскомъ, Французскомъ, Англинскомъ или Нѣмецкомъ (Латинскими буквами). Разсмотрѣніе оныхъ послѣдуетъ 31 Декабря 1819 года. За рѣшеніе сей задачи положено въ награду 300 франковъ.

Лб—о.

Его Величество Король Прусскій явилъ новое доказательство покровительства и любви своей къ наукамъ. Знаменимый путешественникъ Баронъ Александръ Гумбольдтъ намѣревался за нѣсколько лѣтъ тому назадъ предпринять путешествіе въ Воспочную Индію, надѣясь побывать также на высочайшихъ мѣстахъ Тибета и посѣтить колыбель человеческого рода и его посвященія. Онъ желалъ также объѣхать простирающійся на Воспокъ отъ Индіи Архипелагъ, коего обитатели — мореплаватели, разсѣянные по всей поверхности великаго Океана, — составляютъ одно изъ достопримѣчательнѣйшихъ народовъ. Сіе путешествіе можетъ составить нѣчто цѣлое, будучи соединено съ тѣмъ, коимъ Гумбольдтъ учинилъ съ успѣхомъ по возвышеннѣйшимъ странамъ Южной Америки, гдѣ обозрѣлъ онъ памятники народовъ, получившихъ какъ кажется отъ Азіи свою священную вѣру и астрономическія системы.

Такое путешествие требуетъ значительныхъ предуготовленій и превышаетъ способы частнаго человѣка: но Гумбольдтъ, сдѣлавшій споль великаго пожертвованія наукамъ, обрѣлъ необходимое для него вспоможеніе отъ высокихъ щедростей своего Мо-

нарха. Принявъ въ семь дѣлъ живѣйшее уча-
 стіе, Король, даннымъ на имя его въ Эксъ-
 Ла-Шапеллѣ 19 Октябрия сего года по нов. сп.
 Рескриптомъ, опредѣлилъ для совершения сего
 путешествія по двѣнадцати тысячъ шадеровъ
 на годъ и дозволилъ ему взять съ собою всѣ
 нужные для шаковаго предпріянія физическіе
 и астрономическіе инструменшы. Вѣроятно,
 что большое швореніе начатое Гумбольдтомъ
 окончано будетъ еще до опѣвзда его въ Индію.

— Спаль занимается нынѣ приугошовлені-
 емъ полного изданія сочиненій своей машери.
 Сіе изданіе, кошорое выйдешъ въ слѣдущемъ
 году, содержащъ будетъ великое число сочи-
 неній еще нигдѣ не напечатанныхъ. Спаль
 напечатанаешъ въ тоже время польныя шво-
 ренія Неккера, къ коимъ прибавлено будетъ
 множешво сочиненій, касающихся до управ-
 лена сего Государшвеннаго человѣка.

— Нынѣ снаряжаютъ въ Рошефоршѣ ко-
 рабль для обзорнія Бразильскихъ береговъ.

— Въ Лондонѣ введенъ новый родъ увесе-
 ленія. Онъ состоишъ въ томъ, что въ ши-
 хое и ясное время опускающся на дно морское
 посредствомъ колокола. Последніе журналы
 повѣсцвуютъ объ одномъ изъ шаковыхъ путе-
 шествій. Миссъ Клеменсъ бывъ на днѣ мор-

скомъ около двадцати пяти минутъ, собрала множество раковинъ на глубинѣ сша двадцати фузовъ.

— Въ Парижѣ издано новое географическое и топографическое описаніе Европейской Россіи. Жаль, что Французы не умѣютъ пользоваться всѣми источниками, которые прилжными Россіянами представлены ученому свѣту во множествѣ. Сіе изданіе составляетъ одно покло сокращеніе и выписку изъ географическаго и историческаго словаря Россіи, напечатаннаго въ Москвѣ 1813 года Всеволожскимъ.

— Тамъ же вышелъ на 1819 годъ новый Альманахъ подъ заглавіемъ : *Almanach des Guerriers français.*

— Его Величество Король Прусскій издалъ 18 Октябрю по нов. ст. повелѣніе, касательно основанія Университета въ Боннѣ. Въ ономъ находишься будущъ пять факультетовъ : Богословскій католическій, Богословскій протестантскій, факультетъ Правовѣденія, факультетъ Медицины и факультетъ Философіи и изящныхъ наукъ. Первые два, равные въ званіи и правахъ, по переменнѣ избираютъ изъ года въ годъ въ званія академическія. — Въ то же время публикованъ былъ

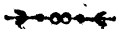
рескриптъ Короля къ Князю Гарденбергу, заключающій въ себѣ слѣдующія главнѣйшія пункты:

„Университетъ въ Боннѣ, мною уже утвержденный, долженъ бытъ опкрытъ безъ оплагашельства и я ожидаю опъ васъ съ довѣренностію, что вы примете нужныя мѣры, чтобы истинное соревнованіе, основательное знаніе и добрые нравы, водворились между учащимися и чтобы чрезъ сіе самое не раздѣльность западныхъ моихъ областей съ Прусскою Монархіею утвердилась болѣе и болѣе. Что же касается до начертанія, по которому всѣ учрежденія, относящіяся до воспитанія и образованія различныхъ чиновоспѣяній въ моемъ Государствѣ, должны соспавлять одно цѣлое, направленное къ великой цѣли, я дамъ вамъ особенныя поспановленія согласныя съ утвержденнымъ мною проэктомъ Министра Альшеншпейна. Необходимо, чтобы народъ нашъ зналъ, что единообразное, повсемспвенное и совершенное образованіе всѣхъ моихъ подданныхъ, соспавляетъ одинъ изъ главныхъ предметовъ опеческихъ моихъ попеченій и что я всегда желаю утвердить прочностъ Прусской Монархіи на развишіи умспвенныхъ и нравспвенныхъ Силъ.

— Народнонаселеніе въ Римѣ состояло въ 1817 году изъ 131,356; въ 1818 же году изъ 133,812 человекъ.

Г.

— Въ Парижѣ изданы *Аббатомъ Мореле*, членомъ Французской Академіи отрывки о словесности и Философіи 18 го столѣтія. Онѣ заключаются въ 4 хъ томахъ. Три послѣдніе изъ нихъ содержатъ въ себѣ разсужденія большею частію о предметахъ революціи. Надобно отдать справедливость честнымъ Г. Мореле правиламъ, что даже въ буйное правленіе республики онъ ополчился въ отрывкахъ своихъ съ благородною смѣлостію противъ безначалія и насилія. Въ первомъ томѣ, всѣ статьи относящяся до словесности и довольно основательны и пріятны. Самая любопытная есть безсомнѣнія возраженіе на Шамфора, который, будучи членомъ Французской Академіи, представлялъ революціонному Правительству объ испребленіи оной, называя ее подпорою деспотизма и даже позволилъ себѣ сказать въ выраженіяхъ неприспешельныхъ, что она продавала Царямъ свободу народовъ. — Г. Мореле опровергаетъ всѣ сіи нечестности ясно, основательно и сильно; но когда Шамфоръ

уличаешь Академію, что она сочиненіями своими не распроспирала просвѣщенія въ опечесствѣ, то кажется что возраженіе Г. Мореле недоспашочно. Онъ говоритъ: „Словарь, Грамматика, Ришорика, замѣчанія на классическиххъ опечесшвеннаго языка авшоровъ, вопъ единственные предметы, соспавляющіе занятіе Академіи, и какъ бы о нихъ ни шолковали, они довольно важны, шакъ что не допускаюшь поучашъ шѣмъ сильнымъ испинамъ, о коихъ упоминаешь Даламберъ.“ — Не оспори-мо, что наименованныя сочиненія Г-мъ Мореле соспавляютъ главную обязанность каждой Академіи словесности; но связь словъ и мыслей между собою сполько шѣсна, что раздѣлить ихъ не возможно, и пошому не возможно ограничить круга занятій шаквой Академіи одними учебными сочиненіями. Сочиненіе правилъ весьма похвально и полезно, но сіе не препяшшвуешь изданію образцовъ, кои всегда предшешшвуютъ правиламъ. Развѣ оны не соспавляли обязанности Французской Академіи, развѣ не могла она ихъ обнародовашъ въ своихъ шоржешшвенныхъ собраніяхъ, по предметамъ Испоріи, нравшшвенности и словесности. Развѣ не пеклась преплоняшъ членовъ своихъ къ сочиненію книгъ,

проповѣдующихъ богобоязливость, состраданіе, любовь къ опечесиву и ближнему, и многіе истины опносительно благоденспвія рода чѣловѣческаго, развѣ не защишила рѣчи Г. Помпіньяна при вспутленіи его въ Академію говоренной. Ежели же Академія Французская этого не сдѣлала, то обвиненіе Г. Шамфора въ семъ случаѣ не безъ основанія. — Чпо же касается до замѣчаній на классическихъ авшоровъ, то истинно, чпо оныя, излагая предѣлы изящнаго, опкрывая красоты и недостатки сочиненія, много служатъ къ просвѣщенію и образованію народа вкорененіемъ и распространеніемъ понятій о истинномъ величїи и добродѣтели. Французская Академія произвела въ семъ родѣ одно образцовое сочиненіе, и именно при началѣ своемъ въ угодность Кардинала Ришелье на Сиду, пратедію славнаго Корнеля. Сей подвигъ Французской Академіи единспвенный во всѣхъ опношеніяхъ, достоинъ ея имени и разбираемаго ею шворенія. Но если бы она издала подобныя замѣчанія на того же писателя, и на другихъ сочинителей, и говоря на примѣръ объ историческихъ и философскихъ сочиненіяхъ Г. Волпера, не довольшвовалась однимъ изложеніемъ погрѣшностей

пропивъ словосочиненія и красоты слога, не упомянула бы также о порядкѣ и правильности мыслей, отъ коихъ часто разсѣваются въ обществѣ ложныя понятія и всякія заблужденія: если бы Французская Академія, причла къ обязанностямъ своимъ писать кристику въ полномъ смыслѣ на сочиненія знаменитыхъ Авторовъ и въ особенностяхи сочленовъ своихъ, по Г. Шамфоръ можетъ быть не имѣлъ бы и случая осыпаться ея ругательствами, на кои нынѣ справедливо возражаетъ Г. Мореле.

Гр. Х—въ.

ИЗВѢЩЕНІЯ.

Трешій томъ *Размышлений о важнѣйшихъ истинахъ Религіи, сочиненія Іерузалема* напечатанъ, и подписавшимся особамъ роздается въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ онѣ получали билеты. 4й томъ скоро оппечатается. — Какъ въ первыхъ 2хъ томахъ Авторъ разсуждалъ о Религіи *естественной*, именно: о *бытіи Божіемъ* и свойствахъ Его, о *Провидѣніи*, о происхожденіи зла физическаго и нравственнаго, о *безсмертіи души* и будущей жизни, о *нравственной природѣ* человѣка, о *сущности Религіи*, о *суетвѣри* и *невѣри*: шакъ въ послѣднихъ томахъ собственно заключающіяся размышленія о *Религіи откровенной*. Содержаніе ихъ слѣдующее: *сообразно ли съ Божественною Премудростію сверхъестественное наставленіе въ Религіи, или откровеніе?* — *Состояніе разума и Религіи первыхъ человѣковъ по Исторіи Моисеевой отъ начала человѣческаго рода до потопа; — состояніе міра и Религіи отъ потопа до Моисея.* —

Сверхъ сего печатается и 5й помъ, въ которомъ содержатся размышленія; о Моисей; его Исторія; ученіе о Боге, о сотвореніи міра, о Религии Израильтянъ, ея внѣшнихъ обрядахъ и проч. — „Цѣль моя, „говоритъ Авшоръ въ предисловіи, доспавишь нѣкошорую пользу тѣмъ чинашелямъ, „кошорымъ соспояніе и должностпи не позволяютъ заняшья проспраннымъ сиспемашическимъ изученіемъ Религии; кошорые однакожъ, при нынѣшнихъ непреспаныхъ и дерзкихъ нападеніяхъ на оную, „желають успокоивающей увѣренностпи въ „Божественныхъ ея истинахъ.“ — Описывашь достоинства шворенія сего, здѣсь считается излишнимъ; Іерузалемъ нужды въ швомъ не имѣеть. — Одобришельные приговоры всѣхъ почши Гг. Издашелей лучшихъ Журналовъ и Газетъ, и наконецъ выписка книги сей для многихъ духовныхъ и учебныхъ заведеній, — поставляютъ сіе сочиненіе знаменишаго Авшора выше всѣхъ похвалъ.

Подписка на оное продолжается во всѣхъ лучшихъ здѣшнихъ и Московскихъ книжныхъ лавкахъ, и у Издашеля Коллежскаго Ассесора Тимоея Семеновича Крылова, живущаго въ домѣ Г. Двѣисшительнаго Тайнаго Со-

вѣшника Федора Александровича Голубцова, у церкви Владимірскія Богоматери. Цѣна за 4 тома двадцать пять рублей; и съ пересылкою во весь города Россійскіе; 5й же томъ для подписывающихся въ цѣну не полагается. По напечатаніи все сочиненіе будетъ продаваться дороже, какъ по причинѣ увеличившихся издержекъ на печатаніе; шакъ и пошому, что не много уже оспашется экземпляровъ онаго, изъ полнаго изданія.

Журналъ Императорскаго Человѣколюбиваго Общества издаваемый Комитетомъ его по ученой части, будетъ продолжаться и въ печеніи наступающаго 1819 года.

Въ составъ онаго входяшь слѣдующія спашы:

1 е. Распоряженія и опчешы Императорскаго Человѣколюбиваго Общества.

2. Извѣстія о благошворительныхъ заведеніяхъ опечешвенныхъ и иноземныхъ, съ показаніемъ успѣховъ оныхъ.

3. Извѣстія о сочиненіяхъ, содержащихъ какой либо предметъ, къ дѣйствіямъ Человѣколюбиваго Общества опносящійся; описаніе способовъ и орудій, полезныхъ для спа-

сенія людей, для упошребленія въ домахъ шрудолюбія и для занятія бѣдныхъ, почишающихся неспособными къ работѣ.

4. Жизнеописанія благошворителей чело-вѣчества, оспавившихъ по себѣ память ка-кимъ либо полезнымъ заведеніемъ или ошкри-піемъ.

5. Нравственныя наставленія и рассу-денія.

6. Извѣщенія о пожертвованіяхъ въ поль-зу челошкшлюбивыхъ заведеній, имена бла-гошворителей и особъ, подписавшихся на получение сего изданія.

Комишетъ, выписавъ на слѣдующій годъ инштранныя періодическія сочиненія, по-стараешся извлеченіями изъ оныхъ, сдѣлать Журналь сей сколько возможно заниматель-нымъ.

Также Комишетъ проситъ какъ Гг. Чле-новъ своихъ Корреспонденшовъ, такъ и всѣхъ просвѣщенныхъ друзей челошчества уча-ствовать въ его шрудахъ доспавленіемъ сво-ихъ сочиненій и переводовъ. Всѣ шакшвыя спашы будутъ приняты съ благодарношпію и, по мѣрѣ сошвѣшствія предположенной цѣли, помѣщаемы въ семь изданій.

Каждый мѣсяць будетъ выходить одна

книжка, при таковыхъ книжки соспавяптъ часпъ.

Цѣна сему Журналу съ доставленіемъ онаго во всѣ мѣста Россіи, за годовое изда- ніе 25 рублей, а полугодное 15 рублей. Но какъ доходъ ошъ Журнала назначается въ пользу бѣдныхъ, по благошворительнымъ осо- бамъ предоставляется вносить болѣе озна- ченной суммы.

Подписка здѣсь въ Санктпетербургѣ, при- нимается въ помянуомъ Комитетѣ, со- стоящемъ въ малой Морской, къ домѣ Аспе- грена No. 102, у книгопродавцевъ: Сень-Фло- рана и Слѣтина, шакже у Свѣшнікова и Гла- зунова какъ здѣсь, шакъ и въ Москвѣ. Про- чія же иногородныя особы благоволятъ ошно- ситься въ Газетную Экспедицію Санктпе- тербургскаго Почтамта.

12
13
14
15
16
17
18
19
20
21
22
23
24
25
26
27
28
29
30
31
32
33
34
35
36
37
38
39
40
41
42
43
44
45
46
47
48
49
50
51
52
53
54
55
56
57
58
59
60
61
62
63
64
65
66
67
68
69
70
71
72
73
74
75
76
77
78
79
80
81
82
83
84
85
86
87
88
89
90
91
92
93
94
95
96
97
98
99
100

П Р О З А.

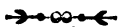

О ГОМЕРЬ И ЕГО ТВОРЕНЦЯХЪ.

(Окончаніе.)

*О происхожденіи поэзіи у Грековъ и о
формѣ Гомеровыхъ Стихотвореній.*

Мракъ неизвѣстности покрываетъ начало Греческой поэзіи: самое происхожденіе ея недосповѣрно. Между шѣмъ находишся много хотя несогласованныхъ, но ясныхъ доказательствъ, что поэзія Грековъ не есть собственное ихъ произведеніе, но заимствована отъ иностранцевъ, на Сѣверѣ отъ нихъ обитавшихъ, коихъ страна въ послѣдствіи всѣми названа была суровою. Древнее
Ч. IV. Кн. 3. 18

преданіе говоритъ, что Фракіянинъ Орфей первый пробудилъ даръ къ стихотворству. Чтобы видѣть сколь велики были заслуги его, должно обратиться къ тому сословію, въ коемъ находились тогда Греки. Они едва ли не были еще грубѣе нынѣшнихъ Готтенпоповъ и Ирокезовъ, не имѣли понятія о бракѣ и питались одними только желудями. Среди сихъ дикарей явился Орфей, который волшебною гармоніею своею лиры смягчилъ ихъ грубые нравы; онъ принудилъ ихъ оставить пещеры и обратиться къ общежитію, переменить грубую пищу на лучшую и свято блюсти брачныя узы; все сіе утвердилъ онъ крѣпчайшимъ союзомъ религіи, въ младенческѣ говорившей преимущественно чувствомъ. Стихотворство и все вообще образованіе перешли изъ Фракіи чрезъ Фессалію въ Грецію. Самый Орфей — первый пѣвецъ и наставникъ, не есть подлинно историческое, но баснословное лице, которому одному приписывали въ

позднія времена произведенія многихъ спольшій. Преданіе упоминаеть о многихъ другихъ пѣснопѣвцахъ : объ Амфіонѣ, Линусѣ и другихъ, жившихъ прежде Гомера. Изъ нихъ наиболѣе прославился Аѳинянинъ Музей, ученикъ Орфея и Эвмольпъ, сынъ Музея. Нѣтъ сомнѣнія, что они были пѣснопѣвцы, а не писатели.

Какъ религія, шакъ и ея провозвѣспники, стихотворцы, почитались священными. Пѣвцы и прорицатели составляли одно лице. Два предмета были особенно ими воспѣваемы и обращали вниманіе народа. — Они суть священныя преданія о богахъ и вдохновенныя повѣспвованія о доблестяхъ праотцевъ. Пѣсни сіи имѣли сильную власпъ надъ сердцемъ народа, и сіе не могло бытъ иначе, поелику пѣвецъ самъ искалъ подпоры въ религіи, дабы образовашъ дикихъ Грековъ. Такимъ образомъ какъ любимецъ боговъ, внушая общее къ себѣ благоговѣніе, онъ могъ ве-

спи ихъ къ добродѣтели. Не менѣе важною обязанностію было для нихъ также прославлять мужество Грековъ, дабы возбудишь въ нихъ соревнованіе: ибо на одномъ мужествѣ тогда было основано все бышіе народное; оно было для нихъ необходимѣе всякой другой добродѣтели. Пѣснопѣнія о священныхъ предметахъ раздѣлялись съ давняго времени на два рода. Спихошворецъ воспѣвалъ сошвореніе міра, происхожденіе боговъ и свойства ихъ. Позднѣйшіе Греки именовали сіи спихошворенія космогоніею, теогоніею, генеалогіею или родословіемъ боговъ. Сіи спихошворенія ошдѣлились въ древнія времена ошъ священныхъ и образовали величественную Эпопею. Вшорой родъ пѣснопѣній оучалъ священнымъ обрядамъ, воспѣвалъ примирительную силу очищенія и сокровенный смыслъ шайнспѣвъ. Сіи спихошворныя произведенія именовались *Део-Фаиал, ѳμνοι, καθαρμοι*. Изъ сего-то послѣдняго рода произошла мистическая поэзія,

совершенно отдѣльная опъ эпической. Ранніе звуки ея исчезли въ опдаленной древности; до насъ же дошли только новѣйшихъ временъ стихотворныя произведенія, которыя по благоговѣйному присраспію къ древности несправедливо приписываются опдаленнѣйшимъ вѣкамъ.

Доблестныя подвиги боговъ и Грековъ образовали Греческую эпопею. Дабы дать сему цѣну, должно забыть новѣйшія теоріи стихотворства, особенно Французовъ. Свободно и смѣло развивался духъ Грековъ въ каждомъ родѣ стихотворенія. Первые стихотворцы были оживлены спасительнымъ увѣреніемъ, что присутствіе Божества воспламеняло духъ ихъ къ пѣнопѣніямъ. Не для суешныхъ возгласеній призывали они музъ: они вѣровали ихъ существованію и содѣйствію. Гомеръ въ семь случаевъ весьма опличенъ, какъ опъ древнихъ, такъ и опъ новѣйшихъ стихотворцевъ. Не спраспію онъ одушевленъ

и священнымъ упоеніемъ ; но тихимъ и разсудительнымъ воспоргомъ. Божество живошворить его своимъ вдохновеніемъ, не приводя въ испуленіе. Но уже до Гомера начался великій переворотъ. Если въ древнія времена пѣвецъ и прорицатель составляли одно лице ; по весьма естественному, что они были тогда жрецами. Въ послѣдствіи времени, съ расширеніемъ предѣловъ Греціи и усовершенствованіемъ полипического сословія, уваженіе къ жрецамъ шѣмъ болѣе упало, чѣмъ болѣе возрастала власть народоправителей. Сперва жрецъ былъ народнымъ пѣснопѣвцемъ, но въ послѣдствіи, если онъ желалъ поддержать къ себѣ уваженіе ; по долженъ былъ совершенно оставить древнюю эпопею и обратиться къ мисической поэзіи. Съ сего времени произошли священныя мистеріи и особливья сословія жрецовъ, копорые, подъ обольщающимъ покровомъ шаинспвенности, уловляли суевѣрныхъ въ свои сѣпи. Когда же древній санъ

эпихотворца и прорицателя пришелъ въ упадокъ и когда жрецы принуждены были оставить эпопею и посвящать себя мистической поэзіи, въ то самое время появилось особенное состояніе людей, именуемыхъ *аойдои*, кои поддержали эпическую поэзію. Они были отдѣлены отъ званія жрецовъ и не украшались духовнымъ саномъ, но шѣмъ болѣе изображенія ихъ дѣйствовали на сердце. Они имѣли разительное сходство съ нынѣшними Италіянскими Импровизаторами и пѣли по большей части безъ всякаго приговора. Нѣкоторые изъ нихъ жили при дворахъ Царей и услаждали ихъ своимъ пѣнопѣніемъ, пользуясь отличными почестями. Они присутствовали почти ежедневно на пиршествахъ, которые почитались тогда только величественными, когда сопровождались приятными пѣніями. Прекраснѣйшій примѣръ сего находишь въ Одиссеѣ. Улиссъ внимаетъ пѣнопѣнію Демофрона. Последнія слова сдѣлали его мягкосердымъ,

и на вопросъ его о причинѣ сего дѣйс-
ствія, Демофронъ отвѣчаетъ:

οὐ γὰρ ἐγώ γε τι φημι τέλος χαριεσερον εἶναι,
ᾧ ὅτ' ἀν' ἐυφροσυνῆ μεν ἔχη κατα δήμον ἀπαντα,
δαίτυμονες δ' ἀνα δαματ' ἀκουαζονται αἰοιδου,
ἤμενοι ἔξειης· παρὰ δε πληθεσι τραπεζαι
οἴτου και κρειων. μεδν δ' ἔχ κρητηρος ἀφυσσον
οἰνοχοος φορεησι και εγχειη δεπαεσσι
τουτο τι μοι καλλισον ἐνι φρεσιν εἰδεται εἶναι.

Одиссеи IX ст. 5 и слѣд.

Вшораго рода пѣвцы были стран-
ствующіе. Они наслаждались совершен-
ною свободою и находились въ такомъ же
уваженіи, какъ и первые. Куда ни при-
ходили, повсюду принимаемы были съ
радостію. Кромѣ минувшихъ изліяній
піишического восторга, они сочиняли
такъ же большія стихопворенія, сохра-
няемыя ими въ памяти и часто воспѣ-
ваемыя въ кругу слушателей. Стихо-
пворенія ихъ переходили изъ устъ въ
уста и не прежде испреблялись изъ па-

ияни, пока не начертаны были письмен-
но. Уже до Гомера существовали па-
ковья пѣснопѣнія и въ Одиссеи часто
упоминается о древнихъ преданіяхъ и
пѣсняхъ.

Теперь спрашивается: какимъ обра-
зомъ изустныя стихотворенія Гомера
едѣлались письменными и въ какомъ видѣ,
или какимъ образомъ у древнихъ были
они въ употребленіи.

Главною причиною, что стихотво-
ренія Гомеровы сохранились споль дол-
говременно, были рапсодиспы, которые
при народныхъ торжествахъ пѣли про-
спранныя и малыя стихотворенія, соб-
ственныя и заимствованныя. Рапсодиспа-
ми названы они пошому, что часто изъ
нѣсколькихъ малыхъ стихотвореній со-
ставляли одно большое. Не одни Го-
меровы стихотворенія были такимъ
образомъ возглашаемы, но и всѣ вообще
древнія пѣсни. Ксенофонъ, во время ко-
шораго искусство письма было уже во
всеобщемъ употребленіи, названъ Рап-

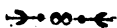
содиспомъ пошому, что онъ произносилъ предъ слушателями свои собственныя произведенія. Рапсодиспы во время Со-краша знали наизусть пачши всю Иліаду и Одиссею. Изъ сего весьма легко изъяснишь, какимъ образомъ они могли измѣнять первоначальный видъ стихошвореній.

Эпическая поэзія Грековъ заключала въ себѣ всю Испорію боговъ и Грековъ. Они были воспѣны въ бесчисленныхъ стихошвореніяхъ, изъ коихъ время случайнымъ образомъ сохранило намъ только нѣкоторыя опривки пѣсенъ, заключающихъ въ себѣ баснословія древнихъ Троянъ.

Невозможно доказать, составляеть ли Иліада цѣлое особенное твореніе и сочинена ли она по одному обдуманному плану; въ ней примѣсны слѣды, что въ древнія времена нѣкоторыя малыя и отдѣльныя эпическія пѣсни соединяемы были въ одно большое твореніе. Въ самомъ дѣлѣ многія мѣста въ Иліадѣ и

Одиссеи соснавялють по себѣ нѣчто цѣ-
 лое и вразумительное безъ предыдущихъ
 и послѣдующихъ часпей. Если пред-
 положимъ, что Гомеръ сочинилъ Иліяду
 въ видѣ большой эпопеи, то можно сдѣ-
 лать вопросъ: для чего примѣру его не-
 послѣдовалъ ни одинъ изъ спихотвор-
 цевъ Греціи? Еще разъ напоминаемъ,
 что Гомерова поэзія неоснована на тео-
 ріи Французскихъ Академиковъ, и са-
 мые Греки, во времена Александрійскихъ
 писателей, руководствовались болѣе те-
 ориею спихотворства, нежели Геніемъ,
 и потому произведенія сего вѣка весьма
 посредственны.

При тщнѣйшемъ изслѣдованіи Гоме-
 ровыхъ спихотвореній, находятъ цѣлыя
 мѣста, которыя можно бы опустить
 безъ малѣйшаго поврежденія всей поэ-
 мы; нѣкоторыя части внесены такъ,
 что онѣ не имѣютъ тѣсной связи съ пре-
 дыдущимъ и послѣдующимъ; цѣлыя кни-
 ги совершенно излишни и не принадле-
 жатъ къ единству плана. Уже Алек-

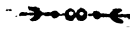

сандрійцы сіе замѣшили, спорили о подлинности 24 книги Иліады и опвергали конецъ Одиссеи, начиная съ 297 стиха, XXIII главы. Доспойно примѣчанія, что съ 578 стиха V главы Иліады говорится о смерти Пилемеа, а въ XIII главѣ, 658 стихѣ онъ опять живъ и сопровождаетъ плѣо своего сына. Нѣкоторыя мѣста вовсе неизъяснимыя и неимѣющія надлежащей связи съ цѣлымъ швореніемъ, находяшся въ Иліадѣ отъ XVIII главы 356 до 368 стиха, и въ Одиссеи главы IV отъ 621 до 624 стиха. Весьма доспойны вниманія слова Евспахія (*) (спр. 785), который утверждаетъ, что десятая пѣснь Иліады сочинена въ видѣ особой эпопеи и въ послѣдствіи уже времени Пизиспрапомъ приобщена къ прочимъ. Еще важнѣе

(*) Евспахій, знаменишій полковашель Гомера, жилъ въ Коиспаншинополѣ въ концѣ XII вѣка; попомъ былъ онъ въ Фессалоникѣ Архіепископомъ.

замѣчаніе одного схоластика на послѣдній стихъ Иліады, что въ нѣкоторыхъ экземплярахъ являешся послѣ Гекпоровой смерти Амазонка Пенѳесилея. Изъ сего явствуетъ, что Иліада заключаешъ въ себѣ не все еще баснословіе древнихъ героическихъ пѣсень.

О способъ, какимъ образомъ распространились Гомеровы стихотворенія, ничего неизвѣстно. Гомерова поэзія естъ произведеніе малой Азіи и уже поздно перешла она въ Европейскую Грецію. Когда и какимъ образомъ сіе воспослѣдовало сокрыто отъ насъ мракомъ древности. Не отвергая существованія въ Греціи Рапсодисповъ, находимъ извѣстіе, что Лакедемонскій законодатель Ликургъ привезъ Гомера изъ Іоніи. О семъ повѣствуетъ Гераклидъ Понпикъ, Діо Хризостомъ, Плутархъ и Эліанъ. Послѣ сего чрезъ долгое время ничего не упоминаешся о Гомерѣ. Потомъ Діогенъ Лаерцій (I 57) пишешъ, что Солонъ въ Аѳинахъ повелѣлъ Рапсодиспамъ при

чпении Гомеровыхъ стиховъ обращать вниманіе на порядокъ, въ коемъ слѣдовади описанныя въ оныхъ произшествія. Сіе повелѣніе весьма примѣчательно; оно ушверждаетъ, что Гомеровы стихотворенія въ то время не были еще писаны. Наконецъ древніе свидѣтельствуютъ, что Пизиспратъ повелѣлъ собрать и написать отдѣльные пѣсни Гомера; о чемъ упоминаетъ Цицеронъ, Павзаній, Иосифъ и Эліанъ.

Изъ числа ушверждающихъ, что Гомеръ самъ писалъ свои сочиненія, нѣкоторые хотѣютъ насъ увѣрить, будто бы онъ былъ очень лѣнивъ и сочинялъ стихи тогда только, когда понуждалъ его голодь, для заплашы долговъ своихъ въ разныхъ городахъ: отъ сего то въ послѣдствіи времени столь было шрудно собрать полныя его шворенія. Какой основательный кришкъ повѣрить нынѣ такимъ нелѣпымъ разсказамъ.

Неизвѣстно какимъ образомъ Пизиспратъ присшупилъ къ сему дѣлу; од-

нако досповѣрно, что Гомеръ его былъ разположенъ совсѣмъ иначе, нежели нашъ. Множество пропусковъ и другихъ недостатковъ исправлены позднѣйшими кришиками. Мы знаемъ, что Александрійскіе ученые выбросили многіе стихи; они же прибавили, перемѣнили и поновили разныя выраженія. Греки до временъ Александрійскихъ писателей приводятъ такія мѣста изъ Гомера, въ коихъ встрѣчаются стихи, нынѣ въ ономъ не находящіеся. Если справедливо, что Платонъ и Иппократъ имѣли Гомеровы сочиненія, содержащія въ себѣ болѣе стиховъ, нежели сколько передано намъ древностію: то щещно спали бы мы искать вещь уже навсегда пошерянную. Но что швореніе Гомера дѣйствительно было нѣкогда полнѣе, нежели нынѣ, сіе доказываютъ многія, дошедшія до насъ примѣчанія о способѣ, какимъ Александрійскіе кришики разбирали древнихъ писателей и въ особенності Гомера.

Θ. Шидлефель.

ЛЮБОСЛАВЪ.

ВТОРЫЙ СЛАВЯНСКІЙ ВЕЧЕРЪ.

(Окончаніе.)

„Недолговременно было торжествое мое.
„Въ часы той же ночи, при свѣтѣ мѣ-
„сяца полного, узрѣлъ я окрестъ себя
„тысячи тѣней окровавленныхъ. Помер-
„кшія, свинцовыя очи ихъ ко мнѣ обра-
„щены были. Тѣни проспирали персты
„съ угрозами, открывали изъязвленные
„перси и глухимъ, могильнымъ гласомъ
„шептали: мы невинные Муромцы, пад-
„шіе подъ остріемъ мучительнаго меча
„швоего! Кровь наша не опущена еще!“

„Хладный попь оросилъ чело мое.
„Члены мои ошяжелѣли, какъ бревена
„дубовыя. Мозгъ въ головѣ моей въ ледъ
„превращился. Мало по малу начинаю

„ощущать біеніе своего сердца, и укрѣ-
 „пясь бодростію, вопрошаю со гнѣвомъ:
 „Чего хотите вы, ужасные изверги
 „мрачнаго ада? — Твоего мученія! бы-
 „ло мнѣ опвѣщствовано. — Не преж-
 „де избавился я опъ сихъ мрачныхъ ду-
 „ховъ — мспшителей, какъ по явленіи въ
 „черногогъ моемъ зари упреннія.“

„Но почшо, праведный спарець,
 „удручашь слухъ швой, обикшій вни-
 „машь пѣнію Херувимовъ, обильнымъ по-
 „вѣщствованіемъ моихъ горестей? — Съ
 „ночи шоя ужасныя, до сего времени,
 „враги мои меня не оставляютъ. Въ каж-
 „дую ночь, едва возлягу я на ложе свое,
 „они являюшся, и время опъ времени
 „становяшся дерзостнѣе, неукрѣпнѣе!“

„Бѣдствіе мое повѣдалъ я вѣрному
 „другу моему Гломару; удивленіе его
 „было несказанно, и онъ вину всего
 „возложилъ на мое малодушіе. Изнемо-
 „гая подъ тяжеестію скорби, обшекъ я
 „шщашельно всѣ храмы Туровскіе, ще-
 „дро раздавалъ дары обильныя на укра-

„шеніе ликовъ угодничьихъ, чая полу-
„чиль и не получая облегченія.“

„Се зришь — я пришелъ къ тебѣ.
„Если и твои молишвы не спасуть не-
„счастливаго: ему ничего не оспанешся,
„какъ повергшись въ бездну опчаянія,
„совершишь шако бѣдственную судьбу
„свою!“

Князь Любославъ умолкъ. Онъ успре-
милъ въ землю взоры свои, и не дер-
залъ возрѣшь на старца. Сей, пребывъ
нѣкія мгновенія въ равномъ молчаніи,
въщаль:

„Державный повелитель земли Ту-
„ровскія! Прежде нежели постигли те-
„бя ужасы ночные, ты долженъ былъ
„помыслишь, сколькимъ ужасамъ днев-
„нымъ и ночнымъ предавалъ ты на жер-
„тву своихъ подданныхъ во всѣ дни сво-
„его владычества? Ты жаждалъ славы?
„Похвально было стремленіе души тво-
„ей! Но развѣ слава приобрѣщается хи-
„щеніемъ и убійствами? Какой злый духъ
„внушилъ тебѣ сію мысль позорную? Не

„для шого мечь данъ мужу сильному,
 „чтобы поражать слабыхъ и невинныхъ;
 „но да обороняешь ихъ отъ неправед-
 „ныхъ! Что есть Князь славы? Онъ
 „есть благодушель своихъ подданныхъ!
 „Кшо жестокихъ честолюбцевъ назы-
 „валь славными; нашлось ли хотя одно
 „сердце, кошорое во внутренности сво-
 „ей благословляло бы неистоваго Неро-
 „на, безумнаго Калигулу, свирьпаго
 „Тамерлана и безчеловѣчнаго Адшилу! —
 „Съ ужасомъ и досшойнымъ проклятиемъ
 „произносяща имена сихъ изверговъ ро-
 „да человѣческаго, и небесное прокля-
 „тие опочіешь на косняхъ ихъ до скон-
 „чанія вѣковъ! — Не ужели плавающее
 „въ крови челоуѣчество воздвигнешъ
 „олшари чудовищу? Если бы ты дошелъ
 „до шакого безумія, что подобно древ-
 „нему Македонцу, коему гнусное ласка-
 „шельство присвоило имя Великаго, не
 „ужаснулся наречь себя единственнымъ
 „сыномъ Миродержателя; не ужели воз-
 „мнишь, что чернь, приносящая тебѣ

„жертвы, въ самомъ дѣлѣ богошворить
 „тебя? Узнай, честилюбивый юноша!
 „Почтеннѣе, сто крапъ сладостнѣе о-
 „спашься въ хижинѣ благимъ, добродѣ-
 „тельнымъ челоѡкомъ, чѣмъ видѣшь
 „воздвиженные себѣ олшари, въ коихъ
 „будуть поклоняшья себѣ, яко Богу
 „злобному, ненавистному. Чшо можешъ
 „прельщашъ тебѣ въ участи дерзкаго
 „Сѣшносца, поставившаго преспола
 „свой на Сѣверѣ, напрошивъ преспола
 „Бога Вседержителя, и послѣ низвер-
 „женнаго въ пучины Геенскія? — Тако-
 „вой-то славы жаждала душа швоя!“

„И шакъ, если ты хочешь и спра-
 „вишь пуши свои и бышь счастливъ,
 „внемли, разсуди и повели: коварный
 „пошворникъ слабостей швоихъ, Гломаръ,
 „со всею дружиною любимую, да изже-
 „нешся навсегда опъ двора швоего Кня-
 „жескаго!“

„Какъ? мой другъ, мой вѣрный другъ,
 „Гломаръ?“ вскричалъ Князь въ недоумѣ-
 „нїи и горести!

„Онъ — самый! опвѣщивовалъ спа-
 „рець; онъ естѣ пакой же другъ шебѣ,
 „какъ Эдемскій змѣй промашери Еввѣ,
 „когда онъ прельспилъ ее вкуситѣ опѣ
 „плода познанія добра и зла!“

„На чреду Гломара возведи мудраго
 „Дорада!“ — Какъ? шого мужа сурова-
 „го, кошорый никогда не являешся ко мнѣ
 „безъ упрековъ?“

„Не дѣлай преступленій, и упреки
 „изчезнутѣ! Послѣ сего иди ко Князю
 „Миродару; склони предѣ нимѣ выю
 „свою; награди семейспва, шобок разо-
 „ренныя, заспавъ онья обиліемѣ своихъ
 „благошвореній забышѣ обиды, шобок
 „учиненныя; и шогда — надѣюсь на бла-
 „госпѣ небесную, — шы можешѣ ожи-
 „дашѣ облегченія въ своихъ гореспяхъ.“

Князь вѣщаль: „Такое самоизволь-
 „ное покорство предѣ Княземѣ Муром-
 „скимѣ, не покроешѣ ли спыдомѣ мою
 „діадему и не унизишѣ ли славы моего
 „народа?“

„Никогда! — верхъ славы Порфи-
роносца ешь смиришь себя въ дѣлѣ
„неправомъ!“

„Такое пожертвованіе своимъ ки-
„ченіемъ любезнѣ предъ взоромъ Судіи
„звѣднаго всѣхъ жершвъ швоихъ и ко-
„лѣнопреклоненій. Онъ возришь къ шебѣ
„окомъ ошеческимъ и шы примиришься
„съ оскорбленнымъ чедовѣчешвомъ!“

Вѣщаль древній пуспынножишель, и
Князь позналъ мудросшь его совѣшовъ. —
Съ благодарными слезами на очахъ, палъ
онъ на выю его, и спарець, исполненный
духа провидѣнія, сказалъ: „Сынъ мой!
„не испреблай пеперешнихъ чувствъ
„швоихъ и шы будешь благополучень!
„О Любославъ! пощисъ увѣришься въ
„душѣ своей, что промысль В.шняго не
„съ шѣмъ посылаешъ землѣ образъ вла-
„спи своей въ равныхъ намъ сочеловѣ-
„кахъ, чшобы они искали мнимой славы
„въ убійствахъ и опустошеніяхъ. Сынъ
„мой! каждая слеза подданнаго — невин-
„но пролипаня шобою, взвѣщена будешъ

„на вѣсахъ безкорыстнаго правосудія.
 „Сколь многими, сколь горькими слезами
 „долженъ будешь нѣкогда смывать слѣды
 „своихъ заблужденій!“

Князь изпоргся изъ объяшій мужа священнаго и пошекъ въ свою столицу. Едва вступилъ онъ на пространный дворъ свой, повелѣлъ приближиться къ себѣ Гломару и избранной дружинѣ его. Не знали тогда Князи Россійскіе ничпожной полишки, Греками изобрѣшенной, чпобы опдаляшь онъ себя невѣрныхъ подданныхъ, не дерзая объявить вину своей немилости. Князь самъ возвѣщаль и гнѣвъ свой и милость. — Любославъ произнесъ предъ всѣми двора своего къ Гломару рѣчь сію:

„Нынѣ увѣрился я, что ты не можешь быть другомъ вѣнчаннаго! Если бы я былъ единъ изъ подданныхъ, ты бы могъ быть пріятнѣйшимъ моимъ собесѣдникомъ; но я повелишель — и ты не можешь быть другомъ моимъ; ибо любишь одного меня, а не цѣлое

„ршечестиво, коего главою посшавленъ я
 „по волю Провидѣнія. Нынѣ признаю, что
 „любящій въ Государѣ одного челоука,
 „не долженъ бытъ къ нему приближенъ.
 „Самая дружба безъ всякихъ презрѣн-
 „ныхъ побужденій корысти и любоче-
 „спія, дѣлаеть уже его льспецомъ опас-
 „нымъ. Льспецъ, приближенный къ по-
 „велишелю, есть ядовитый змѣй, коего
 „ласканіямъ ни кто вѣривъ не долженъ.
 „Гломарь! запрещаю тебѣ казаться воз-
 „ру моему совокупно со всею швоею
 „дружиною; спрогій мужъ, правдивый
 „Дорадъ, да приметъ званіе первен-
 „спвующаго Вельможи при Княжескомъ
 „дворѣ моемъ.“

Вельніа Князей не коснѣли безъ
 исполненія: Гломарь осшавилъ Туровъ
 и Дорадъ возсѣлъ на позлащенномъ сну-
 ль въ черпогѣ совѣша. Ввѣривъ неу-
 шомшмому Дораду бразды Туровскаго
 правленія, облеченный въ броню рани-
 ника неизвѣснаго, въ сопровожденіи
 Велькара и малой дружины, Любославъ

оставилъ чертоги свои златоверхіе, оставилъ врата Туровскіе, и успремился къ лѣсамъ Муромскимъ.

Солнце небесное распустило уже власы свои багровые по небу вечернему. Оно гопово было погрузиться въ нѣдра мрака вечерняго! Унылый Князь сошелъ съ усалаго коня своего и повелѣлъ у корней сосень и елей гоповиться къ проведению ночи. Мало по малу ночь возлегла на лѣсахъ, холмахъ и долинахъ.

Князь вѣщаль: „Не удивляйшесь „скорби, наложившей печать свою на „чело мое! — Цѣлый день провели мы „въ пушешествіи и ни одного Туровца „не встрѣчали взоры наши съ улыбкою „веселія; всякой изъ нихъ видѣлъ во мнѣ „своего повелителя и всѣ, издали узрѣвъ „меня, укрывались въ густотѣ древесной, „какъ бы при встрѣчѣ вепря людинаго!“

„И сіе кажешся дивно тебѣ Князь?“
 спросилъ Велькаръ съ пасмурнымъ взоромъ.

„Не могу не удивляться, когда я
 „съ Гломаромъ исходилъ на ловипву ве-
 „прей и медвѣдей, подданные мои спре-
 „мились ко мнѣ во срѣшеніе; восклицали
 „радосными гласами, лобызали спре-
 „мена у подошвы пяшь моихъ; веселіе
 „вспрѣчало меня и сопровождало до оп-
 „дыха вечерняго! — Нынѣ, — оп-
 „вѣшсшвоваль Велькаръ, — нынѣ истина
 „начала тебѣ опкрывашъ чело свое!
 „Или не свѣдомъ пы о средспвахъ, упо-
 „шребленныхъ для того, чтобы испорг-
 „нушь у народа знаки радости, прежде
 „изъявляемой народомъ предъ побою?—
 „Познай же ихъ: едва возсѣдалъ пы на
 „коня своего, а уже послушники Гло-
 „маровы, вооруженные бичами свиспя-
 „щими, разсыпались по городу: ударами
 „принуждали мужей и женъ щещи тебѣ
 „во срѣшеніе, научали ихъ словамъ, ка-
 „ковыя они должны были произносишь

„предъ шобою. Шуйцею, опирая
 „обильныя слезы горести, десницу, про-
 „сперши къ шебѣ во знакъ радости,
 „окоспенѣлымъ опть ужаса языкомъ, они
 „воскликали: здравъ буди, Князь бла-
 „годѣшельный! И едва ны сокрывался,
 „они падали на колѣна, воздѣвали длани
 „къ небу мирошворному и съ рыданіемъ
 „воскликали: Боже Праведный! или
 „исправъ его, или насъ опть него из-
 „бави!“

Князь погрузился въ думу тяжкую,
 и желанный сонъ далеко оплешѣлъ опть
 мѣста успокоенія.

Прошекли все проспранство земли
 Туровскія, и Князь былъ встрѣчаемъ
 одними звѣрями дубравными. Горе по-
 велишело, когда подвласный ему народъ,
 его спрашишся!

Опть самыхъ рубежей до града Му-
 рома зрѣли они явленія иныя. Паспыри
 спокойно опдыхали при спадяхъ своихъ
 и возвѣщали о спрахѣ своемъ — только
 при появленіи волка, или медвѣдя. Ви-

пязи Муромскіе, поражающіе звѣрей кровавдныхъ, — познавъ въ спранникахъ пословъ Любослава, забыли вражду свою и обиды его. Съ брапскою пріязнію привѣтствовали они спранниковъ. Любославъ вспунилъ въ черпоги Миродара, и обрѣлъ спарца, возлежащаго при шрапезѣ. Подлѣ него съ правой спороны возсѣдали вожди и шарѣйшины; съ лѣвой дщерь его единственна, голубоокая Гликерія, съ подругами своими и нянями. На ланипахъ ея опливали розы весны пашыиадесяпой.

Любославъ вѣщаль: „Повелипель зем-
 „ли Туровскія! Державный владыка нашъ
 „желаешъ тебѣ и мира и здравія! Если
 „шы въ чемъ обиженъ ошъ него, онъ воз-
 „даспѣ должное удовлетвореніе; ибо серд-
 „це его не жестоко! Возвѣспи, чего хочешъ
 „шы, и онъ склонитъ на швое кошѣніе.
 „Онъ хочешъ опѣ тебѣ взаимно мира
 „и дружбы долгольшныя!“

Пресшарѣлый Миродаръ оивѣтспво-
 валь: „Послы неразумные! Не ужели ду-

„маеште вы, что Князь, любимый наро-
 „домъ, когда либо можетъ быть оскор-
 „бленъ иноземцемъ. Сердца подданныхъ,
 „если такой щипъ, копорога ни какія
 „копья пробить не сильны! Не я оби-
 „жень Любославомъ, но онъ самъ собою!—
 „Такъ! онъ испребилъ часнь лѣсовъ
 „моихъ, разорилъ нѣсколько моихъ под-
 „данныхъ, но они ни мало не несчастны.
 „Для чего же владѣю я народными со-
 „кровищами, какъ не для вспоможенія
 „имъ во время нужды? — Се дочерь моя
 „Гликерія! Зрите ли хотя одно укра-
 „шеніе на ней онъ владѣла Маргаритъ и
 „камней цвѣсныхъ? Одна роза, возник-
 „шая подъ рукою ея, украшаетъ грудь
 „дѣвическую! Изъ сего познайте вы,
 „что даровашъ мнѣ миръ Любославъ не
 „власень. Я въ миръ самъ съ собою
 „и съ моимъ народомъ! Какого же мира
 „еще онъ можетъ желать мнѣ?“

„Но, — вѣщаль удивленный Любо-
 „славъ, и смятеніе разлилось по высо-

„кому челу его: онъ пребуешъ опъ шебя
„мира и дружбы!“

„Дарю миръ, но не дружбу! бытъ
„другомъ честолобцу неразумному, не-
„ограниченному и вредно и поносно!“

„И се послѣднія рѣчи швои?“

„И швердыя, какъ сей мечъ, висящій
при бедрѣ моемъ!“

Любославъ, преклонивъ выю, изшелъ
изъ чершого съ уныніемъ. Дружина его
за нимъ. Шли онъ среди двора, и се
наспигаешъ ихъ Чашникъ Княжескій.

„Мужи Туровскіе! воззвалъ онъ, и вы и

„кони ваши опъ дальнаго пуши ушоми-

„лись. Миродаръ приглашаешъ васъ опо-

„чиль въ сей храмнѣ на дворѣ его.

„Вкусише яспвѣ его и испейше меду

„сладкаго. Князь нашъ обыкъ не оппу-

„скашь со двора своего ушомленными

„и шѣхъ, кои пришекаюшъ къ нему съ

„объявленіемъ войны жестокія. Не уже

„ли сдѣлаешъ шо съ вѣспниками мира?“

Предложеніе приняшо съ доброхоп-
спвомъ. Три дни провели они въ пир-

шеспвахъ. Любославъ, възсѣдѣицѣй за столѡмъ Княжескимъ, съ каждымъ мигомъ пролепающимъ болѣе и болѣе впи-валъ въ себя оправу любви изъ свѣ-п-лыхъ взоровъ Княжны прелеспныхъ. По-зналъ Велькаръ новую язву сердца его и Князь повѣдалъ ея причину.

„Бѣжимъ, Князь, — вѣщаль онъ, бѣ-
„жимъ послѣпно, пока еспъ еще возмо-
„жноспъ. Миродаръ никогда не скло-
„нился наречь шебя сыномъ своимъ:
„полико и одно имя швое ужасно для
„его слуха.“

„Тщешно будешъ шы испаявашъ въ му-
„чипельномъ помленіи, и лучъ опрады
„не освѣшишь мрака души швоей.“

„Или погибну, — или буду обладашь
красами Гликеріи!“ сказыль Князь съ рѣ-
шимостію, и удалился въ черпогъ покоя.

Но покой удалился онъ ложа его,
и дремоша сладкая не посѣшила вѣждъ
Князя шомяцагося. Тысячи предпріятій
вращались въ мысляхъ его. Едва оспа-
навливалась рѣшимоспъ его на одной

мысли; внезапно со другой стороны являлось сомнѣніе; онъ ошвергалъ первое и успрямлялся къ послѣднему.

Тако спраждушій пловецъ, сражаясь съ волнами моря бурнаго, между обломковъ корабля разрушеннаго, видишь доску ушлую, слабую удержавъ его на выблущемся хребтѣ бездной влаги и объемлешь оную съ веселіемъ. Онъ оставяешь ее, поспѣвая къ древу огромному. Оно сильно содержитъ его, но длани человѣка не могутъ обнять всю шолстошу его; они скользятъ, и несчастный по необходимости предаешь на произволь ревущія бездны.

Въ шаковомъ состояніи духа былъ Любославъ недоумѣвающій, какъ злосое солнце просперло взоры свои въ чертогъ покоя. Велькаръ съ дружиною явился вняшь повелѣніямъ Владыки своего, и Князь воззвалъ: „Течемъ въ чертоги „Миродаровы. Хочу испытать, конецъ „ли моимъ бѣдшвіямъ, или неумолимая „доселѣ судьба — до конца пролѣшь на

„меня фіяль гнѣва своего.“ — Они приближились къ высокому престолу Князя Муромскаго, и Любославъ вѣщаль:

„Державный повелитель Муroma!
 „Доволенъ я швоимъ угощеніемъ; много
 „обязанъ швоею ласкою! Но истинная
 „вина моего прибышя, досель шебъ не-
 „извѣсна. Доспоинства несравненныя
 „дщери швоея — досшигли до слуха
 „моего Повелителя. Онъ хочешь сохра-
 „нишь съ шобою миръ и дружбу на вре-
 „мена грядущя!“

„Любославъ моими устами предла-
 „гаешь шебъ желаніе сердца своего, раз-
 „дѣлишь съ нею престоль и судьбу свою!
 „Что возвѣщу я Владыкъ Туровскому?“

Миродаръ пребылъ въ молчаніи. Взоры его обращались перемѣнно по на мудрыхъ совѣтниковъ и на милую дщерь свою, по на вѣстника Любославова. Наконецъ онъ отвѣшшвуешъ:

„Возвѣсти благодарность мою Вла-
 „дыкъ Туровскому за его добрыя мысли
 „о дщери моей. Но купно увѣрь его,

„что она не создана сдѣлать его благо-
 „получнымъ. Она воспитаана посреди мир-
 „ныхъ перемовъ моихъ, и никогда не
 „слыхала звука шрубы бранной. По-
 „добно юной незабудкѣ, цвѣла она подъ
 „пишашельною шѣнію любви родитель-
 „ской. Сердце ея ужасается при одной
 „мысли о кровавыхъ подвигахъ! Любо-
 „славъ жаждетъ славы бранной и гром-
 „кіе вопли побѣдные нѣжатъ слухъ его,
 „какъ журчаніе ручья крошкаго, улаж-
 „даетъ пушника во дни знойные!“

„Любославъ вѣщаль: Повелитель мой
 „премѣнилъ пушь ко счастию! Душа его
 „жаждетъ шеперь шишины благословен-
 „ныя! — Когда соединишь онъ силы
 „свои съ силами Муромскими, тогда
 „хищные сосѣди — не дерзнуть подъяшь
 „прошину кого либо изъ васъ копій бра-
 „ни, и шако миръ крѣпкій оградишь съ-
 „нію своею оба Княжества и ихъ по-
 „велителей!

„Что возвѣспишь на сіе дщерь моя,
 „рекъ шарецъ, обращая къ Гликеріи?“

Родитель мой, вѣщала Княжна съ преклонными взорами, и ланины ея покрылись бѣлизною Лилии, сердце препенало сильно въ груди прекрасныя!

„Родитель мой! если и теперь будешь ты ко дочери своей полюко же милостивъ, колико былъ досель; если насиліе прошивно сердцу швоему, чуждо швоему родительскому, доброму сердцу: то не дѣлай меня несчастною! „Соединеніе съ Княземъ Туровскимъ, „погубишь меня, какъ погубляешь блескъ „молніи, едва возникшую изъ мапернихъ „нѣдръ земныхъ юную незабудку.“

„Не огорчу дочери единшвенныя, „дщери любимыя! рекъ Князь и возспалъ съ сѣдалища. Возвѣспи о семъ „швоему Повелителю!“

Гликерія поверглась въ опеческія объяшія; Совѣшники радосшно воскликнули. Любославъ испоргся изъ чершого съ дружиною; мрачная шуча сердечной скорби покрыла чело его. —

В Е Ч Е Р Ъ Т Р Е Т І Й.

(Оконтаніе.)

Повелѣшь громамъ, пробѣгающимъ поверху ушесовъ кремнистыхъ, да умолкнушь; или палящему Перуну, да сокроешь въ облакахъ свинцовыхъ смерпоносныя очи свои! или вихрю не укрощимому, да сложишь на чело земли крылія свои быспропарящія, — возможно власпи единого Миродержашеля!

Повелѣшь буйному движенію сердца своего, плающаго гнѣвомъ или мщеніемъ, да укрочишь порывы неисповѣстна; или духу своему, мяшущемуся киченіемъ любочестія, да усмиришь его браздою любомудрія; или предрасудку закоренѣлому, да опкроешь очи дремавшія и узришь истину во свѣтѣ ея, — доспойно мудроспи мужа великаго! —

И шаковъ — ко славъ своей и счастію народа подданнаго, явился Любославъ и въ духъ и въ сердце своемъ.

Подъ различными предлогами опдалаяль онъ день своего опбышя изъ Мурома. Миродарь былъ доволенъ его присуш-
свиємъ. Любославъ повѣспвовалъ ему и
дщери его о доблестяхъ рапныхъ вели-
кихъ предковъ крови Славеновой, о ихъ
презрѣни къ бѣдствіямъ, скромности въ
пторжествахъ и сб дныхъ!

Миродарь осклабляль сшарческія
уста свои, наконецъ сказалъ: „Пора-
„зипь злодѣя, умышляющаго на нашу
„свободу; презрѣшь пораженнаго и да-
„ровашь прочный миръ народамъ: въ семь
„шолько полагаю я испинную славу му-
„драго рашоборца.“ —

Наконецъ Любославъ оставилъ чер-
шюги Миродаровы. Съ каждымъ мигомъ,
опдалаявшимъ его опъ спѣнъ Мурома,
гордосшь и надменность его изчезали.
Доспигъ онъ рубежей Туровскихъ, и
воззвалъ къ дружинѣ своей: „Друзья
„мои и сподвижники! Да будеще вы
„свидѣшелями кляшвы вашего Поведи-
„шеля! Опнынѣ славу свою, да посшав-

„лю я въ обладаніи народомъ счастли-
 „вымъ; богатства мои, да измѣрю любо-
 „вію народа моего; побѣды мои, да взвѣ-
 „сятся на вѣсахъ великодушія! Не со-
 „крылось опъ взора моего, сколько въ
 „области Туровской полей невоздѣлан-
 „ныхъ, лѣсовъ неочищенныхъ; ибо руки,
 „долженствовавшія управлять плугомъ
 „и сѣкирою, опягчены были мечами крѣп-
 „кими и копьями дебѣлыми: суешное
 „украшеніе чершоговъ Княжескихъ! одна
 „любовь народа, да будешь опнынъ мо-
 „єю спражею!.,

„Да изженуся изъ столицы моей
 „пѣвцы Польскіе и плясавицы Богем-
 „скія! Они пишались попомъ моего доб-
 „раго народа! Богатства мои безчислен-
 „ны: да печешь единъ изъ васъ — и на
 „рубежахъ женолюбивыхъ Грековъ обмѣ-
 „нишь ихъ на золото и серебро и сель-
 „скія издѣлія! Познаю мудрость Миро-
 „дара: все мое — не есть мое, а моего
 „народа; я спражь верховный и распо-
 „рядишель его сокровищъ.“

Тако вѣщаль Любеславъ и сопушники возсали молитвы къ Богу милосердія за премѣну сердца его, — шоліко вождељнную.

О колико могущешвенна любовь въ сердцахъ опкрышыхъ, въ душахъ мечтами не возмущенныхъ!

Злашовидное солнце бросало уже багряные лучи свои на вершины дубовъ и вязовъ, и Князь среди мрачной дубравы, со вѣсмъ не ожиданно узрѣлъ селеніе многолюдное. — Тамъ, гдѣ дикіе вепри и медвѣди основали древле жилище свое, нынѣ ликовали мирные пастыри и орашай. Спарцы, увѣнчанные классами пшеницы, возлежали при корняхъ древесныхъ. Юноши и дѣвы во льняныхъ одеждахъ веселились въ пляскахъ опцевъ своихъ. Опроки украшенные цвѣтами сельскими, спояли подлѣ спарцевъ съ сосудами меда пѣниспаго. Сладкіе звуки свирѣлей окрестъ раздавались.

Единъ опъ спарѣйшихъ узрѣвъ при бышіе воиновъ незнаемыхъ, вѣщаль:

„кто бы вы не были, спранные виязы,
 „возсядыше съ нами. Се день торжества
 „по скончаниі жашвы; се день благодар-
 „ности нашей къ Богу милосердому и
 „къ Князю Любославу, ущедрившему насъ
 „миромъ и счастиемъ!“

Едва произнесъ онъ слова сіи, сонмъ
 юношей возгремѣлъ въ пѣніи: „да будешъ
 „первая хвала Богу великому и всебла-
 „гому, — вшорая — Князю мудрому и
 „милосшивому. Долго спенали мы подъ
 „шажестію лапъ желѣзныхъ и не могли
 „возрѣнь на солнце Божіе, изъ подъ
 „пѣни шлемовъ нашихъ. Се повелѣлъ
 „владыка Туровскій, и мы паки въ объ-
 „ясняхъ родства, дружбы и опчизны.“

Дѣвы ошвѣпшвовали имъ крошкимъ,
 упоевающимъ пѣніемъ:

„Долго сердца наши жертвовали по-
 „скѣ о вашемъ возвращеніи! Тонки и
 „ломки стебли розы и лиліи! Наспа-
 „нешъ буря свирѣпая, — куда они пре-
 „клоняшъ распускающіяся нѣдра свои,
 „если широколиственный дубъ не

„укроешь ихъ подъ щипомъ крѣпости
„своей? Да будетъ первая хвала наша
„Богу, — впорая Князю!“

Крупныя слезы пали изъ очей Князя и спруились по его ланишамъ. Въ первый разъ позналъ онъ, сколь сладостно мужу вѣнчанному быть между его народомъ во образъ Бога благоспи! Но онъ не постигаль, какъ могъ заслужить любовь всемѣстную, когда едва только предпринялъ о шомъ помыслишь.

Два дня щекъ онъ пушемъ своимъ и верхи спѣнь Туровскихъ возблиспали. На каждомъ шагѣ зрѣль онъ подданныхъ счастливыхъ, веселящихся о Князѣ своемъ.

И се желѣзныя враша сполицы отшверзлись. Спарцы, мужи, жены и дѣвы съ опроками, изшли ему во срѣшеніе. Съдовласый Дорадь приближась къ нему вѣщаль:

„Великъ Богъ! о Князь земли Ту-
„ровскія! Я рабъ швой и гошовъ обლობы-
„зашъ прахъ ногъ швоихъ; но шы благо-

„родень, я люблю тебя; дозвожь паспъ
 „на выю швою! Подъ симъ опверзшымъ
 „небомъ, при взорахъ сего народа я дамъ
 „ощчепъ въ управленіи моемъ, швоимъ
 „доспояніемъ. Ни злаша, ни сребра, ни
 „шканей драгоцѣнныхъ, ни камней само-
 „цвѣтныхъ нѣтъ у тебя болѣе: все
 „обращено на пользу, а не на суешносць!
 „Все обмѣнялъ я — на любовь къ тебѣ
 „народную!“

Въ величественномъ молчаніи Князь
 низшелъ съ коня своего, преклонилъ ко-
 лѣна предъ изображеніемъ Божиимъ, дер-
 жимымъ въ рукахъ верховнаго священно-
 служителя, и возкликнулъ:

„Туряне! народъ храбрый, велико-
 „душный! Я по Богъ, ошець вашъ! До-
 „радь! благородный мужъ и другъ мой!
 „я буду въ собшвенныхъ глазахъ до-
 „спойнѣ, когда удоспоюсь получишь
 „опъ тебя имя друга и брата млад-
 „шаго!“

Проходя широкій дворъ свой, Князь
 съ удивленіемъ увидѣлъ крайнѣ мало-

людоство. „Гдѣ же, воззвалъ онъ, шѣло-
 „хранители мои многочисленные? Гдѣ
 „псари мои, гдѣ прубачи, всегда вспрѣ-
 „чавшіе меня у прага Чершоговь?“

„О Князь! вѣщаль Дорадъ: всѣхъ
 „зрѣлъ ты у врагъ двора швоего. Все
 „излишнее, и попому и вредное удалено
 „опъ чершоговь швоихъ. Я желалъ, чпо-
 „бы шѣлохранителями швоими были —
 „всѣ Туряне — а нынѣ всѣ шаковы они.
 „На чпо тебѣ звуки прубные! Гласъ
 „любви народной, спокрашно любезнѣ!
 „На чпо тебѣ шушы дворцовые? Кшо
 „любимъ, попъ не имѣешь нужды въ по-
 „спороннемъ разсѣяніи!“

По крыльцу песовому взошли они
 въ черпоги проспранныя. Удивился
 Князь, узрѣвъ пословъ всѣхъ сосѣднихъ
 Князей и даже опъ спранъ опдален-
 ныхъ. Во знакъ чеспи доспойныя, пре-
 клонили они главы свои и единъ опъ нихъ
 вѣщаль: „здравія и долгоденствія могуще-
 „му Любославу, владыкѣ Туровскому же-
 „лаешь Повелишель мой и весь народъ его!

„Се посылаешъ онъ тебѣ дары свои и
 „хощешъ слова швоего Княжескаго о про-
 „долженіи къ нему дружбы брашскія —
 „и мира для его народа!“ „Успа его из-
 „рекли и наши слова, воскликнули дру-
 „гіе послы и предложили дары свои.“

Любославъ ласково принялъ предло-
 женія, повелѣлъ одарить каждого по
 достоинству, и оппустилъ ихъ, возсы-
 лающихъ ему хвалу и благодареніе.

„Князь! воспріялъ рѣчь Дорадъ съ-
 „доглавый! Се зришь ты разноситъ меж-
 „ду истиннымъ и мнимымъ величіемъ.
 „Кто изъ Владѣтелей Россійскихъ искалъ
 „доселѣ союза швоего и дружбы, когда
 „ты появлялся народу, окружаемый стѣ-
 „ною швоихъ оруженосцевъ? Днесъ, —
 „когда нѣтъ при тебѣ ни единого шѣло-
 „хранишеля, днесъ присылаются къ тебѣ
 „послы опъ спрашь далекихъ, да испро-
 „сятъ и миръ и дружбу! Какая вина
 „сему? Они познали, что теперъ ты
 „могущешвеннѣ всѣхъ ихъ; ибо весь

„народъ швой, ешь швой сильнѣйшій
„шѣлохранишель!“

Успокоясь опть пуши дальнаго, Князь возсѣлъ на престолѣ правосудія. Черпоги его были опкрышы всякому, не взирая на одежды злапошканныя — или рубища ничпожныя. Всякая неправда предъ лицемъ его произнесенная, достойно была наказана. Векорѣ познали всѣ, что Князя Любослава обманчивою личиною обольсшишь невозможно, и прешупленія пошепенно умаялись, и къ исходу зимы суровыя Князь не зрѣлъ уже у подножія престола своего ни обвиняющихъ, ни обвиняемыхъ. Одни друзья избранные съ искренними сердцами и свѣслыми лицами — окружали блестящій престоль Пovelишеля.

Воссіяла весна желанная на лонѣ земли Туровскія и крошкой рукою украсила холмы и долины, правою злачною и цвѣшами прелестными. Забилось сердце повелишеля съ новою силою, — онъ во-

спомнилъ о Миродарѣ и о любезной дочери его.

„Съдлайше быспраго коня моего, воззваль онъ къ Велькару и дружинѣ; заутра печемъ во спрану Муромскую къ доброму Князю, Миродару госпелпріимному.“

Паки сѣдовласый Дорадъ принялъ въ руки свои бразды правленія. Князь и сопутники его опсправились пушемъ своимъ. Шеспвіе ихъ было мирно. Хвалебныя пѣсни вспрѣчали ихъ; благословенія сопровождали!

Быспрокрылая молва, носясь по вѣсямъ и дебрямъ, по холмамъ и долинамъ, возвѣспила всѣмъ о веспупленіи Князя Любослава въ предѣлы земли Муромскія. „Благословенно шеспвіе его, вѣщаль Миродаръ, обращаясь къ друзьямъ своимъ. „Нынѣ повелитель Туровскій перемѣнился; изъ надмѣннаго, гордаго юноши онъ учинился примѣромъ вождей и повелителей. Если онъ и до сихъ поръ не охладилъ любви своей къ моей Гли-

„керіи, — я испрося благословенія у не-
 „бесъ, вручу ему руку ея и нареку лю-
 „безнымъ сыномъ своимъ! Текише ору-
 „женосцы ему во срѣшеніе! Повѣдайше,
 „что враща двора моего опшверзшы и
 „гоповы сполы мои съ яспвами обиль-
 „ными и пишіемъ сладкимъ!“

Пала хладная роса вечерняя на лоно
 розы пущынные! Зарыдала Гликерія
 въ дѣвическомъ шеремѣ своемъ. На влаж-
 ныхъ рѣсницахъ ея плавали сребри-
 стыя искры мѣсяца свѣшлаго; она вѣщала
 къ нему: „Прелесненъ взоръ швой, свѣ-
 „шило любезное; капишься пы на рав-
 „нинахъ неба безоблачнаго! Ни кто не
 „соврашишь тебя съ пуши избраннаго!
 „Такова цвѣла я доселѣ въ черпогахъ
 „опца моего! Но что зрю я? Почшо пы
 „дозволяешъ облакамъ мрачнымъ разши-
 „лашься по свѣшлому челу швоему? Ахъ!
 „видно и надъ шобою власпъ высшая!“

„Прелесшная Княжна! вѣщала къ ней
 „вѣрная ея мама, что значить скорбь
 „носящаяся на лицѣ швоемъ? Колико

„счастлива ты, если Князь Туровскій
 „избереть тебя супругою? Прелестъ
 „власти и господства, украситъ жизнь
 „швою! Увы! Гликерія опвѣспвовала
 „спокрашно была бы я счастливе, не
 „бывъ дочерію Повелишеля! Познай вер-
 „ная подруга дѣшства моего и насав-
 „ница! Скорѣ сойду я во гробъ, чѣмъ
 „опочію на ложѣ Любослава. Сердце
 „мое невольно опдалось иному. Обла-
 „дашель его ешь бывший у насъ вѣсп-
 „никъ двора Туровскаго! Почшо роди-
 „шель мой дозволилъ мнѣ видѣшь его!
 „Почшо каждодневно угощаль его за спос-
 „лами нашими!“

Болезнующая мама печеть въ чер-
 тогъ своего Повелишеля шайными вхо-
 дами, и повѣдаеть ему сосшюніе души
 дщери его прелешныя.

Несказанно пораженъ былъ Князь во
 глубинѣ души своей. „Что предприемлю
 „я? Кого огорчить вознамѣрюся? Благо-
 „роднаго ли сосѣда моего Князя Любо-
 „слава, или дщерь единшвенную? Въ ка-

„комъ запрудненіи бываетъ иногда сердце родителя!“ — Часть ночи провелъ Князь въ совѣщаніяхъ съ своими друзьями, и звѣзда утренняя нашла его бодрствующимъ.

„Наконецъ, вѣщаль онъ: не забылъ я словъ родителя моего, вѣщавшаго ушами предковъ своихъ, что Повелитель міровъ, если провидѣнію его благоугодно поразитъ сердца смертныхъ горешію, избираетъ предметомъ гнѣва своего мужей крѣпкихъ.

„Они поразятся, но не падутъ подъ ударомъ пораженія. Сердце жены есть стекло ломкое. Оно прекрасно, доколѣ несокрушенно; малѣйшая неосторожность — и его нѣтъ. Опкажу Любославу въ его прѣбаваніи. Народъ мой сжалился надъ спарцемъ вѣнчаннымъ — и не возропщеть. Любославъ мудръ и не восхопщеть умножать моихъ горешей.“

Такъ рекъ Князь — и широкая дверь храмины его ошверзлась быспро. Окру-

женный юношами Туровскими, Велькаръ является въ бронѣ блестящей. Онъ предспааетъ Князю и вѣщаетъ:

„Миръ и благоденствіе и владыкъ
 „и народу Муромскому! Князь земли
 „Туровскія, повелитель мой, пришекъ
 „уже на широкій дворъ швой; но пир-
 „шества швои ему не надобны. Дошолъ
 „не сойдешъ онъ съ хребта рашнаго ко-
 „ня своего и не вступишь въ свѣцлые
 „черпоги швои, доколъ не наречешъ его
 „желаннымъ зятемъ своимъ. Если сіе
 „не угодно тебѣ, онъ обращается вспяшь;
 „но пребуди покоенъ! и желанія опгѣз-
 „жающаго, будущъ исполнены сердечнаго
 „желанія тебѣ мира и благоденствія!“

Умолкъ. По нѣкошоромъ размышле-
 ніи Миродаръ опвѣшшвовалъ:

„Еслибы соизволенія судьбы сопро-
 „вождали всегда желанія смершныхъ; шо
 „участъ ихъ была бы подобна блажен-
 „ству жипелей неба. Объяви повели-
 „телю швоему и дружбу и любовь браш-
 „скую; но дщери моя не опдамъ ему!

„За счастье пріялъ бы я опть неба —
 „возможность имѣшь Любослава сыномъ
 „своимъ! но онъ не восхощетъ насилія:
 „сердце дщери моей, передано уже Ра-
 „диму, бывшему послу его при дворѣ
 „моемъ! Клянуся прахомъ опца моего,
 „Радимъ будешь супругомъ Гликеріи и
 „наслѣдникомъ престола Муромскаго.“

Внявъ рѣчи сіи, Велкаръ улыбнулся. Не сдѣлавъ обычнаго преклоненія предъ повелителемъ, быспро испоргся онъ изъ хранины. Негодование разлилось во взо-рахъ Князя и совѣшниковъ. Таковая дерзость была неслыханная, и Миродаръ предвидѣлъ въ ней ясное объявленіе войны кровавыя! Въ кропкомъ сердцѣ его вращались чувства различныя! Какъ соединить мужъ добродѣтельный двѣ прошивоборствующія спрасши: любовь ко дщери и любовь къ народу! Онъ зрѣлъ милую Гликерію, со слезою восхищенія восходящую на ложе брачное; но увы! ложе сіе плавало въ крови народа и огнь свирѣдствовалъ въ чертогахъ!

Не могъ онъ произнести еще ни еди-
наго слова, какъ являешся випись вели-
чественный въ спальной бронѣ, укра-
шенный сребромъ и златомъ. Вокругъ
тяжелого шлема его изсѣчена была хи-
щрою рукою златая діадема Княжеская.
Приблизась ко Князю, преклонилъ онъ
колѣно и вѣщаль: „Если правдивы слова
„швои, повелишь Мурома, что сердце
„Гликеріи прелестныя склонно къ Ра-
„диму, то сей благополучный смертный
„предстоишь предъ тобою. Познай въ
„госпѣ швоемъ Радимъ — Любослава Ту-
„ровскаго!“

Возсаль онъ. Миродаръ съ радо-
стнымъ крикомъ палъ на выю его. Ви-
писи и совѣшники восплескали; веселые
шрубные звуки раздались повсюду.

Скоро вяла Гликерія винъ шоликой
радости, и сердце ея, дошолъ оледенѣ-
лое, сладостно зашрепешало въ груди ле-
бединой.

Въ шощъ же день благословеніе свя-

щеннослужителя соединило ихъ узамъ любви и счастья.

Такъ Любославъ позналъ наконецъ, что единая кропосшь и милосердіе къ народу, могущъ осчастливишь повелителя.

Прошекли дни пиршествъ обычныхъ, Любославъ оставилъ веселые черпоги Миродаровы, пошекъ ко граду опеческому и съ кропкою, прелесною супругою, возсѣлъ на пресполь опцевъ своихъ. Явился къ нему праведный пуспыножитель Іоиль, и вѣщаль:

„Благословеніе неба и земли, да по-
 „чѣшь на главѣ швоей, Повелитель!
 „Днесъ увѣрилась душа швоя, что не въ
 „побѣдахъ бранныхъ, не въ шоржествахъ
 „кровавыхъ, не въ имени завоевателя
 „— пріобрѣтаешся счастье Владыкъ зем-
 „ли! Пройдутъ мѣсяцы и годы, прой-
 „дутъ вѣки цѣлые; мѣдъ и мраморъ со-
 „крушатся, исплѣютъ кости и въ прахъ
 „обращатся; все исчезнешъ, кромѣ вос-
 „поминанія добродѣтели, или злодѣйства!

„отдаленнѣйшее попомство или просла-
 „вишь, или предасшь проклятію души
 „наши!“

Блаженъ, стократно блаженъ шощь,
 кпо цѣлыми племенами, по разрушеніи
 земнаго бытія своего, ошь безприсрасп-
 наго попомства наречень будешь до-
 бродѣшельнымъ! Испинный, Великій су-
 дія міра не отринешь его ошь опече-
 скихъ взоровъ своихъ. —

В. Нарѣжнѣй.

ПОНТЬ ДЕ ЛА ГАРДИ.

Изслѣдованіе народнаго преданія, относящагося до завоеванія Ингерманландіи Россіянами ().*

Финляндцы, живущіе въ Ингерманландіи, — особенно же въ Токсовомъ приходѣ (Кирхшпилѣ), рассказываютъ вымышленную, но имѣющую нѣкоторую связь съ истиннымъ происшествіемъ повѣсть, о Понтѣ де ла Гарди. Сіе народное преданіе, которое распространилось въ разныхъ мѣстахъ съ перемѣнами и дополненіями, есть слѣдующее:

(*). Спашья сія предсшавлена въ Общество на Нѣмецкомъ языкѣ и сочинена С. Пешербургской Губернской Гимназіи Учительемъ, Пасшоромъ Гиппингольб.

„За нѣсколько сошъ лѣтъ предъ симъ про-
„изходили кровопролитныя войны меж-
„ду Швеціею и Россіею; сила послѣд-
„ней всегда одерживала верхъ. Нако-
„нецъ, когда Шведы, во все неожидан-
„но, получили новаго Военачальника, по
„имени Понша, кошорый былъ въ тай-
„ной связи съ духами и производилъ
„невѣроятныя чудеса: по дѣла Шведовъ,
„мгновенно приняли другой оборонъ.
„Сей Военачальникъ быспро проходилъ
„лѣса, горы, болоша. Присущствіе его
„было ужасно: ибо онъ испреблялъ и
„разрушалъ все, что шокмо на пуши
„ему ни встрѣчалось. Однажды какъ
„сей опустошителъ легъ опдохнуть
„у *красной сосны*, вдругъ выросло на
„шеѣ у него большое дерево. — Про-
„будясь опъ сна, едва онъ могъ вспашъ
„съ земли. Сіе приключеніе почель онъ
„наказаніемъ Божескимъ; пошчасъ со-
„бралъ всѣхъ своихъ воиновъ, отпра-
„вился въ пушь, и съ шѣхъ поръ ни-
„когда уже болѣе не являлся. До шого

„времени часто видали его на шакъ на-
 „зываемой *Понтовой Горѣ*, гдѣ онъ, на
 „долинахъ, ее окружающихъ, далъ кро-
 „вопролишное сраженіе. (*)“

Преданіе сіе относится къ извѣст-
 ному и достопримѣчательному произше-
 ствію, случившемуся въ концѣ шеснадца-
 таго и въ началѣ семнадцатаго спо-
 лѣтій, въ то время, когда иноплеменные
 полководцы вторгнулись въ предѣлы Рос-
 сии, и когда Поншъ де ла Гарди наи-
 болѣе всѣхъ прославился особымъ сча-
 стіемъ. Чрезмѣрная жестокость сего
 Полководца произвела въ народѣ споль-
 сильное впечатлѣніе, что память его со-
 хранилась до позднѣйшаго потомства.
 Поншъ родомъ не изъ Швеціи; предки
 его также оттуда не происходили. Ро-
 дители его — Якобъ Вильгельмъ де ла

(*) Почти все повѣствуемое здѣсь о Поншѣ
 де ла Гарди, смѣшано съ исторіею извѣст-
 наго Кнуса Поссе, который жилъ за сто
 лѣтъ до него. Можетъ быть войны сына
 его, Якоба де ла Гарди, позже подали поводъ
 къ сему народному преданію.

Гарди и Екашерина Сентъ Коломбъ, были оплечные люди и долго жили въ Лангедокъ. Въ молодыхъ лѣтахъ своихъ, служилъ онъ подъ начальствомъ знаменитаго Маршала Бриссака и принесъ опечеству первые плоды своего мужества, принявъ начальство надъ войсками, посланными Королемъ Генрихомъ II въ Англію, для вспомошествованія Маріи Спуарпъ, Королевѣ Шотландской. Потомъ вступилъ онъ въ Данскую службу, гдѣ при сдачѣ Шведамъ крѣпости Варберга въ 1665 году, взявъ ими въ плѣнъ и вскорѣ принявъ въ Шведскую службу. Здѣсь достигъ онъ высочайшей степени своей славы; но какъ воинскіе подвиги его довольно извѣсны намъ изъ Исторіи: то и не нужно особенно объ нихъ распространяться, кромѣ тѣхъ случаевъ, когда потребно сіе будетъ для объясненія выше приведеннаго народнаго преданія (*).

(*) Біографія его находится кромѣ: Оега-

Изъ Исторіи извѣстно какимъ образомъ переменна государственнаго правленія въ Лифляндіи, возникшая отъ слабости рыцарскаго ордена, подала въ то время поводъ всѣмъ торговымъ народамъ искать своихъ выгодъ въ сихъ смутныхъ обшояшельствахъ. Одна часть изъ нихъ старалась посредствомъ торговли соединиться съ Россією; другая же, сему препятствуя, желала овладѣть Россійскою торговлею на Балтійскомъ морѣ. Швеція и Польша принадлежали къ сей послѣдней системѣ. Миръ, заключенный въ 1557 году въ Москвѣ, казалось, долженъ былъ окончить всѣ вражды, между Швецією и Россією производившія, тѣмъ болѣе, что и самое состояніе обѣихъ державъ требовало продолжительнаго мира. Между тѣмъ однако Лифляндія, коея

hjelms vita Pontus de la Gardie. Lipsiae 1690.
Также у Далина въ Исторіи Шведскаго Государства, у Гецелия въ Біографическомъ словарѣ, (Gezelii Biografiska Lexicon) у Спирнманна въ Adeligä Matrikel и у многихъ другихъ.

мѣстоположеніе было весьма выгодно для Россіи, вновь обратила на себя взоры Царя Іоанна Васильевича, и безъ того уже на обладаніе оною имѣвшая совершенное право. Онъ возобновилъ свои требованія, подкрѣпивъ оныя многочисленными войсками. Гермейсперъ, спѣсненный со всѣхъ сторонъ и не имѣя силъ защищать своей земли, испрашивалъ помощи у всѣхъ Европейскихъ Державъ, дѣлая съ своей стороны великія обѣщанія. Швеція склонилась на его приглашеніе, получивъ во владѣніе свое часть Эстляндіи, чѣмъ самымъ и прерванъ былъ миръ съ Россією.

Въ то время царствовалъ въ Швеціи Эрикъ XIV. Но какъ отношенія, въ коихъ находился онъ тогда съ братомъ своимъ Іоанномъ, препятствовали надлежащимъ образомъ продолжати войну: то въ 1564 году заключилъ онъ перемиріе на семь лѣтъ, дозволивъ между

прочимъ всѣмъ народамъ свободное оп-
 правленіе шорговли въ Нарвѣ, въ чемъ
 однако вскорѣ попомъ онъ разказивался,
 видя, что большая часть ввозимыхъ
 шуда шоваровъ соспохла изъ воинскихъ
 различнаго рода снарядовъ, копорые въ
 послѣдствіи времени долженспвовали
 бышь употреблены прошивъ него же.
 Впрочемъ не онъ произвелъ разрывъ:
 поелику въ 1568 году онъ былъ свер-
 гнутъ брапомъ своимъ съ престола.
 Иоаннъ III, видя вредныя послѣдствія,
 произпекающія онъ перемирія и нахо-
 дясь въ несогласіи съ Царемъ (*), не за-
 медлилъ привеспи въ дѣйство предна-
 чершанія своего брата.

(*) Сколь велика была вражда между Госуда-
 ремъ Россіискимъ и Королемъ Шведскимъ мож-
 но заключить изъ писемъ, напечатанныхъ въ
 St. Petersburgisches Journal 1777 года въ 3. Ч.
 стр. 45; и въ 4. Ч. стр. 336 переведенныхъ
 изъ древней Россійской Вивлюеики. Письма
 Иоанна Васильевича переведены также на
 Шведскій языкъ и напечатаны въ Tidningar
 utgifna af ett Sällskap i Abo, 1778. —

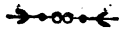

Война мгновенно вспыхнула въ Лифляндіи. Между тѣмъ какъ Шведскія войска старались воспрепятствовать быспрымъ успѣхамъ Россіянъ, Финляндія оставлена была безъ всякой обороны, ошъ чего, особенно пограничныя области оной, вскорѣ испытали ужасы и бѣдствія, неразлучныя съ войною: ибо Царь Іоаннъ Васильевичъ въ 1572 году, вторгшись въ предѣлы сей страны, опустошеніемъ ея старался отмстить Королю за нанесенное ему оскорбленіе. Финляндскія войска были собраны и Іоранъ Бое избранъ начальникомъ надъ оными. Сосшавлены планы для обороны сей страны и жители казалось ожидали съ радостію будущаго. Хотя всѣ предначертанія были весьма хороши, однако не доставало средствъ къ приведенію оныхъ въ дѣйствіе; ибо войско частію было малочисленно, частію же дѣйствовало безъ надлежащаго порядка итакъ, что Россіяне безпрепятственно могли продолжашь на

Финляндію свои нашествія. Вскорѣ неуспройсхва въ Финляндскомъ войскѣ побудили избрать Полководцемъ Понша де ла Гарди, нарочно для сего вызваннаго (*). Тогда положеніе дѣль въ Финляндіи приняло другой оборотъ, и Поншъ, не довольствуюясь защищеніемъ сей страны, самъ перенесъ оружіе во внутренность границъ Россійскихъ, гдѣ предавая все огню и мечу, распространилъ ужасъ между невинными поселянами. Поншъ де ла Гарди представлялъ важное лице въ возмущеніи противу Короля Эрика XIV (**), былъ въ милости у

(*) Онъ находился тогда чрезвычайнымъ посломъ при Французскомъ дворѣ, откуда и вызванъ былъ въ Швецію.

(**) Въ то время, когда Эрикъ XIV былъ взятъ въ плѣнъ, Поншъ раженъ былъ въ руку однимъ изъ пѣдохранишелей сего Короля. Онъ первый подалъ голосъ къ его низверженію и въ немъ имѣлъ защитника оныхъ приверженцевъ Эрика. Смолри *Celsii Erici deo 14 Historia* p. 267, 275 и 292.

новаго Короля Іоанна III, и даже вступи-
пилъ въ бракъ съ Софіею Гюлленгельмъ,
побочною дочерью сего Государя (*).
Изъ сего видно, что начальство его надъ
Финскими войсками было предуготов-
лено сими обстоятельствомъ. Въ 1580
году пошелъ онъ въ походъ и 4 Ноября
находился уже предъ Кексгольмомъ (**).
Исторія не показываешь, какою дорогою

(*) Въ какой милости тогда онъ находился,
сие доказываютъ сдѣланныя ему различныя на-
грады. На примѣръ онъ получилъ отъ Коро-
ля въ 1580 году весь Лимингскій Кирхшпилъ
въ Осп-Вопнии; Колку въ Лифляндіи 1581
года; каменный домъ въ Нарвѣ 1582; Кеп-
пильгофъ въ Лифляндіи 1584; и каменный
домъ въ Абовѣ того же года. Относительно
брака его, находишь ошибку въ Исторіи Кня-
зя Щербатова въ 3. Части на стр. 44 и 86.
Вѣроятно она произошла отъ смѣшенія име-
ни Короля.

(**) Крѣпость Кексгольмъ, лежащая у Лад-
ги, построена, какъ повѣствуютъ Шведскіе
Историки, въ 1290 году Торкелемъ Кнухсо-
номъ. Но названіе ея, которое не Шведска-
го но Финскаго происхожденія, опровергаетъ
сие показаніе. Въ Рускимъ лѣтописяхъ гово-

пришелъ онъ шуда; впрочемъ сіе не со-
спавляешъ важности: ибо хопя бы онъ
прошелъ чрезъ Вильманшшрандъ (сей го-
родъ тогда не былъ еще построенъ), или
чрезъ Выборгъ, ему необходимо должно
было осадить лежащую на Сѣверѣ крѣ-
пость Кексгольмъ, дабы позади себя не
оставилъ непріателя. Въ семъ походѣ
онъ дѣйствоваль единственно по пове-
лѣнію Короля, что доказываетъ полу-
ченная имъ инспрукція, въ коей ска-
зано: „Съ начала онъ долженъ осадить
Кексгольмъ; но какъ взяли онаго сопря-
жено съ большими трудностями, то раз-
дѣлили чешыре тысячи шалеровъ сере-
бромъ между воинами, опличившимися
наиболѣе при взятіи сей крѣпости“ (*).

рился также о городахъ и крѣпостяхъ въ Ко-
реліи. Въ нихъ означены еще многія другія
изъ древнѣйшихъ крѣпостей близъ Кексголь-
ма. См. *Description Chorographique de la Fin-
lande par Friscius.*

(*) *Praeterea loco gratuiti numeris distribuendi
inter milites, quatuor unciarum thalerorum millia*

Ч. IV. Кн. 3.

22

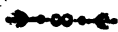
По маломъ сопротивленіи Кексгольмъ былъ взятъ и когда Русскіе ошеснули, тогда посланъ былъ шуда Шведскій гарнизонъ и Іёранъ Бое сдѣланъ Комендантомъ сей крѣпости. Поншъ де ла Гарди, прошедши далѣе, предпринялъ намѣреніе взять крѣпость Нюшебургъ; но сіе сопряжено было съ большими трудностями: ибо кромѣ того, что крѣпость сія упорно защищаема была Русскими, самое положеніе ея было столь для нихъ выгодно, что Шведамъ едва возможно было къ ней приблизиться. Для взятія Нюшебурга Поншъ начерпалъ слѣдующій планъ: Финляндскимъ войскамъ и крестьянамъ велѣлъ онъ осаждашь крѣпость; но какъ провіантъ безпрепятственно могъ бытъ доставляемъ водою, то взявъ онъ множество судовъ изъ Ладожскаго озера (вѣроятно

Ponto submisit (scil. Rex) unde tamen nihil acciperent hi, qui capiendae Kexholmensis arcis periculo se subduxerunt. Oernhjelm p. 175.

пакъ называемыхъ барокъ) и посадивъ на оныя значное число войска, снабженнаго пушками, расположилъ суда предъ успьемъ рѣки съ шѣмъ, что если не сдѣлаешь ничего силою, то голодомъ принудишь жишелей сдать крѣпость (*). Не надѣясь въ семь году никакого успѣха отправился онъ въ концѣ Декабря въ Выборгъ, а въ слѣдующемъ 1581 году перешель черезъ ледъ въ Лифляндію. Весною былъ онъ опяшь въ Финляндіи; льно провелъ большею часпію въ Швеціи, а по возвращеніи своемъ опшуда, жилъ по въ Финляндіи и Ингерманландіи, по въ Лифляндіи (**), усугубляя въ сіе время спараніе свое, принудишь къ сдачѣ крѣпость Номебургъ. Новое нападеніе его было также неу-

(*) Ad intercipiendam Noteburgum militum rusticorumque e Fennis manu castrum id obsideri voluit, qua parte per terram daretur aditus etc. Oernhjelm p. 178.

(**) Kelch Liffändische Geschichte p. 363.

дачно (*). Шведская Исторія повѣ-
 ствуетъ, что одинъ Русской бойринъ,
 по имени Афанасій Бѣльскій, находясь
 въ плѣну, сдѣлалъ Шведамъ новый планъ
 для взятія крѣпости. Если сіе и
 несправедливо: то достоверно, что
 Шведы будучи разбины, оцѣпунили на-
 задъ съ большою пошеркою. Причиною
 сего Шведскіе Историки полагаютъ по-
 что, когда часть стѣнъ сей крѣпости
 была взорвана, то рѣка препятствовала
 вспомогательнымъ войскамъ прийти
 на помощь осаждавшимъ. Понгъ пре-
 бывалъ послѣ сего большею частію въ
 Лифляндіи, куда перенесена была пог-
 да война и занимался возстановленіемъ

(**) Смощи Далина *Geschichte des Königr. Schweden*, Т. 4. С. 14, § 21. Миллеръ — въ *Samm- lung Russisch. Gesch.* Т. V. р. 221, говоритъ, что Шведы навели плашкошный мостъ до самаго города. Щербатовъ въ Истории своей о семъ произшествіи ничего не упоминаетъ, а го- воритъ, что Шведы продолжали дѣлать опустошенія въ Россіи. Т. V. Ч. III, стр. 189.

мира между Россією и Швецією. Въ сіе время постигло его нещасіе, спойвшее ему жизни. При переправѣ его чрезъ рѣку Нарву, корабль его разсѣлся, и онъ погибъ съ большею частію войска. Должно ли приписать сей случай его нещасію или ухищреніямъ его враговъ, рѣшишь шрудно: поелику Исторія къ объясненію сего произшествія ничего не предспавляетъ.

... Большое счастье возбуждаетъ въ не-образованномъ народѣ чрезмѣрное удивленіе, а опъ удивленія переходитъ онъ скоро къ суевѣрнымъ мыслямъ о содѣйствіи свержестешвенныхъ силъ. Сіе произошло и съ Поншомъ де ла Гарди. Военскіе успѣхи его и ужась, распро-спраненный имъ между жипеями завое-ванныхъ обласпей, заспавили ихъ ду-мать, что онъ находился въ шѣсной связи съ духами и при помощи ихъ про-изводиль жестокоспи, приводящія въ содроганіе челоувѣчешво. Сія догад а согласуется не шойко съ преданіями, но

и съ другими извѣспіями. Особенно же примѣчательно письмо Короля Іоанна, въ коемъ вскорѣ по взятіи крѣпости Кексгольма, онъ изъявивъ благодарность свою Поншу и войскамъ, за оказанную при семъ дѣлѣ храбрость, въ то же время выговариваетъ имъ за то, что они безъ дозволенія его, вынесши изъ церквей Кексгольма образа и каеэдры, перевезли оныя въ свои собственныя церкви въ Финляндію (*). Кажется, что Королю довольно извѣсны были поспулки войска его въ Ингерманландіи: ибо въ другомъ письмѣ (1681) напоминаетъ Поншу, чтобы онъ щадилъ сколько возможно священниковъ, монаховъ и дру-

(*) Oegnhjelm, p. 176. Король повелѣлъ, чтобы вещи тотчасъ были возвращены и сохранены въ Выборгъ до собственнаго его распоряженія. Неизвѣстно, оспались ли онѣ въ Финляндіи или опсправлены попомъ въ свои мѣста. Замѣчательно, что пояши вездѣ въ Новой Финляндіи оспалась молва, что большіе колокола зарышы Русскими въ землю во время прежней войны, или взяты ими.

гихъ духовнаго званія людей, равно какъ и церкви и священныя мѣста (*). Еще разъ послѣ того Король писалъ, чѣобы Поншъ въ случаѣ покоренія Ношебурга или Новгорода, строго запрешилъ бы проливать человѣческую кровь, разрушашь и опустошашь церкви и оскорбляшъ женъ (**). Изъ сихъ споль часшо возобновляемыхъ повелѣній думашь можно, чѣо шаковыя жалобы неоднократно доходили до Короля, копорый запрешая насиліе, желалъ крошосшію покоришъ сердца народа.

Кромѣ сего преданія, встрѣчающся многіе предметы, извѣстные въ Ингерманландіи и относящіеся ко времени Понша де ла Гарди, изъ коихъ заслуживающъ особенное вниманіе такъ называемая *Понтова Гора* въ Токсовѣ, *Понтовы мосты* въ Токсовѣ и Кельшосъ и *Понтовъ острогъ* (укрѣпленный городъ) въ Кивинебѣ.

(*) Oernhjelm p. 178.

(**) Oernhjelm p. 188.

Понтова Гора вѣроятно извѣстна уже тому, кто хотя одинъ разъ посѣдилъ каршинныя мѣста въ Токсовѣ. Она лежитъ недалеко отъ церкви противъ Священническаго двора, и кромѣ своего прекраснаго мѣстоположенія въ сравненіи съ окрестъ лежащими горами, не имѣетъ ничего достопримѣчательнаго. — До сего еще времени виднѣнъ шамъ лежащій вдоль горы довольно высокій земляный валъ, копорый прежде былъ гораздо выше. Жители сихъ странъ повѣствуютъ, что на сей горѣ видѣли Понта и что въ окрестныхъ долинахъ происходило большое сраженіе. Вѣроятно, здѣсь нѣкогда расположенъ былъ лагерь: ибо гора сія есть высочайшая во всей окрестности. Что же касается до сраженія, то хотя и кажется, что мѣстоположеніе Токсова совершенно къ тому неудобно; но еслили вспомнишь, какимъ образомъ ведена была тогда между Швеціею и Россіею война, то въ достоверности онаго нель-

зя нимало сомнѣвались. Даже можно полагать, что Россіяне въ окрестностяхъ Токсова спарались обезпокоивать Шведовъ, гдѣ высокія горы служили имъ защипою, предспавляя удобспва къ нечаяннымъ на непріятеля нападєніямъ.

Такъ *называемые Понтовы мосты* идушь чрезъ болоша и озера прямою дорогою. Величайшій изъ оныхъ былъ въ 6 верспъ длиною, малый же въ нѣсколько сажень. Неизвѣспно для чего они были поспроены. Обыкновенно почиаютъ ихъ дорогами, успроенными Шведскихъ Полководцемъ для крапчайшаго сообщенія съ Нюшебургомъ. Сіе предположеніе можешь основываться на томъ, что Понпъ, подвигаясь опъ Кексгольма къ Дранишниковой, долженъ былъ слѣдовать обыкновенному пути; но опсюда върочно проходилъ онъ лѣсами: ибо иначе надлежало ему сдѣлать большой кругъ. Самое положеніе мостовъ сему соопвѣпствуешь. Величайшій изъ оныхъ начинается опъ деревни Гепоярви не-

подалеку отъ Паргалы, подлѣ нынѣшней большой дороги и простирается около шести верстъ чрезъ широкое болото до деревни Рябовы на рубежѣ Токсовскаго и Кельповскаго приходоу. Другіе мосты находятся въ маломъ отъ другаго разстояніи. Но какъ извѣстно, что издревле существовало сообщеніе между Выборгомъ и Нюнебургомъ, то трудно повѣрить, чтобы Понтъ, для сокращенія пути проложилъ новую дорогу чрезъ лѣса и болота, для чего потребно было гораздо болѣе времени, нежели на переходеніе нѣсколькихъ верстъ. Вѣроятнѣе то, что Русскіе, ожидавшіе Понта на большой дорогѣ, находились около Токсовой и что Понтъ, о семъ узнавши и опасаясь сътылу ихъ нападенія, старался вывести ихъ изъ занимаемой ими позиціи. Почему можно предположить, что сіи мосты были ничто иное, какъ именуемые на древне Шведскомъ языкѣ Bräthen, которые весьма часто употребляемы бы-

ли во время войны. Есплы непріятель покушался сдѣлать переходъ чрезъ лѣсиспыя мѣста, но дѣрева подрубывались шакъ, чшобы между ими можно было опкрышь ему пушь. Солдаты находились въ засадѣ, будучи въ готовности напасшь на непріятелиа съ пылу, поспавя пушки впереди (*). Сім моспы

(*) Неизлишне сообщимъ здѣсь Шведскаго Короля Гуснава I письмо отъ 3 Декабря 1555 года: „Върноподданные! Мы преподали вамъ „ совѣшь, какимъ образомъ должны вы поступъ „ пашь съ Русскими въ случаѣ впорженія ихъ „ въ границы наши; наиболѣе должно спа- „ рашься, опдаляшь провіаншь отъ шой доро- „ ги, кошорая имъ опкрыша и въ пѣхъ мѣ- „ спахъ, чрезъ кои они проходить намѣ- „ рены, спроишь большія засѣки или моспы. „ Почему повелѣваемъ вамъ, не перяя времени, „ какъ скоро возможно, спроишь оныя съ краю „ озеръ, или между озерами и горами шамъ, „ гдѣ можно ожидашь Русскихъ. Ихъ спроишь „ шакъ, чшобы они съ дороги вовсе были не- „ примѣшны, дабы, если покажешся непрія- „ шель, можно было по онымъ ишши взадъ и „ впередъ, какъ нужда шого пошребуешъ. На „ сихъ моспахъ должно поспавишь пѣхопу „ въ полномъ вооруженіи, чшобы заманишь

были иногда весьма длинны и устроивались такъ, чтобы одинъ слѣдовалъ за другимъ, дабы непріятель безпрестанно былъ ими останавливаемъ. Болѣе всего, какъ сказываютъ, дѣлались они между горами, у болотъ и озеръ,

„непріятеля, какъ мы уже о томъ изъяснили
 „свое мнѣніе въ Выборгѣ. При семъ посылаемъ вамъ чершежъ (Scamplum), какъ должны бышь построены сіи мосты, и пр.“ —
 Въ другомъ письмѣ къ Нильсу Есперсону и Ерану Трульсону отъ 27 Января 1556 года изъ Або Король между прочимъ говоритъ:
 „Мы совѣтуемъ также вамъ спастъ въ лѣсу
 „лагеремъ близъ Ихсепе, или въ другомъ мѣстѣ,
 „гдѣ удобно построитъ мосты, чтобы
 „непріятель не могъ васъ окружитъ, дѣлая
 „оныя сколь возможно ближе одинъ отъ другаго,
 „дабы если онъ пробѣжеть, армія наша
 „могла имѣть подкрѣпленіе и пр.“ — Письмо къ Сванне Спуре, писанное въ Або отъ 14 Февраля 1556 года, такого же содержанія. Сіи и другія письма, служащія къ объясненію войны Шведовъ съ Россіянами, напечатаны на Швед. языкѣ въ Adlersparres historiska Samlingar I. Части. Собраніе сіе для любителей Сѣверной Исторіи весьма занимательно.

чрезъ конъ непріашель переходить ду-
малъ.

Сіе описаніе сходствуешь съ самимъ положеніемъ Поншовыхъ мостовъ, по оставшимся слѣдамъ коихъ видно, что они не были ни дорогами, ни настоящими мостами, но состояли изъ подрубленнаго лѣса, котораго ни въ болошахъ и шеперь сощипать можно. Если сіе въ самомъ дѣлѣ справедливо, то Поншovy мосты шѣмъ достопамяннѣе, что они, сколько мнѣ извѣстно изъ мѣстнаго познанія сей страны, единственно сохранились до нашихъ временъ. Неоднократно уже обращали они на себя вниманіе многихъ просвѣщенныхъ особъ, хошя предназначеніе ихъ и до нынѣ оставалось неизслѣдованнымъ.

Понтова гора, именуемая по Фински *Pontuxen Linna* или *Linna mäki*, естѣь большая гора лежащая противъ Кивинебской церкви въ старой Финляндіи, гдѣ построень нынѣ Кивинебскій церковный

домъ. Нигдѣ не означено, когда имѣлъ здѣсь пребываніе Поншь; но изъ названія оной заключить можно, что онъ тамъ жилъ, или имѣлъ какое либо укрѣпленіе. За прицпашъ предъ симъ лѣтъ упоминается не только у Шведскихъ, но и у Россійскихъ писателей городъ (крѣпость) *Кивиньбъ*, которой вѣроятно былъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ *Pontuxen linna*. Русскіе называютъ оный *Киноветъ*; но кто не увидитъ, что сіе есть одна шокмо переспановка буквъ? Какъ Шведскіе, такъ и Россійскіе лѣтописцы повѣщываютъ, что на семъ мѣстѣ происходило большое сраженіе, хотя объ ономъ весьма различно повѣщывается (*). Шведскій

(*) Смолри Миллера *SammI. Russischer Geschichte*: 5 T. стр. 507. Далина Ч. 3. Гл. 8. § 7. *Girs Gustaf I. Historis*: р. 122. У Далина о *Кивиньбъ* не упоминается, но происшествіе повѣщывается одинаковымъ образомъ. *Карамзинъ* въ 453 примѣчаніи къ VIII Тому своей *Исторіи* приводитъ одно мѣсто изъ Русскихъ

Комендантъ въ Кивинебѣ по имени
 Іёнсъ Монсонъ былъ человекъ дерзкій и
 неисповый (*). Но какъ прежде такъ
 и послѣ сего, исторія о сей крѣпости
 ничего не упоминаетъ, изъ чего съ въ-

лѣшописей, гдѣ сказано: „Какъ Воеводы при-
 „шли за рубежь въ Смолино и въ Лебежье и
 „послали къ городу Киновепи (Кинодепи,
 „Кувену). . . .

(*) Доешойно примѣчанія то, что Король
 Густавъ писалъ о происходившемъ у Киви-
 небо сраженіи и о Комендантъ Іёнсъ Монсонѣ:
 „Вѣрноподданые! весьма сожалѣшь должно,
 „что мы положились на Іёнса Монсона, кошо-
 „рый въ Кивинебѣ дѣлалъ, что хотѣлъ, хо-
 „пя въ прошедшемъ году и одержавъ она
 „верхъ. Я полагаю, что Русскіе вшоргшіеся
 „тогда въ нашу землю были необразованные
 „крещяне Новгородской области, можеть
 „быть никогда не видавшие сраженія. Но
 „если они придуть шеперь, то должно
 „имѣть дѣло съ людьми, приобыкшими къ вой-
 „нѣ, послѣку они долгое время сражались съ
 „Татарями. Для того совѣшую вамъ не дѣ-
 „лать на нихъ никакихъ нападеній, гдѣ вы
 „не увѣрены въ своемъ успѣхѣ.“ Adlersparre I.
 Del. p. 40.

ропшностию можно заключить, что она была мадоважна. За нѣсколько предъ симъ лѣтъ нашли шамъ зарышыя въ землѣ древнія оружія, кои шакъ заржавѣли, что шолчасъ изломилсь.

Красная сосна, упоминаемая въ преданіи, стоить на большой дорогѣ, идущей отъ Петербурга въ Шлиссельбургъ и обнесена заборомъ. Поселяне почищаютъ ее свяшынею, можетъ быть по тому, что на томъ мѣстѣ былъ монастырь, о коемъ упоминаетъ Абовскій Епископъ *Павель Юстенъ*, говоря, что оный находился подлѣ дороги неподалеку отъ Номебурга (*).

Окончимъ сіе изслѣдованіе крашкнии замѣчаніями о самомъ шомѣ Кирхшпилѣ,

(*) Narratio Pauli Justen Episcopi Aboensis de Legatione sua Russica, изданное Профессоромъ Поршаномъ въ Або 1775. 4. стр. 3. Сіе же самое повѣщешвованіе напечатано было Профессоромъ Эверсомъ въ Дерптѣ, въ издаваемомъ имъ продолженіи Samml. Russ. Geschichte.

въ коемъ наиболѣе разсказываеяся преданіе о Поншѣ де ла Гарди. Въ Токсовѣ не осмалось никакихъ старыхъ документовъ, каковыя находятся въ нѣкоторыхъ церковныхъ архивахъ Новой Финляндіи еще и до нынѣ. Однѣ записки покойнаго Пробста Топпеліуса заключающъ нѣкоторыя любопытныя извѣстія, восходящія однакожъ не далѣе XVII столѣтія и почерпнушыя большею часію изъ народныхъ преданій. Изъ оныхъ видно, что Токсова съ Валькіасари принадлежала къ одному приходу и уже за спо льпъ имѣла свою собшвенную церковь, (находившуюся между деревнями *Лалолою* и *Вартямеки*, на рубежѣ сихъ двухъ Кирхшпилей), — построенную иждивеніемъ бывшаго въ Ніеншанцѣ сборщика доходовъ Малма; — что сія страна была тогда почти необработана. — Нынѣ живущъ здѣсь Карелы, но наибольшую часшь составляютъ переселенцы изъ Новой Финляндіи, кои во время прежнихъ войнъ будучи взяшы въ числъ

военнопленныхъ, по заключеніи мира
оспались въ сей снранѣ и воздѣлали за-
пустѣвшія поля. Почти всякой изъ
нихъ знаетъ прежнее свое жилище.
Языкъ ихъ сходствуетъ съ Корель-
скимъ нарѣчіемъ; но нравы ихъ по при-
чинѣ обхожденія съ разными людьми измѣ-
нились и не столь чисты какъ можно бы
ожидать въ большомъ разстояніи отъ
столицы.

К Л А Д Б И Щ Е.

(Изъ Ленардовыхъ летаній).

Темнобагровая луна, подобно огненному шару, пламенѣла на небѣ, и звѣзды разсыпали свой блѣдный свѣтъ изъ замрачныхъ облаковъ. Ужасное безмолвіе шягошѣло надъ землею и кладбище было страшнѣе, подобно пуши къ вѣчноспи. Глухо звучалъ полунощный колоколь съ башни часовой и ржавый флюгеръ стоналъ со скрипомъ на церковной кровлѣ. Вѣперъ вылъ въ сводахъ, и спучалъ основами и черепами въ обителеша смерши. —

Зазвенѣли желѣзные запоры, врата отворились. Вдали звучали гробы подъ стопами пришельцевъ; шускый свѣтъ

появился изъ далека, мѣлькаль по могиламъ, казался исчезающимъ — и не исчезалъ. Ближе и ближе при мерцаніи фонаря подходили при человекѣ, но не въ печальномъ одѣяніи, не сопровождаемые погребальнымъ шептвиемъ.

Спойше, мужи! и повѣдайте мнѣ, не шрепещете ли вы въ сей обипели ужаса, не содрагаешесь ли вы въ часы привидѣній, дерзая нарушать спокойшвіе мертвыхъ?

Но они не шрепепали въ обипели ужаса; они не пришли осквернять хищными руками безмолвныхъ могилъ.....

Плачь, плачь со мною, добрый, чувствительный юноша! Пусть льются эти перловыя слезы, крошкая, чувствительная дѣвица! Они несли Эдвина, несчастнаго юношу, который угнетень спраданіями, лишилъ самъ себя жизни — Эдвина, сожалѣнія достойнаго! —

Добръ и благородень былъ Эдвинъ; природа даровала ему сердце исполнен-

ное пылкихъ чувствованій. Сильно билось сердце его для дружбы и любви; искренно стремилась душа его къ слиянію съ прекрасными, чувствительными душами; но онъ былъ забытъ людьми въ веснѣ своей жизни, обманутъ шѣми, кошорыхъ онъ любилъ; — онъ одинъ былъ на свѣтѣ и — оставилъ его.

Плачь, плачь объ немъ, добрый, чувствительный юноша! Пусть льются перловыя слезы, милая, невинная дѣвица! —

Въ безмолвіи и безчувствіи шествовали мужи до спѣнъ кладбища; поодаль отъ мирнаго убѣжища братьей его зарыли они окровавленный шрупъ въ землю, — и удалились поспѣшно. —

И шакъ, ты не существуешь уже, бѣдный спрадалецъ и никто не съшуетъ надъ швоей ужасной могилой. И кто не желаетъ тебѣ спокойшвія, кошораго ты не находилъ въ жизни, вѣщая: „По-

„койся въ мирѣ, несчастный! Всѣ, всѣ
„себя оставили, всѣ осуждаютъ, про-
„клиняютъ тебя, — а ты ихъ всѣхъ
„любишь!“

Такъ я по крайней мѣрѣ извлеку
крапиву изъ подъ главы швоей: Я возо-
пю къ міру: „бращія! не проклинайше
„его! —“

Н. Розенмейеръ.

РАЗНЫЯ МЫСЛИ.

Униженіе, причиняемое намъ другими, есть несносная обида; но когда мы чувствуемъ его сами, то оно есть спасительное наставленіе.

Гордость всегда почти сопряжена съ низостию: онѣ непрестанно подають другъ другу руку. Гордые люди унижаются, чтобы достигнуть низостию своей цѣли тамъ, гдѣ ничего не выигрываютъ гордостию; а гордящся для того, чтобы ихъ почитали неспособными къ низости.

Характеры людей спольже различны и многообразны какъ физиогноміи ихъ лицъ, и есть нѣкоторое соот-

вѣпствіе между свойствомъ характера и физиогноміею лица.

Чесць дѣвицы подобна хорошо выполированному металлу: блещеть на солнцѣ, но пускнеть въ тѣни, даже отъ дурнаго воздуха нѣкоторыхъ мѣствъ.

Самые лучшіе и удобнѣйшіе для народа законы суть тѣ, кои предписываютъ средину между соспояніемъ, въ какомъ долженъ быть народъ, и шѣмъ, въ какомъ онъ есть. И потому должно ихъ знать хорошо; ибо соспояніе, въ какомъ долженъ быть народъ, есть цѣль законодательства; а соспояніе, въ какомъ находишься народъ, есть точка, отъ коей надобно его вести: пошребны средства, — это средина между шѣмъ и другимъ соспояніемъ.

Первая ссора въ любви и въ дружбѣ всегда опасна. До нея любовники и друзья живутъ въ прекрасномъ, очаро-

вашельномъ замкѣ ума и добродѣтели, незная пощаденной двери въ мрачное подземелье — заблужденій и слабостей своего сердца: первая ссора находишь и открываешь ее. Горе имъ! они будутъ опшорять ее часто, весьма часто, пока оставяшь навсегда опшорстою. Одной великой душѣ свойспвенно, увидѣвъ мракъ подземелья, освѣшишь его, или съ швердостою закрышь навсегда спрашной вершепъ. Одной великой душѣ прилично, узнавши слабую спорону любимого своего предмета, опшорожно ее исправишь и великодушно забышь, или предохраняшь всѣми силами, чтобъ она никогда болѣе не обнаруживалась.

Обыкновенные люди бывають юноши душею только въ молодыхъ лѣтахъ, а философы и поэты до гроба.

Высокомѣрие и лицемѣрное униженіе имѣють много между собою сходнаго, хотя кажутся прошивуположными

крайностями. Высокомѣріе, часто боясь унизить себя, принимаетъ видъ смиренія; но смиреніе, желая достигнуть скромнаго величія, перерождается въ несносное высокомѣріе. Честолюбіе есть общій ихъ источникъ: вода одинакова; но разность въ томъ, что одинъ ручей течетъ на воспокъ, а другой на западъ; одинъ честолюбецъ является міру въ блестящихъ доспѣхахъ Александра Македонскаго, а другой въ смиренномъ рубищѣ Діогена.

Есть люди, кои любятъ *работать* чужими руками и *разсуждать* чужимъ умомъ.

Въ невинномъ сословіи народа, невинность не получаетъ тѣхъ вредныхъ похвалъ, коими превозносятся ея въ обширныхъ, развращенныхъ городахъ. Тамъ цѣнится она по своей рѣдкости.

Обыкновенно думаютъ, что компли-

менты говоряшь для того, чтобы льстивъ, угождать другимъ. Ничего не бывало. Ихъ говоряшь, чтобы выказать себя, свою оспрошу, свою свѣтскую ловкость, свое искусство говоришь.

Говоряшь, что женщины до замужства не имѣють опредѣленнаго характера. Опъ часни это справедливо, — и можешъ быть пошому, что предметы желаній, надежды, любви въ дѣвушкѣ — неопредѣленны, общи. Она желаетъ нравиться вообще мушинъ, а не сему или другому; надѣется заслужить любовь мушины, ей еще неизвѣснаго; любитъ сама вообще мушину. Дѣшательная мечшательность представляетъ ей какое по существу ошвлеченное, не шакъ чувствительное какъ она, за шо великодушнѣе; не шакъ нѣжное, за шо посподнѣе; не шоль пламенное, за шо единообразное въ своей привязанности; не шоль прогашельное, за шо сильнѣйшее; не шолько побѣждающее нѣжными преле-

спями, сколько повелишельнымъ взглядомъ полубога.

Если бы въ молодыхъ лѣсахъ разсудокъ соопвѣщивовалъ дѣшельности, а въ старыхъ дѣшельность разсудку; то чего не могъ бы сдѣлать человекъ въ своей жизни?

Лѣность въ душѣ несравненно скорѣе укореняется, нежели въ плѣть.

Есть люди, кои не любящъ жить сами собою въ своемъ домѣ и въ своей душѣ. Они обыкновенно не бываютъ у себя и плѣомъ и духомъ. Всегда въ опсущствіи, всегда у другихъ; чужимъ обѣдомъ наполняютъ желудокъ, чужими мыслями голову, чужими правилами сердце: это называется просто не держать ничего своего.

Рѣдкій юноша въ мечтахъ своихъ не шворилъ себѣ новаго, очаровашельнаго

міра, не населялъ его прелестными существами своего воображенія; по крайней мѣрѣ рѣдкій не желалъ представить его лучшимъ, совершеннѣйшимъ въ романахъ, въ идилліяхъ. Но долго ли кружатъ голову сія прелестныя мечты? Долго ли одушевляетъ сердце сія спросишь къ добру, сія жажда совершенства? Много ли бываетъ писателей? — Юноша вступаетъ въ зрѣлый возрастъ, на хладную спезю свѣта, и онѣ скрывающіяся въ отдаленіи какъ милые призраки сновидѣнія. Новый міръ, созданный его воображеніемъ при блескѣ свѣта исчезаетъ какъ легкій ушренный шуманъ отъ лучей солнечныхъ; очаровательныя существа, сотворенныя его мечтою, бѣгутъ предъ опытностію какъ мотыльки и бабочки отъ хладнаго дыханія сѣвера. Что вышло изъ пылакаго, чувствительнаго юноши? Человѣкъ съ спѣсненнымъ сердцемъ, съ погасшими желаніями, съ умершими надеждами, словомъ — человѣкъ обыкновенный. Гдѣ же вдохновенный писатель? Буря свѣта

рано сорвала цвѣты его воображенія; вразъ опыша на зарѣ жизни охладилъ его сердце.

Одной книги не написано ни на какомъ языкѣ, а именно: *сравненія велигя и слабостей теловѣтескихъ*. Она была бы очень поучительна: она смиряла бы гордаго и возвышала уничиженнаго.

Тѣ, кои говорятъ: *я могъ бы это сдѣлать, но не хочу*, раздѣляюся на два рода. Одни обманываютъ свѣшь, а другіе и свѣшь и себя.

У рѣдкихъ бываютъ сильныя, непреодолимая спраспи, кои увлекаютъ, шакъ скажешь, противу воли. По большей часши всѣ способности души шакъ уравномѣрены, что нѣтъ перевѣсу ни на шу ни на другую спорону. Однимъ словомъ люди подобны гладкому шару: онъ кашится шуда, гдѣ наклонность;

человѣкъ шествуесть по пуши, какой предсавишь ему случай.

Свѣшскій человѣкъ шыдидися мечпаній своей юности и хочеть скорѣ ихъ забышь; а позшь бережеть ихъ съ нѣжностію и сѣшуесть о малѣйшей ихъ ушрапѣ. Опъ чего? Опъ того, что первый спараеися забышь себя и живишь по волю свѣша; а второй мало забоишися о другихъ, но живеть самъ съ собою.

Смерть спрашна по одной неизвѣстности, что съ нами будеть за предѣлами гроба; шакъ шочно какъ изъ родимой долины спрашно вступишь въ мрачный непроницаемой лѣсъ. И кажешся, что по шой же причинѣ никшо бы не захопѣль переселишися безвозвратно на луну, если бы сіе и возможно было.

Кшо пошпигаетъ хорошо будущую жизнь, шощъ не боишся умерѣшь: онъ

переходишь только въ знакомую, хотя и дальнюю страну.

Грусть и горестъ непріятны сами по себѣ; даже можно завидовать людямъ, кои живутъ всегда весело. Но я не захотѣлъ бы жизни, составленной изъ однихъ веселостей, усѣянной одною радостію. Грусть или какое-то щомное уныніе имѣютъ также свои прелести; онѣ заставляють насъ обратишь вниманіе на самихъ себя, на природу, на Творца. Горестъ укрѣпляетъ силы душевныя, радость ослабляетъ ихъ.

Скука и меланхолія суть болѣзни образованныхъ народовъ: дикарямъ онѣ неизвѣстны. Въ бездѣйствіе образованной человекъ скучаетъ и груститъ, а грубой — спитъ.

Для общеннаго нашего спокойствія въ жизни надобно, какъ можно болѣе, шерпѣть глупости другихъ и какъ можно менѣе имѣть своихъ.

А. Гевлицъ.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

СМЕРТЬ АЗАЛЫ.

(Изъ Оссіана.)

Оссіанъ посвящаетъ пѣсню сію любезной своей Малвинѣ. Въ ней описаны горесте, страданіе и смерть Азалы, бывшей притиною смерти супруга своего Ларнуля и его друга Аллара. Нѣкоторые думаютъ, что Бардъ нарочно выбралъ пѣсню сію, дабы представитъ Малвинѣ пагубныя слѣдствія непопозволенной страсти.

Воспоминаніе! почто стремишься нынѣ
Прощекши времена въ душѣ возобновляешь?
Ахъ! сердце скорбное помышля въ сей пус-
спынѣ.

Глаголу быспрыхъ лѣшъ мнѣ пятгоспно вни-
машъ?

Свершая свой полешъ, они едва вѣщають:

„Несчастный Оссіанъ! часъ близокъ смерши
злой!

„Возри, какъ мрачные шуманы долъ скрѣ-
ваютъ,

„И скоро облечутъ пвой камень гробовой!“

Чпожъ мѣдлше еще? Несишесъ быспры годы!

Я съ неперпвнѣемъ жду моеѣ кончины дня.

О радоспъ лѣшъ моихъ, Мальвина, дщерь
Природы!

Ты хочешъ слышашъ пѣснѣ Азалы опъ меня;

Внемли же скорбному вѣщанью Оссіана.

Онъ въ горестны часы Мальвину ушѣшалъ,

Когда низвергла въ гробъ Оскара смершна
рана,

Не яль шебъ его ушрапу облегчалъ?...

„Ночь мрачной пеленоѣ небесный сводъ
одѣла;

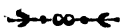
Уныло вѣперъ выль межъ дикихъ, грозныхъ
скаль,

Пучина бурная волнуясь ревла,
 И смерти вопль глухой Азалу поражалъ,
 Доспѣхи древніе опщевъ ея звучали;
 Печальный издаде злая арфа звонъ
 И псы зловище въ берлогахъ завывали:
 Все гнало онъ очей несчастной сладкій сонъ!

Ларнуля мшища пѣнь внезапно ей пред-
 снала.

Взоръ мраченъ былъ его, на дланяхъ черна
 кровь,
 И язва тяжкая въ груди его зѣла;
 Грозящимъ маниемъ и съ скрежетомъ зубомъ
 Онъ слѣдовавъ велѣлъ Азалѣ за собою.

Забилось сердце въ ней, стѣснилась скор-
 бью грудь;
 То спунишь въ слѣдъ за нимъ шрепещущей
 споною;
 То вдругъ невольный страхъ ей преграждаетъ
 путь;
 Но наконецъ, прервавъ жестокое сомнѣнье,
 Выцаешь: я иду съ тобою, мой супругъ!...

Въ молчаньи шествуешь предъ нею приви-
дѣнье,

И грозный видъ его спрашишь въ ней робкій
духъ.

Въ распущенныхъ власахъ свисѣли въш-
ры помно;

Предчувство бѣдствія являя унылый взоръ.

Черезъ поле шла она съ душой печальной,
скорбной;

Тамъ темной въ препенѣ переходила боръ;

Тамъ съ хладнымъ ужасомъ съ крушой горы
спустилась,

И въ мрачный наконецъ вспутила доль она.

Мгновенно молніей долина освѣпилась;

При яркомъ блескѣ семъ, опчаянна, блѣдна,

Азала предъ собой Ларнуля шрупъ узрѣла,

И ощутила вновь боязнь въ душѣ своей;

Казалось, самая природа онѣмѣла,

Когда Ларнуля пѣнь вѣщала грозно ей:

„Остановись! мой шрупъ, Азала, предъ шо-
бою!

„Возри жестокая на спрашный сей пред-
метъ!

„Я рпъ шебя погибь, сражень своей рукою,
 „Какъ сръзанный серпомъ жнеца весенній
 цвѣшь!

„Возри и препещи, какъ кровь моя дымится!“
 Онъ рекъ, и гласъ его исчезъ въ единый мигъ,
 Азала скорбная за призракомъ спремишся,
 Въ ней чувсшва замерли — и вопль ея ушихъ.
 Спраданья шяжкiа несчастной грудь шерза-
 юпъ.

Какъ сѣрные пары, стуспясь въ ушробъ горъ,
 Колебляшь ребра ихъ и съ громомъ пошря-
 саюпъ

На древнемъ ихъ челѣ распуцiй, дикiй боръ.
 Азала, горестью сраженная, препещеть :
 То на кровавый шрупъ съ опчаяньемъ гля-
 дишь ;

То къ мрачнымъ небесамъ смущенны взоры
 мещеть ,

И вдругъ безмолвiе прервавъ, она гласишь :

„Ларнуль! я зрю швою пронзенну грудь
 ударомъ ,

„И за шобой иду въ воздушный Лоды храмъ;

„Но прежде ты поставь межъ мною и Алла-
ромъ

„Сгущенно облако, чшобы сокрышь мой
срамъ. —

„Сберишесь надо мной всѣ ужасы гро-
зящи!

„Я долѣ не могу жизнь горестную влечь!“

И къ шрупу преклонивъ спопи свои дрожащи,

Изъ груди милого берешь кровавый мечъ,

И въ землю воздрузивъ, на острие низверг-
лась. —

Такъ плавая въ крови еще въ послѣдній разъ

Въ объятія его несчастная простерлась,

И — съ вѣспромъ воющимъ душа ея слилась! —

Ихъ хладныя тѣла сокрыли Звѣроловы

Въ разсѣлину скалы угрюмой, вѣковой,

Гдѣ нынѣ поросли вокругъ кусты шерновы;

Могила дикою одѣлася правой,

И мрачный верхъ ея возношится высоко.

Тамъ часшо видишся, какъ блѣдны шѣни ихъ

Блуждающъ надъ горой въ часъ полночи глу-
бокой,

Когда глядишь луна изъ облаковъ густыхъ,
И межъ гробами ихъ свисящій въспрь лѣ-
шаешь,

Ся разсѣлина всѣмъ смертію грозишь;
На камняхъ пагубныхъ ни кто не опдыхаешь;
И пушникъ съ ужасомъ долины сей бѣжишь. —

Н Ъ

Д Ъ Т С Т В О .

Пловцы, страну рожденья,
Увидѣвъ предъ собой,
При кликахъ восхищенья
Бросають якорь свой.
Пришедъ къ родному краю,
Подобно симъ пловцамъ
Я посохъ мой кидаю
Къ родительскимъ дверямъ.
О хижина драгая,
Свидѣшель дѣпскихъ лѣтъ!
Въ тебѣ подобье рая;
Въ тебѣ лишь горя нѣтъ!
Въ тебѣ, на лонѣ мира,
Мой духъ покой найдешь;
Отсюда и порфира
Меня не опзовешь.

Ахъ! сколько ни скипался
 По чуждымъ я спранамъ,
 Ни чѣмъ не наслаждался:
 Нѣшь сердцу милыхъ памъ!
 А здѣсь — земля святая!
 Родищель, нѣжна машь,
 Судьбу благословляя,
 Спѣшащъ меня обнящъ!
 Здѣсь, здѣсь мое рожденье
 Хоръ ппичекъ возвѣщаль;
 Здѣсь Феба появленье
 Я играми встрѣчалъ.
 Здѣсь хижинъ мирныхъ кровы
 Съдымъ одѣлись мхомъ;
 Здѣсь розы и пунцовы
 Піоны подъ окномъ.
 Тамъ въ цвѣшникѣ лобзаешъ
 Лилей мошылѣкъ,
 И пчелка собираешъ
 Съ фіалокъ сладкій сокъ.
 Малиновки съ ппенцами
 Въ пріюпъ гнѣздяпся свой;

Голубки съ голубками
Воркуютъ межъ собой.
Тамъ съ скаль крупныхъ попоки
Кристаллы журчатъ,
И дубы въ нихъ высоки,
Какъ въ зеркало, глядящъ.
Сихъ мѣстъ очарованье
Опять въ душѣ моей
Родишь воспоминанье
О счасшь первыхъ дней,
Когда воображаю
Забавы дѣшскихъ лѣтъ,
Вновь юношью пылаю,
Вновь юный вижу свѣтъ!
Тамъ зеленѣютъ ивы
И берегъ луговой
Ручья, который нивы
Поитъ своей струей,
Подъ тихій звукъ свирли
Съ Зефирами въ пѣни
Тамъ мы плясали, пѣли
Въ прелестны лѣтні дни.

Вошь прудъ, гдѣ изъ сосновой
 Кору мой плавалъ флочь.
 Тушь мостикъ былъ дубовой,
 А тушь — волшебный грошь,
 На верхъ его взмощаясь,
 Съ воспоргомъ я смотрѣлъ,
 Какъ быстро поднимаюсь
 Бумажный змѣй лепѣлъ!
 Попомъ, дождавшись свашокъ,
 Иль масленной поря,
 На санкахъ, безъ перчатокъ,
 Кашался я съ горы,
 И худо направляя
 Съ нее свой быстрый бѣгъ,
 Здѣсь падалъ я, слагая
 Вину свою на снѣгъ.

Вдали шумящъ лѣбочки
 Средь бархатныхъ луговъ,
 Гдѣ мнѣ сестра вѣночки
 Плела изъ васильковъ.
 Какъ часто со слезами

Ее здѣсь оспалялъ,
И съ сумкой за плечами
Я въ школу поспѣшалъ,
Гдѣ Пономарь великой
Ученостью своей,
Казался намъ владыкой
Почти вселенной всей!
А шамъ, въ глухой бесѣдѣ
Я за вину сидѣлъ,
И о пернашыхъ въ клѣшнѣ,
Томящихся жалѣлъ.
Тамъ вижу средь ограды
Вѣшвиспыхъ сосенъ шѣнь,
Въ кошорой я пролады
Искалъ въ палачій день.
Тамъ жавронки лепали,
Віясъ подъ небосклонъ,
И хоромъ услаждали
Усопшихъ пижій сонъ.
Тамъ смерпи не пугаясь,
Безпечно я ходилъ
И справками пѣняясь,

Ихъ рвалъ съ сырыхъ могилъ.
Меня не огорчало
Во младоспи ничпо ;
Улыбки не смѣняло
Слезой тогда и по,
Когда закрылъ чижъ глазки,
Пропаль мой мечъ — булашъ,
И ахъ! — когда всѣ краски
Сошли съ моихъ солдащъ!
Я въ пайнѣ издѣвался
Надъ слабоспью родныхъ,
Когда шуманъ являлся
Тоски на челахъ ихъ.
Тогда шалашикъ пѣсный
Чершогомъ мнѣ служилъ,
И я въ пищи безвѣспной
Доволенъ, счастливъ былъ.
Серебрянымъ попокомъ
Тогда мнѣ былъ ручей;
Ворожея — пророкомъ;
Орломъ — мой воробей,
Зрѣшь Альповъ возвышенья

Однюдь я не желалъ :
 Родимыя селенья
 Вселенной величалъ!

О юности безцѣнна
 Сладчайшая мечта!
 Что предъ тобой презрѣнна
 Вся свѣта суета?
 За чѣмъ шакъ быстро мчишься
 Весна немногихъ дней?
 За чѣмъ не возвратишься
 Ты въ крапкой жизни сей?
 Напрасное желанье!
 Увяль весенній цвѣтъ!
 Мы жалкое спляжанье
 Зимы угрюмыхъ лѣтъ!
 Вся жизнь — пустыня дивна,
 Въ цвѣтахъ змѣя шипитъ,
 Счастливъ, кого ехидна
 Тоски не уязвитъ!
 Счастливъ, счастливъ кто можешь
 Доволенъ бышь собой!

И сердце чье не гложешь
 Червь грусти роковой?
 Кто мирно оплещаетъ
 Въ небесну даль опсель?
 Слеза лишь раздвѣляетъ
 Нашъ гробъ и колыбель!
 Напрасно будемъ льстимься
 Покой здѣсь обрѣсти ;
 Ахъ! должно намъ рѣшимься
 Сказать ему: прости!
 Желанья злата, прона,
 Въ попомствѣ возблищать;
 До челнока Харона
 Насъ будущъ занимашь! . . .
 Но почести и слава,
 Корона, звукъ мечей,
 Не пожелъ, что забава,
 Игрушка первыхъ дней?
 Напрасножъ веселимся
 Мечшою, что распемъ:
 Дѣшми на свѣшъ родимся
 Дѣшми мы и умремъ!

П. Терлеовъ.

КЛЯТВА НА ПЪСКЪ.

Лилеша сказала:

„Алексисъ смотри!

Лишь солнце угаснешь

За ближней горой,

Заря восплаещь

На сводъ небесь,

Лишь сумерковъ сизыхъ

Завѣса падѣшь,

Лишь спихнешь все въ полѣ

И шелеснь и шумъ,

Лилеша украдкой

Къ тебѣ прибѣжишь. —

Ты знаешь пѣ холмы,

Гдѣ рѣчка журчишь;

Гдѣ ивы склонившись

На брегъ крупомъ,

Глядясь попока
 Въ кристальныхъ струяхъ:
 Тамъ горлицы паюшь
 Въ любовныхъ огняхъ;
 Тамъ вѣчно голубка
 Сидишь съ голубкомъ;
 Тамъ вѣчно близъ милой
 Поешь соловей;
 На вѣчную вѣрность
 Тамъ кляшву я дамъ. — “
 Воспоргомъ пылая,
 Онъ къ рѣчкѣ лѣпнеть;
 Сокрылось ужъ солнце,
 Алѣешь заря
 И травки рососою
 Сребрясь въ лугахъ.
 Ахъ, гдѣ же Лилеша,
 Лилешы онъ ждешь
 Но вздрогнуло сердце —
 Лилеша идѣшь!
 Какъ липа младая
 Пасушка спройна:

Лилей бѣлѣюшь
На полныхъ щекахъ,
И розы смѣюшя
На свѣжихъ усахъ,
И ясность лазури
Сіяепъ въ очахъ!
Подъ тонкимъ покровомъ
Колеблется грудь.
Какъ ппичка въ неволѣ,
Такъ сердце въ груди
Все спонепъ, все бѣтсся,
И жаждепъ любви . . .
О радость! Лилепа
Здѣсь кляшву даепъ.
Лилейною вѣшвью
Чершипъ на песокъ
И робко выводипъ
Священны слова.
Тупъ мальчикъ крылашый
Съ злапою спрѣлой
Амуръ былъ свидѣтель,
Порука въ любви.

Пошупивши очи
 И духъ припая,
 Лилеша въ смяпенви
 Клянешся — любишь,
 И съ хипрой улыбкой
 Въщаешъ, спыдая:
 „Алексисъ! шы кляшву
 Прочши на пескъ! —“
 Чышаешъ въ воспоргъ:
 „Алексисъ! мой другъ!
 „Лилеша клянешся .
 „Твоею вѣкъ бышь:
 „Скорѣ въ жаръ лѣшній
 „Замерзнешъ вода
 „И рѣки къ испокамъ
 „Помчашся назадъ;
 „Лисщочикъ потонешъ,
 „А камень всплывешъ;
 „Межъ горлицъ погаснешъ
 „Приязнь и любовь;
 „И волки пасыся
 „Начнуць мезъ овецъ,

„Чемъ я переспану;
 „Алексись! къ тебѣ
 „И спрась неизмѣнну
 „И вѣрность хранишь! —“

Лилеша писала
 Амуръ подтверждалъ;
 Землею и небомъ
 Клялися они.
 Но гдѣ ни взялися
 Воздушны божки,
 Зефиры плутишки,
 Вспорхнули въ кустахъ
 Пески возмутили
 И сперли слова! . . .
 Нѣшь кляшвы! . . . Лилеша,
 Гдѣ дѣлась и пы? —
 Алексись за милой —
 Она ошь него
 Какъ быспрая серна
 Ошь волка бѣжитъ. —
 Давнолижъ бышь вѣрной
 Лилеша клялась? —

Но все измѣнилось:
Лишь солнце взошло
Въ объяхъ Аминша
Пастушку нашло! —
О бѣдной Алексисъ!
Лилешамъ не вѣрь:
Ихъ кляшвы — сонъ сладкій,
Прельсшищъ — и исчезъ.

Ф. Глинка.

НА ОТКРЫТІЕ
СУВОРОВСКОЙ ПЛОЩАДИ.

Козловскій! я предрекъ тебѣ,
Суворовымъ своимъ гордися (*);
Щипомъ Героя осѣненный,
Дерзай, ваяпель, въ царство звѣздъ.
Пускай возстанешъ люта злоба,
Тряхнувъ на головѣ зміями;
Въ сѣдѣ скрывшися шуманы:
Духъ разумѣнья свѣтоносный
Разсѣешъ мрачну долгу ночь.

Народовъ многихъ искупишешь,
Едва пріялъ Порфиру Царь,

(*) Смотри Оду сочинителя въ первомъ изданіи.

Вождя Великаго прославиль;
 И первый лавръ ему поднесъ:
 Се двигнулся въ передь Суворовъ: (*)
 Священныхъ успъхъ внемля вельнья;
 Предъ нимъ могущая Нева
 Свое богатство разливаешь;
 Героя Славу громко шрубяшь
 Трипоны, всплывъ поверхъ воды.

Онъ живъ: се вновь спъшишь Суворовъ
 На крупизну леденыхъ горъ,
 И Галловъ жнешъ на Эриданъ:
 Смопри, онъ грозно держишь мечъ;
 Кругомъ его, воспорга полны,
 Спеклись попомки благородны,

(*) Спашуя Генералиссимусу посшавлена была не подалеку Конюшеннаго моста, по прежде сдѣланному положенію; ошкрыша въ годовый день по кончинѣ Героя 6 Маія 1802 года, вскорѣ послѣ восшествія на Престоль АЛЕКСАНДРА I.; нынѣ же на Суворовскую площадь перенесена по ЕГО повелѣнію.

И слезы льютъ?... Зрю, дышетъ мѣдъ;
Враги Отечества препенушъ,
И Петръ и Невскій совосплещушъ
Съ незримой вышины небесъ!

Графъ Хвостовъ.

Р А З Л У К А,

Козацкій Романсъ. ()*

Свѣшлый мѣсяць надъ Донскою
Нашей родной спороною
Изъ за — облакъ чужь свѣшилъ,
Олисъ въ дальный путь спѣшилъ.

Ворона коня сѣдаешъ
И dospѣхи надѣваешъ,
Сотворивши крестъ свяшой;
Горьки слезы льешъ рѣкой.

Но о чемъ же онъ рыдаешъ?
Вѣрно люшый рокъ лишаешъ
Хаты, кровныхъ и друзей,
Съ ними — счастья жизни сей?

(*) Для сего романа при концѣ сей книжки
приложены ноты.

Нѣтъ, не шо его смущаешь,
Олисъ Минку оставляешь,
Вопъ, что грудь его щягчишь,
Вопъ, что на сердце лежишь.

„Такъ, мой другъ! ты отвѣзжаешь,
„Минку въ скорби покидаешь:
„Больно сердцу одному!
„Говоришь она ему.

„Ахъ! останься Олисъ милой!
„Скоро встрѣпишься съ могилой
„На чужой ты сторонѣ:
„Предвѣщаешь сердце мнѣ.

„За дремучими лѣсами
„И за синими морями
„Олисъ счастья не найдетъ:
„Счастье дома лишь живешь.“

Вѣрь же ангель мой безцѣнный,
Что не славой ослѣпленный
Олисъ на войну идешь:
Вѣра, Царь и честь зовешь.

Такъ! на любу брань спремлюся;
 Но предъ небомъ я клянуся
 Вѣчно милую любишь —
 Образъ швой въ душѣ хранишь.

Ты не бойся рока злова!
 Можешь Олиса младова
 Онъ средь битвы пощадишь
 И въ опчизну возврашишь.

Но когдажъ удѣлъ суровый
 Заключишь меня въ оковы,
 Иль похишишь смерть меня; —
 Будь вѣрна — какъ вѣреть я! — (*)

А. Н. в.

(*) Авторъ посѣщаетъ романсъ сей знамѣ-
 нишѣму Донскому войску.

С М Ъ С Ъ.

У Ч Е Н Ы Я И З В Ъ С Т І Я.

I.

Г. Карлъ Пужанъ (Mr. Charles Rougens),
Членъ Академіи Надписей и Изящныхъ наукъ,
Корреспондентъ ИМПЕРАТОРСКОЙ Акаде-
міи Наукъ въ С. Пешербургѣ и разныхъ дру-
гихъ ученыхъ обществъ, печатаетъ нынѣ въ
Парижѣ свое сочиненіе: *Образецъ собранія кор-
ней и Грамматико - Философическаго слова-
ря Французскаго языка.* (Specimen du tré-
sor des origines et du Dictionair grammatical
raisonné de la langue Française.) Сей образецъ,
состоящій въ одной Часпи въ 4 долю листа
и содержащій до 500 страницъ, выдѣшь въ
свѣсь чрезъ шесть недѣль. Увѣряюшь, что
сей шрудлюбивый Академикъ началъ свои из-
слѣдованія о корняхъ Французскаго языка
1777 года въ Вашинганѣ, продолжалъ оныя въ

Британскомъ музеумѣ въ Лондонѣ, а довершилъ уже въ Королевской библіотекѣ въ Парижѣ, кошорая почитается богатѣйшимъ хранилищемъ учености въ Европѣ.

Авторъ счастливо избѣжалъ заблужденія системою, кои подобно баснословнымъ преданіямъ запрудняютъ изслѣдованіе истины. Существованіе языка первобытнаго, происходящее отъ первоначальныхъ и общихъ всѣмъ людямъ звуковъ, ему казалось Филологическимъ романомъ. Въ самомъ дѣлѣ не естественнѣе ли думать, что нашествія иноплемennыхъ поколеній, переселенія, великіе перевороты напуры, путешествія и торговля, смѣшавъ народы, подвергли и нарѣчія ихъ подобному же смѣшенію? Если же народы смѣшаны, то удивительно ли, что на Востокѣ употребляются слова, принадлежащія языкамъ Сѣвернымъ, и что Европа обогащалась рѣченіями обитателей Аравіи и Индіи. Г. Пужанъ въ изслѣдованіяхъ своихъ не показываетъ особеннаго пристрастія ни къ Оріентализму, ни къ языкамъ Сѣвернымъ. Очищенная Метифизика, свободная отъ всякихъ предположеній, глубокія свѣденія въ Исторіи, и наконецъ основательное знаніе многихъ языковъ суть ниши, коимъ должны мы слѣ-

довашь, вступая въ лабиринтъ Этимологии. Присовокупимъ также, что звукоподражаніе, должно бытъ вождемъ каждого Этимолога-Философа, особенно въ словахъ, посвященныхъ изображенію различныхъ предметовъ въ натурѣ, и выраженію дѣйствій физическихъ.

Сіе собраніе корней языка Французскаго, заключающееся въ 6 Частяхъ въ листъ, содержитъ: 1. Мнѣніе древнихъ Этимологовъ, которое по большей части авторъ разсматриваетъ со всею строгію точностію. — 2. Собственное мнѣніе Г-на Пужана или заключенія его о справедливой Этимологии Французскихъ словъ. — 3. Наконецъ различныя изслѣдованія о произхожденіи словъ какъ Европейскихъ, такъ и чужестранныхъ, опъ коихъ заимствованы слова, находящіяся нынѣ въ языкѣ Французскомъ. —

Г. Пужанъ сдѣлалъ также извлеченіе изъ сего собранія корней, которое составитъ не болѣе трехъ Частей въ 4. — Здѣсь онъ ограничивается сокращеннымъ изложеніемъ главныхъ основаній своего сочиненія, опуская всѣ свидѣтельства другихъ авторовъ, равно какъ и всю часть историческую.

Теперь намъ остается сказать о Грамматико-Философскомъ его словарѣ Француз-

скаго языка, который расположенъ слѣдующимъ образомъ:

1. Грамматическая классификація каждаго слова, съ показаніемъ рода познаній, къ коему оно относится.

2. Краткое изложеніе Этимологіи каждаго слова, по руководству Джонсона и Аделунга, славнаго авшора Мипридаша.

3. Точное опредѣленіе знаменованія словъ. Опредѣленія сіи по великому вліянію своему на мнѣнія людей, не только полезны, но даже необходимы; ибо когда токмо погрѣшности наши не суть погрѣшности физическія, тогда они большею частію бывають погрѣшностями грамматическими. Прибавимъ, что опредѣленія почнаго знаменованія словъ, есть дѣло весьма затруднительное и пребывающее большой осомпришельности во всѣхъ Грамматико-Философскихъ словаряхъ. Да и что можетъ быть труднѣе, какъ опредѣлить слова словами же, кои сами по себѣ пребывають опредѣленій.

4. Различныя знаменованія, свойственныя каждому рѣченію; сіи понкія и едва примѣныя оппѣнки, кои не возможно подвергнушь законамъ сфролой Дидактики; но кои легко познаещь человекъ, одаренный Ге-

ніемъ и вкусомъ, чловѣкъ признающій, что пишешь значить поэже, что рисовать, и что произвести въ другомъ какое либо понятіе, или подѣйствовашь на сердце и убѣдишь разумъ его нельзя иначе, какъ только посредствомъ чувствъ нашихъ и прибѣгая къ подробностямъ. Таковое согласованіе различныхъ знаменованій словъ, подтвержденное примѣрами, избранными со всею спрососпсію, не мало кажешся послужили къ разпроспраненію владычествва языка.

Въ продолженіи десяти лѣтъ авторъ съ возможнымъ тщаніемъ занимался чтеніемъ классическихъ Французскихъ писателей; онъ извлекъ весьма значительное собраніе мнѣній, или изрѣченій, изъ коихъ каждое имѣеть особое знаменованіе, число разныхъ примѣровъ, имъ собранныхъ для опысканія истиннаго значенія словъ, превосходитъ всякое вѣроятіе; оно просшираетъ за двѣсти пятьдесятъ тысячъ, изъ коихъ трудолюбивый Французскій - Филологъ сдѣлалъ весьма строгій выборъ. — Короче, большое собраніе сихъ примѣровъ, соображенныхъ между собою и изложенныхъ, такъ скажешь, алгебраическимъ образомъ, проложило ему путь къ составленію опредѣленій довольно точныхъ.

Ученая Европа съ нестерпнѣемъ ожидаетъ изданія сего образца, по которому легко можно будетъ судить и о цѣломъ шовореніи Господина Пужана.

2.

ОБЪЯВЛЕНІЕ О КНИГАХЪ.

О важнѣйшихъ изданіяхъ Герберштейна записокъ о Россіи съ критическимъ обзорнѣемъ ихъ содержанія. С. Петербургъ, 1818 года; въ Типографіи К. Крайя.

Книга сія есть сокращеніе *Siegmund Freiherr von Herberstein mit besonderer Rücksicht auf seine Reisen in Russland*, изданной Г. Аделунгомъ, извѣстнымъ по трудамъ его въ ученомъ свѣтѣ. Содержаніе ея слѣдующее: „обстоятельствва и заслуги Герберштейна. Уваженіе Екатерины II. къ его сочиненію. Изданіе въ С. П. Бургѣ его жизнеописанія. Источники, изъ коихъ почерпалъ онъ свой извѣстія. Изданіе записокъ его о Россіи въ подлинникѣ и въ переводахъ. Иностранцы, писавшіе о Россіи до времени Герберштейна. Сужденіе о немъ его современника. Обзорнѣе его сочиненія въ отношеніи къ испоріи, др-
Ч. IV. Кн. 3. 26

вносямъ, описанію земли и ея произведеній, вѣрѣ, правленію, военной силѣ, шорговлѣ, домашней жизни и увеселеніямъ. Свидѣтельство Россійскаго Исторіографа Н. М. Карамзина о достоинствѣ Герберштейнова сочиненія. При сей книгѣ приложены: портретъ Герберштейна, раскрашенный рисунокъ, изображающій его въ нарядѣ, подаренномъ ему Великимъ Княземъ Васильемъ IV. Іоанновичемъ, и карта Россіи XVII. столѣтія, ошпечашанная почеркомъ того времени. (*)

3.

Записки Морскаго Офицера, въ продолженіе кампаніи на Средиземномъ морѣ, подъ начальствомъ Вице-Адмирала Сенявина отъ 1803 по 1806 годъ, печатаемая по повелѣнію и на иждивеніи Государственнаго Адмиралтейскаго Департаментша и Россійской Академіи, издаваемая дѣйствительнымъ членомъ С. Петербургскаго Вольнаго Общества любителей Словесности, Наукъ и Художествъ, флота Капитанъ Лейтенантомъ и Какалеромъ Владимиромъ Броневскимъ.

Сии записки заключающъ въ себѣ: во пер-

(*) Продаеся въ книжныхъ магазинахъ Слениныхъ и Плавильщикова по 2 руб.

выхъ замѣчанія объ Англіи, Италіи, Греціи и Славянскихъ народахъ, съ изложеніемъ ихъ нравовъ, обычаевъ, древностей и всего примѣчанія доспойнаго. — Во вѣснѣхъ историческое описаніе кампаніи; для чего всѣ нужныя свѣдѣнія почерпнушы изъ подлинныхъ Актовъ, и сочинилъ, какъ очевидецъ, дѣйствія Флота и Арміи, въ Корфѣ находившихся, старался предсказать въ вѣрнѣйшемъ и правдивѣйшемъ повѣствованіи; а дабы для всякаго читателя сдѣлать книгу сію болѣе пріятною, издалъ по возможности, избѣгая морскихъ техническихъ словъ и всѣхъ подробностей обыкновеннаго журнала, изложилъ мысли свои простымъ описательнымъ слогомъ.

Книга сія состоятъ будетъ изъ 4 хъ частей съ 20 картами, видами и планами сраженій. Въ первой части заключаешся: плаваніе отъ Кронштапта до Корфы и происшествія въ Адриатическомъ морѣ, по Іюнь 1806 года. Во второй — военныя дѣйствія противу Французовъ въ Адриатическомъ морѣ въ продолженіе того же года. Въ третьей — компанія противу Турковъ въ Архипелагѣ въ продолженіе 1807 года. Въ четвертой — возвращеніе фрегата Венуса въ Средиземномъ морѣ. (*)

(*) Подписная цѣна на веленовой бум. 50 руб.

ИЗВѢЩЕНІЯ.

1.

Портретъ Князя Ишалійскаго; Графа Суворова Римнійскаго, вновь выгравированный Совѣшникомъ ИМПЕРАТОРСКОЙ Академіи Художествъ Ушкинымъ, съ портрета писаннаго Шминомъ, живописцемъ Курфирсша Саксонскаго, можно получать въ помянутой Академіи отъ самаго Г. Ушкина. Цѣна сему портрету 15 рубл.

2.

Вдова Тенегина, о которой извѣщено было въ 6й книжкѣ Соревновашеля по сдѣланной Гг. Членами подпискѣ на первой случай получила 30 рублей.

на любской 30 р., а на хорошей Ольхинской 25 р. Подписка принимается въ С. П. бургѣ въ Канторѣ редакціи военныхъ вѣдомостей на Сѣнной, у книгопродавцевъ Слениныхъ, Цавильщикова, и въ Москвѣ въ Университетской лавкѣ у Ширяева.

Имена особъ, благоволившихъ подписаться на сей Журналъ.

(Окончаніе.)

Въ С. Петербургѣ.

- Его Высокоблагородіе Череповъ 8 экз.
Его Благородіе Павелъ Ивановичъ Апаишиковъ.
Книгопродавецъ Глазуновъ 4 —
Въ Троицкѣ: Кунецъ Иванъ Маршаловъ.
— Магновкѣ: Его Высокоблагородіе Павловъ.
— Таганрогѣ: Его Превосходительство Панковъ,
— ————— Его Благородіе Можнянскій.
— Могилевѣ: Его Высокопревосходительство Баронъ Сакенъ.
— Москвѣ: Газетная Экспедиція.
— Сузунскѣ: Заводская Кантора,
— Красноуфимскомѣ: Его Благородіе Коуровъ.
— Екатеринбургѣ: Его Благородіе Федоръ Гавриловичъ Щедровъ.

Въ Алатовскѣ: Заводскій Исправникъ.
 — крѣпости Чинданттурукуевской: Казац-
 кій Сотникъ Холшевниковъ.

Въ Перми:

Его Высокоблагородіе Пиленко:
 Ихъ Благородія:

Андрей Булгаковъ.

Лудлонъ.

Давыдовичъ-Нащинскій.

Цишовичъ.

Слапвинскій.

— *Каргополь*: Его Благородіе Венедиктъ Бо-
 рьсовичъ Ешекскій.

Въ Вытеерѣ:

Его Высокоблагородіе Данила Федоровичъ
 Гольспъ.

Его Благородіе Михайло Афонасьевичъ Рапъ-
 ковъ.

Купецъ Ефимъ Шалапановъ.

— Гаврила Воробьевъ.

Въ Пудождѣ:

Ихъ Благородія:

Иванъ Егоровичъ Анаспасовъ.

Константинъ Макѣвичъ Ражновъ.

Въ Олонцѣ:

Его Благородіе Сидоръ Васильевичъ Васильевъ.

Купецъ Иванъ Васильевичъ Кондыринъ.

Въ Лодейномъ полѣ: Управляющій сборами
Трифонъ Ивановичъ Новиковъ.

— *Переяславль:* Его Высокоблагородіе Федоръ
Ивановичъ Корбелецкій.

— *Павлоградъ:* Уѣздный Предводитель дво-
рянства Лихачевъ.

— *Екатеринославль:* 1 й гильдіи купецъ Ко-
жевниковъ.

Въ Вяткѣ:

Его Превосходительство Павелъ Михайло-
вичъ Добринскій.

Его Высокоблагородіе Александръ Яковлевичъ
Жмакинъ.

Городовой Магистратъ.

Ихъ Высокоблагородія:

Алексѣй Игнашевичъ Корнилевскій.

Андрей Родионовичъ Маркаевичъ.

Ихъ Благородія:

Иванъ Ивановичъ Ташариновъ.

Евсигней Захаровичъ Наумовъ.

Пешръ Степановичъ Расковъ.

Сидоръ Анпоновичъ Мильчаковъ.

Павель Александровичъ Соловецкій.

Въ Ярославль:

Его Превосходительство Гаврило Гераси-
мовичъ Полишковскій.

Его Высокоблагородіе Иванъ Михайловичъ
Ярославовъ.

Въ Казани: Ея Благородіе Екатерина Василь-
евна Сыромяшниковъ.

Въ Мамадыши:

Почетный Смоленщель Уѣзднаго училища
Николай Семеновичъ Афонасьевъ.

Купецъ Алексѣй Ивановичъ Сухопаровъ.

— *Полтавѣ:* Его Превосходительство Па-
вель Васильевичъ Туполминъ.

— *Гадячѣ:* Губернскій Маршалъ Дворянства
Василій Чарнышъ.

— *Верхнеудинскомъ:* Его Благородіе Геден-
шпромъ 2 экз.

Въ Троицкосавской крѣпости:

Его Высокоблагородіе Голяховскій,

Какшинскій купецъ Николай Игумновъ,

Его Благородіе Корсаковъ.

Цолнеръ Садгилеровъ.

Купеческой сынъ Иванъ Кошельниковъ.

Иркутскій мѣщанинъ Никиша Сабашниковъ.

Верховажской купецъ Алексѣй Рудаковъ.

Вологодской мѣщанинъ Павель Волковъ.

Въ Житомирѣ:

Ихъ Сіятельному :

Князь Евстафій Теронимовичъ Сангушка.

Графъ Филипъ Антоновичъ Пляшера.

Ихъ Сіяшельства:

Графъ Балпазаръ Ивановичъ Коморовскій,
 — Иллинскій.

Его Высокоблагородіе Пининскій,
 Жишомировскій Подкоморій Піотровскій.

Ихъ Благородія:

Вацлавъ Ганскій.

Алонзій Гржибинскій.

— *Новоградъ Волинскѣ*: Маршалъ Вилежинскій.

— *Кременцѣ*: Маршалъ Држевецкій.

Въ Новогеркаскѣ:

Войска Донскаго Подполковникъ ~~Керасевъ~~.

————— Есаулы Власовы.

Въ Витебскѣ:

Повѣшовой Маршалъ Лускина.

Его Благородіе Игольникъ.

— *Городкѣ*: Повѣшовой Маршалъ Спахіевъ.

— *Сычевскѣ*: Его Сіяшельство Графъ Никиша Пепровичъ Панинь.

Въ Томскѣ:

Ихъ Высокоблагородія:

Капинъ.

Бурнашевъ.

Аболпинъ.

Хлопинъ.

Слапинъ.

Юрьенсонъ.

Ихъ Высокоблагородія :

Маршинъ.
 Миленкій.
 Голубъ.
 Барабашъ.
 Борзиковъ.
 Калимара.
 Порохня.
 Кондруцкій.
 Гавришъ.
 Спороженко.
 Дубоносъ.
 Курочкинъ.

Ихъ Благородія :

Спринской.
 Кривошея.
 Журавль.
 Джумайло.

Въ Черниговѣ :

Губернскій Маршалъ Дворянства Сшепанъ
 Михайловичъ Ширай.

Ихъ Высокородія :

Василій Ивановичъ Скороподскій.
 Пешръ Лавреншьевичъ Селецкій.
 Его Благородіе Николай Конспаншиновичъ
 Селивановичъ.

Ихъ Благородія:

Сюндюковъ.

Черницынъ.

Барнаульская заводская Каншора:

Въ городъ Черноѣ Яру:

Купецъ Иванъ Вендеровскій.

——— Василій Голощаповъ.

Купеческій сынъ Андрей Голощаповъ.

Имянишый Гражданинъ Иванъ Сабуровъ.

Купецъ Михайло Голощаповъ.

Въ Астрахани:

Ихъ Высокоблагородія:

Никифоръ Амвросіевичъ Кузнецовъ.

Поликарпъ Лаврогъ.

Жиллешъ.

Его Благородіе Дронинъ.

Купецъ Иванъ Михайловскій.

Въ Суздаля:

Ихъ Высокоблагородія:

Петръ Семеновичъ Куломзинъ.

Дмишрій Павловичъ Маренго.

Во Владимірѣ: Его Благородіе Михайло Никиничъ Языковъ.*Въ Муромѣ:* Его Высокоблагородіе Павелъ Ивановичъ Бурцовъ.*Въ Екатеринодарѣ:*

Его Высокоблагородіе Лисенко.

Педенко.

Повѣшовые Маршалы:

Спародубскій, Иванъ Шепановичъ Чернолу-
жскій.

Новозыбковскій, Федоръ Пешровичъ Савичъ.

Городницкій, Пешръ Пешровичъ Спаховичъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ

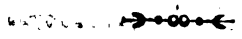
ЧЕТВЕРТОЙ ЧАСТИ.

ПРОЗА.

	<i>Стран.</i>
О Гомерѣ и его твореніяхъ . . . 1, 141.	257.
О нравахъ и обычаяхъ Морлаковъ, или Славянъ Далматскихъ	17.
Воспитаніе Исфандіара	67.
О мечшанинѣ	70.
Сердечная дань памяти Державина . . .	155.
Любославъ. Славянскіе вечера . 173.	272. 292.
Часовая башня	196.
Поншъ де ла Гарди	311.
Кладбище	339.
Разныя мысли	343.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Ларнулъ или опчаяніе. (<i>Изъ Оссіана.</i>) .	73.
Размышленія недужнаго	79.
Въ чемъ счастье?	83.
Экспромптъ	85.
Осень	86.
Шаррада	88.

Приглашеніе къ веселью	89.
Къ убѣгающей красавицѣ	92.
Судья и Сосѣдъ. (Сказка.)	93.
Шаросшь	205.
Къ моему Генію Хранишелю	211.
Картины вечера	215.
Пѣсня	218.
Къ другу моему В. Г. Л.	220.
Моя надежда. (Романсѣ.)	223.
Свѣча и щипцы. (Басня.)	225.
Смершь Азаты (изъ Оссіана.)	333.
Дѣшпшво	360.
Кляшва на пескѣ	368.
На открышіе Суворовской площади	374.
Разлука. (Козацкій романсѣ.)	377.

С М Ъ С Ъ.

Издѣдованія Лерберга, служащія къ поясненію древней Россійской Исторіи	97.
Ученыя извѣстія, извлеченныя изъ ино- спранныхъ журналовъ	126, 231.
О Савари и его сочиненіяхъ	227.
Объявленія	137, 449.
Извѣщенія	251, 452.

При сей части приложенъ портретъ Лерберга, рисованный на камнѣ и музыка для двухъ романсовъ.

ПОГРѢШНОСТИ ВЪ IV ЧАСТИ.

<i>Стр. стр.</i>	<i>напечатано:</i>	<i>читай.</i>
15	7. пибудь	нибудь
18	24. существвоалъ	существовалъ
20	7. Албан и	Албани.
—	21. ошець	ошець
21	16. сдѣланное	сдѣланное
24	9. исходяшь	происходяшь
38	2. съ упоршомъ	съ упорствомъ
82	1. Душа	Дуца
119	13. милей	миль
147	7. говришь	говоришь
166	8. Всдвигнушые	Воздвигнушые
180	8. Певелишеля	Повелишеля
203	7. горешъ	горешъ
213	2. пострешъ	просрешъ
—	6. 7. 9. лѣши	лѣши
230	21. шѣмъ	шѣмъ
231	5. большого	большого
—	10. по большой	по большой
232	8. они	они
238	24. въ рукописи	въ рукописи
239	19. воспишывавшійся	воспишывавшійся
243	27. щедрость	щедрость
244	2. въ Эксъ	въ Э
—	16. полныхъ	полныхъ
—	19. до управленя	до управленія
267	5. большой	большой
292	4. поверьхъ	поверхъ
—	22. окрешъ	окрешъ
296	9. великому и всеблагому	Великому и Всеблагому
299	21. ошъ нихъ	изъ нихъ

301	5.	волюку	всюку
317	3.	разказывался	расказывался
326	22.	вездѣ	вездѣ
346	5.	высокомъ рѣ	высокомъ рѣ
368	1.	на цѣскѣ	на цѣскѣ

Прочія погрѣшности не показаны по своей маловажности.

